

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

2 (61)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 2 (61), 2024

Научный журнал. Издается с 1968 г.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Гутов, д.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

2 (61)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 2 (61), 2024

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Алоев Т.Х.</i>	Распознавая антагониста: этюд к биографии Бесланого Аслангирея (1833–1834)	7
<i>Кешева З.М.</i>	Самодетельное искусство Кабардино-Балкарии во второй половине 1940-х – 1960-х гг. в культурной политике государства	16

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Дзыгъуанэ Р.Х.</i>	ГъэпсыкІэзэхэлъ зиІэ адыгэбзэ бжыгъэцІэхэм щекІуэкІ макъзэблэхъу лІэужыгъуэхэр	25
<i>АфІэунэ А.А.</i>	Адыгэбзэм и мэдэгу щыпІэбзэм и макъзешэ системэм иІэ щхъэхуэныгъэхэм теухуауэ	33
<i>Жылэтэж Хь. Ч.</i>	Адыгэбзэм и жылагъуэ-политикэ лексикэр джыным ехъэлІа Іуэхугъуэ зэхэмыбзхэр	42

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Гузиева (Сарбашева) А.М.</i>	Кайсын Кулиев в творческой судьбе Инны Кашежевой....	51
<i>Хакуашева М.А.</i>	Эволюция поэтического мастерства Инны Кашежевой (хронологический обзор разных периодов творчества)....	57
<i>Бетуганова Е.Н.</i>	Лирическое начало в творчестве И. Кашежевой	63
<i>Керимова Р.А.</i>	Художественное наследие Хажимусы Кулиева	72

ДОКУМЕНТЫ. МАТЕРИАЛЫ. СООБЩЕНИЯ

<i>Прасолов Д.Н.</i>	Материалы к публицистическому наследию Пшемахо Коцева	78
----------------------	--	----

IN MEMORIAM

<i>Озова Ф.А.</i>	Кавказовед В.Х. Кажаров: труды по черкесскому феодализму	86
...		

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Aloev T.Kh.</i>	Recognizing the antagonist: a study of the biography of Beslanoko Aslangirei (1833–1834)	7
<i>Kesheva Z.M.</i>	Amateur art of Kabardino-Balkaria in the second half of the 1940s – 1960s as one of the elements of the cultural policy of the state	16

LINGUISTICS

<i>Dzuganova R.Kh.</i>	Ablaut alternations in compound numeral names in the Kabardian-Circassian language	25
<i>Afaunova A.A.</i>	On the question of features of the system of vowel sounds of the Mozdog dialect of the Kabardian-Cherkassian language	33
<i>Zhiletezhev H.Ch.</i>	The main problems in the study of the socio-political vocabulary of the Kabardino-Circassian language	42

LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Guzieva (Sarbasheva) A.M.</i>	Kaisyn Kuliev in the creative fate of Inna Kashezheva ...	51
<i>Hakuasheva M.A.</i>	The Evolution of the poetic skill of Inna Kashezheva (chronological review of different periods of creativity)	57
<i>Betuganova E.N.</i>	The lyrical beginning in the work of I. Kashezheva	63
<i>Kerimova R.A.</i>	Artistic heritage of Khazhimusa Kuliev	72

DOCUMENTS. MATERIALS. MESSAGES

<i>Prasolov D.N.</i>	Materials to the publicistic heritage of Pshemakho Kotsev	78
----------------------	---	----

IN MEMORIAM

<i>Ozova F.A.</i>	Caucasian study V.Kh. Kazharov: works on circassian feudalism	86
-------------------	---	----

Научная статья

УДК 94 (470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-7-15

РАСПОЗНАВАЯ АНТАГОНИСТА: ЭТЮД К БИОГРАФИИ БЕСЛАНОКО АСЛАНГИРЕЯ (1833–1834)

Тимур Хазраилович Алоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2024

Аннотация. Статья представляет собой логическое и хронологическое продолжение предыдущих размышлений о жизненном пути одного из видных хаджретских лидеров князя Бесланoko Аслангирея. Она обращена на выявление исторического контекста и обстоятельств возвращения черкесского князя на военную стезю после полугодового пребывания в режиме относительного нейтралитета в отношении российской стороны. Текст фокусируется на двух значимых военных коллизиях: нападении командующего одного из участков Линии полковника Засса на ашхарауское село Кизилбека и черкесском рейде в район Баталпашинской станицы весной 1834 г. Именно в контексте этих событий имя Бесланoko Аслангирея возвращается на страницы ведомственной документации российской армии. Выявляя специфичность источников об этих событиях и простирая индивидуальную линию героя через их канву, в работе отслеживается динамика распознавания в фигуре хаджретского предводителя антагониста российского командования.

Ключевые слова: Бесланoko Аслангирей, Засс, Кубанская линия, хаджреты, рейд, военные действия, Баталпашинский участок, Кубань, Черкесия

Для цитирования: Алоев Т.Х. Распознавая антагониста: этюд к биографии Бесланoko Аслангирея (1833–1834) // Вестник КБИГИ. 2024. № 2 (61). С. 7–15. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-7-15

Original article

RECOGNIZING THE ANTAGONIST: A STUDY OF THE BIOGRAPHY OF BESLANOKO ASLANGIREI (1833–1834)

Timur Kh. Alov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2022

Abstract. The article is a logical and chronological continuation of previous reflections on the life path of one of the prominent Hajreth leaders, Prince Beslanoko Aslangirei. It is aimed at identifying the historical context and circumstances of the Circassian prince's

return to the military path after a year and a half in the regime of relative neutrality towards the Russian side. The text focuses on two significant military conflicts: the attack of the commander of one of the sections of the Line, Colonel Zass, on the Ashkharau village of Kizilbek and the Circassian raid in the area of Batalpashinskaya stanitsa in the spring of 1834. It is in the context of these events that the name of Beslanoko Aslangirei returns to the pages of departmental documentation of the Russian army.

Keywords: Beslanoko Aslangirei, Zass, Kuban line, khajrets, raid, military operations, Batalpashinsk section, Kuban, Circassia

For citation: Alov T.Kh. Recognizing the antagonist: a study of the biography of Beslanoko Aslangirei (1833–1834). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 2 (61): 7–15. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-7-15

После фиаско последней решительной попытки вовлечения населения *Туауцлэ* в массовое переселение на кубанское левобережье в середине 1832 г. [Алов 2023: 36–37] Бесланок Асланбек обозначил склонность к «замирению» с российским командованием. Источники, которыми мы располагаем не дают возможности однозначного суждения о том, во что вылилась эта явственно проявленная интенция князя. Представляется, что если о подобном намерении черкесского политика российское командование и было извещено и, возможно, это привело к достижению каких-то предварительных договоренностей, все же, имеются основания полагать, что до стадии их формализации дело так и не дошло. Здесь показателен кейс по замирению Касей Исмаила, этапы которого подробно фиксировались российской стороной («покорился добровольно в командование Вельяминова в 1832 г. и присягал в 1833 г.») [РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 38. Л. 26]. Если этот князь еще до летнего прорыва в центральную Кабарду вступил в переговоры с российской стороной и при этом в течение всего 1832 г. не формализовал свой новый статус сложно представить, что обозначивший аналогичный курс значительно позднее, и явно под давлением неблагоприятных политических обстоятельств, Бесланок Асланбек опередил его в продвижении к детанту. В пользу этого говорит и то, что в отличие от Касей Исмаила и ряда других князей в российской ведомственной документации похоже отсутствуют свидетельства вовлеченности Бесланок в подобную активность. Это позволяет предположить, что командование не считало целесообразным форсировать переговорный процесс, навязывая определенные обязательства Бесланок Асланбеку. Видимо было признано приемлемым (и достаточным на том этапе) декларации миролюбия со стороны фигуры, несколькими месяцами ранее продемонстрировавшей влияние в масштабе всего восточного сектора закубанской Черкесии. В любом случае, вероятнее всего, не позднее первых месяцев 1833 г. патриарха черкесской политики уже не было в живых. Логично предположить, что его наследники – Пшемахо и Аслангирей, по крайней мере, на первых порах не пренебрегали устоявшимся в последние месяцы жизни отца *modus vivendi* с имперским командованием. Источники кажется отражают неопределенное положение в котором пребывал клан, когда одного из его представителей весной 1833 г. отнесли к «непреданным» России лицам [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 164. Лл. 1–2.]

При этом, сойдя со второй половины 1832 г. со страниц рапортов о военных столкновениях в регионе, на протяжении всего следующего года активности братьев на военном поприще не было отмечено. Возможно, они, после смерти отца, намеренно взяли паузу по сугубо политическим соображениям, или же она объяснялась нежеланием обострения отношений с российским военным начальством в период организации ритуса упокоения старейшего князя хаджретской Кабарды. В этом плане обращает на себя внимание отсутствие братьев Бесланок среди трех кабардинских конных отрядов, пересекших Кубань в марте 1833 г. предводители которых, до и после этого, неоднократно фигурировали в российских источниках в качестве их боевых соратников [РГВИА.

Ф. 13454. Оп. 2. Д. 166. Л. 13.]. Однако вышеприведенная оценка Бесланко как «непреданных» показывает, что российская сторона не признавала надежным показателем лояльности одно лишь воздержание от открытого участия в военных действиях.

Положение братьев Бесланко, по-видимому, оставалось более-менее неизменным и к сентябрю 1833 г., когда интенсивность противостояния на Кубанской линии начала нарастать. Причиной тому, согласно мнению российских командиров становится то, что «Бесленевцы, соединясь с Абадзехами и беглыми Кабардинцами, в нынешнюю осень несколько раз покушались сделать вторжение в наши границы...» [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 737]. При этом главными раздражителями российского командования на протяжении осени-зимы 1833/34 гг. предстают хануко Кыз-Гирей и бесленевский князь Канок Айтек (чье село, к слову, 7 ноября 1833 г. подверглось разорению русскими войсками) [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 737]. Из источников явствует, что преследование отходящего российского отряда двухтысячной черкесской конницей (состоявшей из Абадзехов, Бесленевцев и «беглых Кабардинцев») осуществлялось «под предводительством кн. [Канок Айтека] и султана Кыз-Гирея» [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 737]. В последующие недели и месяцы их имена не сходят со страниц переписки российских командиров, оперирующих в регионе (при этом кабардинцев среди контрагентов нового командующего Баталпашинским участком не отмечено). Представляется что итоги подобного взаимодействия вполне удовлетворяли командующего Баталпашинским участком. В самом начале января 1834 г. Засс сообщает своему confidentу о том, что дом его наполнен абадзехами и бесленевцами, и преисполненный энтузиазма дополняет, что «сам султан Кыз-Гирей находится у меня», интонационно подчеркивая позитивные ожидания от таких контактов [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 739].

Несколько позже, 25 февраля 1834 г., он, опять-таки, не без оптимизма доводит до Розена информацию о том, что «Приведя Бесленевскаго народа 9 покорившихся аулов к присяге... 16 февраля двинулся за Кубань для наказания Мохошевскаго народа... прибыл 19-го числа к аулу сему...» Далее, им указывается на побочный результат предприятия, а именно на то, что «Из встречавшихся с арбами, ехавших по дороге за сеном, взял... 3-х Кабардинцев в плен, да кроме оных 13 чел., не хотевших добровольно сдаться, приказал побить...» [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 741]. Спустя месяц, 26 марта, кабардинцы опять понесли урон. На подходе к Кизилбековскому аулу отряд Засса (980 человек пехоты и 500 конницы при 5 орудиях) наткнулся на «косяк лошадей до 80-ти штук, принадлежащий кабардинскому султану Шомову, который козаки тотчас взяли; также находившихся при сем табунщиков хотели взять в плен, но как оне не здавались, и начали производить стрельбу, то и побиты все оные козаками» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 225. Л. 1]. Это обстоятельство позволило оповестить жителей до подхода противника к селу, что позволило избежать внезапности нападения. Даже на фоне разделяемого и непривилегированными слоями населения общего милитарного этоса и подчеркнутой ответственности за сохранность порученного поголовья, непреклонность табунщиков перед подавляющей мощью встретившегося им российского отряда кажется чрезмерной. Представляется, что их неразумывающей самоотверженности имеется и другое объяснение. Вероятно, в Кизилбековском ауле находилось значительное число их сородичей. О заметном кабардинском присутствии в ашхарауском селе свидетельствует, к примеру то обстоятельство, что во время этого вторжения в расположении русского отряда оказались две кабардинские семьи из десяти человек [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 225. Лл. 1–3].

При отходе российского отряда завязался бой. В рапорте Засса Вельяминову отмечено, что «горцы стояли сильно», а сам он «ранен пулею в правую руку

выше кисти с повреждением кости». Разворачивая сюжет в присущей ему эгоцентричной манере преувеличения значимости своих действий Засс далее сообщает: «Горцы видя, что я между ими остановился твердым лагерем полагали, что я на верою обращаюсь вторично для разбития какого-нибудь ещё другаго аула и имея великую потерю до 75 человек; явились ко мне из многих мест, просить пощады» [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 743]. Такой пафос тем менее уместен, что открытый и находившийся под постоянным наблюдением российский отряд уже не мог представлять той опасности, которая от него исходила до его обнаружения. Поэтому и донесение о том, что «Шалоховский народ доставил... аманатов и согласился на все требования возлагаемое на них от нашего правительства» корректно воспринимать по принципу *post hoc non est propter hoc* и, по сути, представляется «довыполнением» ранее взятых ими на себя обязательств. К тому же вскоре обнаружилось, что степень послушания бесленеевцев, частью которых были «шалоховцы», была далекой от желаемой российской стороной («все бесленеевцы повинуются по обстоятельствам») [РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 38. Л. 21]. В свете этого и бодрую интонацию концовки текста стоит воспринимать с поправкой на авторскую стилистику.

Особый скепсис в ней вызывает подача события, относящегося к герою настоящего текста. «В числе явившихся ко мне непокорных народов, – говорится в ней, – были беглые; кабардинский князь прапорщик [Хатокшоко Магомет], [Клыч Джамбулат] и [Беслаано Аслангирей], которым я приказал явиться ко мне в Невинный мыс, для представления их Вашему превосходительству...» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 225. Л. 3]. Если отвлечься от эмоционального фона пассажа обращают на себя внимание два содержательных элемента сообщения. Во-первых, его визитеры аттестованы в качестве представителей «непокорных народов». С высокой долей вероятности это означает, что они были участниками боестолкновений в районе Кизилбековского аула. Небрежность в перечислении персонажей, с которыми он вошел в контакт представляется второй немаловажной деталью донесения. Она позволяет предположить, что совпадение начала службы в регионе с периодом «замирения» Аслангирея (точнее – его отца), привела к недооценке Зассом отпрыска клана Беслааноко. Вероятно, о его спутнике Хатокшоко Магомете, в силу специфической биографии, на Линии были осведомлены несравненно больше. А с Хатокшоко Джамбулатом и прославившимся в 20-х гг. Касей Исмаилом, к примеру, Засс к этому времени наладил приемлемое для него взаимодействие. К тому же судя по источникам, Зассу был более знаком, ставший старшим клана, Беслааноко Пшемахо [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 195. Л. 6]. Оказавшись в тени персон с более выраженной репутацией Аслангирей явно не впечатлил начальника Баталпашинского участка. По-видимому, сыграло свою роль и скромно-этикетное поведение присущее князю [Торнау 1999: С. 275]. Как итог: военачальник пренебрег соблюдением декорума, упомянув Аслангирея лишь вслед за находившимся в феодальной иерархии на заведомо более низкой позиции басхагским аристократом. Здесь же важно то, что соображения эти не имели бы значения если бы Аслангирей вернулся на военную стезю раньше этого события. Возможно скромное поведение князя показалось полковнику признаком сговорчивости и уступчивости, что по окончании встречи он самонадеянно докладывал о том, что «приказал» черкесским князьям явиться к «начальству» на Линию.

Из содержания доступных источников доподлинно не известно последовал ли Аслангирей «приказанию» явиться к командующему на Линию. Очевидно только, что предложения с российской стороны не показались ему привлекательными. Это обстоятельство обнаружилось довольно скоро. Уже месяц спустя линейные командиры через лазутчиков получили сведения о том, «что хищническая партия под предводительством кабардинских князей [Хатокшоко Магомета], [Беслааноко Аслангирея] и 2-х Карамурзиных, человек более 100, в числе коих были и убыхи,

отправилась к границам нашим на злодеяние имея направление к вершинам Кубани» [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 743].

Получив первоначальные сведения «поутру» 17 мая, ни «пристав Закубанских народов» Венеровский, ни начальник Баталпашинского участка Засс, некоторое время не могли определить направления действий черкесов. Как признавал последний, «хищники сии собрались весьма тайно и посланный от Безрукова (абадзехский старшина Безруко Мисирбей, снабжавший русских сведениями. – Т.А.) никак по отдаленности места не успел при всех стараниях заблаговременно доставить сведение». Но «через час» (видимо, после получения сведения от Венеровского) до Засса «чрез нарочного» было доведено, что «партия сия напала на вновь поселенный против Баталпашинской станицы абазинского владельца [Дударуко Асланбека] аул, взяла в плен жителей и отбила всех пасущихся лошадей, скот и баранов» [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 744]. Со слов начальника Баталпашинского участка «по такому известию» он «приказал резервам станицы Невинно-Мысской и Войска Донского №53 полка следовать в подкрепление и, имея уже сведение, что подполк. Колпакова полка есаул Студеникин, собрав резерв станицы Баталпашинской, состоящий из 35-ти чел., и команду до 170-ти чел. козаков подполк. Колпакова, отправился в преследование...» [АКАК. Т. VIII. С. 744].

По оценке Студеникина черкесский отряд достигал численности до 150 человек. Пока одна его часть оперировала в Дударукае, другая предприняла попытку форсирования Кубани с целью отбития казачьего табуна Баталпашинской станицы. Однако обстрел орудиями, поставленными на противоположном берегу сорвал этот замысел. В этих обстоятельствах, черкесы, следуя наиболее оптимальным лекалам рейдовой акции, вместе с сорока жителями басхагского села начали отход.

В описании Зассом последующих действий российской стороны наблюдается определенная нестройность повествования. Прежде всего, обращает на себя внимание фигура отсутствия. Таковой предстает сам командующий Баталпашинским участком полковник Засс. Сложно не заметить, что обозначив свою изначальную осведомленность о назревавшем обострении (что подразумевает его присутствие в районе действия черкесского отряда) и включенность в ситуацию разворачивавшейся коллизии он, как ему было свойственно и до, и после этого события, не позиционирует себя центральным актором описываемого сюжета. Сведение им своей роли к технической функции передачи нескольких распоряжений, по меньшей мере, идет вразрез с общей манерой его самопрезентации в соответствующих документах. Более-менее правомерным объяснением подобного положения могла, к примеру, послужить его болезнь. Однако, как ни странно, им не оговаривается его нарочитая пассивность в ситуации требовавшей противоположного поведения.

Как бы то ни было актантом его повествования выступает есаул Студеникин. Засс в своем рапорте Вельяминову пишет, что последний, «собрав слишком до 200 чел. козаков, никак не мог сделать скорой чрез Кубань переправы, по случаю сильной прибыли воды и, делая переправу в разных местах с большим затруднением вплавь, чрез сие не успел неприятеля настичь на переправе чрез Малый Зеленчук». Памятуя о том, что переправе черкесов через Кубань воспрепятствовал артиллерийский огонь со стороны баталпашинского берега, объяснение невозможности «скорой чрез Кубань переправы», именно «по случаю сильной прибыли воды» видится слабым оправданием казачьих доблестей, а из уст апологета российского оружия, так и вовсе, признанием черкесского превосходства в этом элементе ведения военных действий. Между прочим, отсутствие резервов из Невинномысской и Беломечетской станиц на месте боя в тексте было объяснено ровно этой же причиной [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 744].

При ознакомлении с последующим изложением сюжета сложно не заметить череду весьма зримых оплошностей. Чтобы выразительнее показать его огрехи целесообразно выявить опорный и непротиворечивый (в рамках самого же текста) пункт авторского повествования. Неоднократная констатация того, что преследование отходившего противника свелось к двум отдельным боестолкновениям («после первого нападения» следует указание на то, что «нагнавши партию за Зеленчуком... сделал сильное нападение») представляется приемлемым отправным пунктом более нюансированного анализа. В этом плане маркеры, идентифицирующие событие «первого нападения» обозначены отчетливо. Так, касаясь этого эпизода, Засс, не допуская противоречий, артикулирует, что казачий отряд Студеникина «верстах в 20-ти от Кубани, сделал на оную (т.е. отходившую черкесскую «партию». – Т.А.) сильное нападение, отбил до 20-ти пленных, скот и баранов». Однако представленные в тексте итоги «первого» боя в двух местах текста слабо согласуются друг с другом. В первом случае, Засс пишет о приведении черкесов «в совершенный беспорядок», что предсказуемо «заставил неприятеля обратиться в бегство» [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 744]. Однако в описании исхода этого же боя, вынесенного в заключение доклада, им признается, что 1) хищники «успели воспользоваться 19-ю душами плена» и 2) угнать 50 лошадей, взятых в Дударукае. Собственно, 19 жителей басхагского селения были пересажены на дударуковские лошади в ходе боя, что сложно осуществить в условиях «совершенного беспорядка» вылившегося в бегство. Впрочем, в своей формулировке автор не слишком тверд. Не смущаясь очевидного противоречия, здесь утверждает, что, отправив пленных вперед, «хищники» «сами... решились упорно защищаться» (sic!). Подобная апория, естественным образом усиливает скептический взгляд на всю цепочку объяснений российского офицера. Однако ознакомление с положениями его доклада позволяет утверждать, что и без подобного смелого признания повествовательная конструкция, постулирующая разгром черкесского отряда остается невнятной. Так, одно из авторских положений, согласно которому констатируется факт заблаговременной подготовки черкесскими предводителями прикрытия отходившего отряда в потенциально наиболее уязвимой локации (противник «спешил сблизиться к Большому Зеленчуку, где ожидали его, как полагать должно, оставшиеся от сей же партии несколько товарищей»), где и развернулся второй бой, слабо согласуется с настойчиво педалируемой мыслью о преследовании деморализованного противника. Более того, подобная предусмотрительность с трудом представима иначе как составной элемент замысла рейдовой акции. И в этом контексте приписывание черкесам «бегства», ориентируясь лишь на критерий их движения в противоположном от Баталпашинской направлении, очевидно, выглядит несостоятельно.

В целом, отсутствие консеквентного изложения повествования наводит на подозрение о неуверенности самого автора в транслируемой им же картине события. Хоть доклад и пестрит броской лексикой, направленной на стигматизацию противника (приписывание «беспорядка» его действиям и уличение в «бегстве»), его заключительная часть не допускает разночтений. В ней недвусмысленно сообщается о том, что разгрома черкесов так и не состоялось. При обращении к открытой интерпретации, т.е. анализу повествования с опорой на внешние по отношению к тексту реалии, положения Засса не приобретают большей весомости. Так, в качестве очередного, выбивающегося из актуального исторического контекста, тезиса можно привести следующий пассаж. «В сие время, хотя есаул Студеникин и мог-бы истребить совершенно партию, пользуясь разстройством оной, но от сильного жара, лошади, как у неприятеля, так и у казаков, совершенно стали, почему и не мог сего выполнить, имея перестрелку спешившись» [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 744]. Т.е., согласно Зассу, окончательному

истреблению отходившей партии воспрепятствовало именно то обстоятельство, что лошади противоборствующих сторон «встали». В связи с этим правомерен вопрос: насколько может быть правдоподобной картина изнеможения черкесских лошадей в представленном контексте если 1) общепризнанно, что они перед выступлением, как правило, проходили серьезную подготовку после которой черкесские кони беспрепятственно преодолевали огромные дистанции без отдыха [Филипсон 2022: 143, 147; Торнау 1999: 214], и, 2) отмечено, что в отличие от казаков обремененные «пленными», «скотом и баранами» черкесы изначально не имели возможности прохождения первых двадцати верст в ускоренном темпе – следовательно, и не могли испытать чрезмерных нагрузок. Представляется, что последних потому и удалось нагнать, невзирая на то, что форсирование реки, как выше отмечено, было не сильной стороной преследователей. Нельзя сбрасывать со счетов и значение упомянутого факта использования дударуковского табуна для транспортировки мирных жителей, что, несомненно, облегчило выполнение задач по отходу. Можно не подчеркивать безосновательность подразумеваемого автором мнения о том, что в конном бою (если бы лошади не «встали») черкесы уступили бы своим преследователям. На этом фоне к рисуемому Зассом победоносному финалу, в котором «храбрость есаула Студеникина, Хоперского казачьего полка зауряд-хорунжаго Фисенкова и козаков довела их впоследствии сражения до такой степени, что они рубили своих лошадей и скрывались в разные места бегством, что однако-же редко кому удавалось» сложно отнестись более чем как откровенной передержке. Вернее, такой драматичный исход конкретного боя был более чем вероятен. Но даже в рамках предложенной самим Зассом повествовательной конструкции, непротиворечиво выводится только одно заключение: такую тяжелую участь могла постигнуть лишь отряд прикрытия, в задачи которого, в первую очередь и входила задержка преследователей.

Систематическое оперирование не верифицируемыми данными закономерно бросает тень подозрения и на фигурирующие здесь цифры нанесенного черкесам урона 17 мая 1834 г. Примечательно, что определяя потерю черкесов в ходе первого боестолкновения как *значительную*, Засс воздерживается от квантификации своей оценки, хотя поле боя после отхода противника естественным образом осталось за россиянами, и посчитать оставленных противником погибших не составило бы труда (Если же противник, понеся как выше отмечено, *значительную* потерю и при этом не оставил ни одного трупа вывод может быть только один – *бегство черкесов* ни что иное как плод вымысла Засса). Конкретизируя же итоги второго боя, он пишет о двенадцати телах, оставленных на месте сражения. Разумно предположить, что они и составили совокупный урон, понесенный черкесским отрядом за все время отхода от Дударукая. В любом случае приведенные Зассом данные о казачьих потерях (23 человека убитыми и ранеными) [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 744], косвенно говорят о порядке аналогичных цифр у противника.

Здесь следует оговориться, что черкесы действительно могли потерять больше людей, нежели двенадцать и россиянам могли достаться не все тела погибших (тем более, что и некоторые из тяжелораненых могли умереть позднее). Но, с другой стороны, и Засс, в радикальном сценарии, мог не только преувеличить урон, нанесенный противнику, но и, как это не прозвучит странно, просто выдумать его. Тем более, что неестественное, если не сказать произвольное отношение к содержанию своих докладов со стороны российских офицеров (в случаях отсутствия строгого контроля со стороны вышестоящих командиров) не было чем-то из ряда вон выходящим [Дондуков-Корсаков 2000: 231], а автор донесения даже на фоне тогдашних вольных обыкновений отличался изрядной экстравагантностью. К тому же, в данном случае, для Засса было очевидно, что Вельяминов, вероятнее всего отсутствовавший в это время на Кубани, вряд ли будет озабочен проверкой достоверности сообщаемых им сведений о черкесских потерях.

Несомненно, это обстоятельство, наряду с другими факторами провоцировало небрежность зассовского письма. К ее проявлениям, безусловно, относится и приводимое в тексте заключение об итогах боя, согласно которому «из партии сей могла не более как четвертая часть укрыться бегством». Допустив правдоподобность такой оценки, следует исходить из того, что из 150-ти черкесов выжило не более 40 человек. И если при этом представить, что каждый из них забрал с собой аккурат по одному телу погибших товарищей (что на самом деле невообразимо в условиях «бегства» и при массовом забое лошадей) остается еще примерно 70 неучтенных черкесских трупов. Очевидно, что разрыв между этим числом и признанным уроном в двенадцать человек слишком разителен чтобы игнорировать вырисовывающийся абрис исхода боя. А он таков, что рейдовая акция отряда, одним из предводителей которого был Бесланокко Аслангирей предстает как удачное военное предприятие. Кстати говоря, согласно артикулированным критериям непосредственного начальника Засса – генерала Вельяминова, данную акцию черкесской конницы нельзя было не признать успешной.

В виду подобного положения и финальный пассаж Засса о том, что «неприятель, потерпевши такой значительный урон, едва-ли вскоре может решиться на подобныя покушения» [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 744] звучало не более как самовнушение. Однако, как ни странно, предстающий на фоне вышеизложенных соображений безосновательным риторическим оптимизмом предположение Засса оказалось в некоторой степени справедливым. Так, согласно источникам, Хатокшоко Магомет с того же 1834 г. (месяц не известен) стал числиться среди «покорных» [РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 38. Л. 25], а с осени того же года «замирились» и ногайские князья Карамурзины. Примечательно, что на такой шаг ногайских князей подтолкнула гибель одного из братьев, перед смертью завещавший своим близким прекратить вражду с русскими во имя сохранения рода [Торнау 1999: 187]. Но не таков был Бесланокко Аслангирей. В аналогичной ситуации он сделал диаметрально противоположный выбор. После того как в октябре 1834 г., недалеко от Прочного Окопа – на правом берегу Кубани, геройски погиб старший брат Пшемахо [РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 16. Л. 19] Аслангирей, по всей видимости, еще больше утвердился в решимости продолжать борьбу. Вместо предсказанного спада активности он продемонстрировал обратное. Спустя несколько месяцев представители линейного командования отмечали, что «во всех партиях, которые были у карачаевцев, на хищничестве был предводителем кабардинский князь [Бесланокко Аслангирей]» [Хотко 2015: 49].

Несмотря на лапидарность, это сообщение весьма информативно; за неполный год, герой настоящего повествования 1) обрел статус монопольного антагониста российского командования на 2) одном из самых для него важных отрезков Линии. И не случайно, что к лету 1835 г. он уже пользовался репутацией «одного из самых злых бичей Кавказской линии» [Торнау 1999: 198].

Рассмотрение жизненной траектории Бесланокко Аслангирея в соотносительной перспективе с канвой военно-политической динамики на «Кубанской линии» в ограниченный период 1833–1834 гг. позволяет, таким образом, прояснить ряд эпизодов биографии хаджретского лидера.

Список источников

АКАК 1881 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией Т. VIII. Тифлис, 1881. (1009 с.).

Алоев 2023 – *Алоев Т.Х.* «И под сенью Отцовской надежной руки...»: заметки к ранней биографии Бесланокко Аслангирея // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2023. № 4 (59).

Дондуков-Корсаков 2000 – *Дондуков-Корсаков А.М.* Мои воспоминания. 1845–1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 231. (683 с.).

- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
Торнау 1999 – *Торнау Ф.Ф.* Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. (507 с.).
Филипсон – *Филипсон Г.И.* Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. Нальчик, 2022. (490 с.).
Хотко 2015 – *Хотко С.Х.* Из истории участия кабардинцев в общечеркесском сопротивлении в 30-е гг. XIX в. // Архивы и общество. № 35. Нальчик, 2015. (С. 8–55.).

References

- АКАК – *Akty Kavkazskoj arheografi cheskoj komissii* [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. (In Russian)
ALOEVA T.X. [«I pod sen`yu Otczovskoj nadezhnoj ruki...»: zametki k rannej biografii Beslanoko Aslangireya]. Vestnik KBIGI. Nal`chik, 2023. № 4 (59). (In Russian)
DONDUKOV-KORSAKOV A.M. [Moi vospominaniya. 1845–1846]. Osada Kavkaza. Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoj vojny` XIX veka. SPb., 2000. S. 231. (683 s.). (In Russian)
RGVIA – Rossijskij gosudarstvenny`j voenno-istoricheskij arxiv. (In Russian)
TORNAU F.F. [Sekretnaya missiya v Cherkesiyu russkogo razvedchika barona] F.F. Nal`chik, 1999. (507 s.). (In Russian)
FILIPSON G.I. [Vospominaniya Grigoriya Ivanovicha Filipsona]. Nal`chik, 2022 (490 s.). (In Russian)
HOTKO S.X. [Iz istorii uchastiya kabardincev v obshhecherkesskom soprotivlenii v 30-e gg. XIX v.]. Arxivy` i obshhestvo. № 35. Nal`chik, 2015. S. 49. (In Russian)

Информация об авторе

Т.Х. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

Information about the author

T.H. Alov – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector.

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 30.06.2024.

The article was submitted 20.05.2024; approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 30.06.2024.

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-16-24

**САМОДЕЯТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – 1960-х гг.
В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА**

Зарема Мухамедовна Кешева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, kesheva10@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9296-9967>

© З.М. Кешева, 2024

Аннотация. Объектом исследования является самодеятельное искусство Кабардино-Балкарии во второй половине 1940–1960-х гг. Рассмотрено влияние на его развитие постановлений в области культуры ЦК ВКП (б) 1946–1948 гг., а также выступления Хрущева на XX съезде КПСС и последовавшего за ним Постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г. Эти факторы положили начало периоду «оттепели», позитивно сказавшейся на развитии культуры национальных республик. Однако идеологический контроль за культурной жизнью и, в частности, за самодеятельным творчеством народов СССР сохранялся. На основе анализа архивных материалов исследованы основные направления деятельности органов государственной власти по реализации мер в области культуры, в особенности, самодеятельной. Сделан вывод о том, что несмотря на постоянный контроль со стороны партийных и государственных органов, самодеятельное искусство Кабардино-Балкарии находилось в постоянном творческом поиске и достигло значительных результатов.

Ключевые слова: самодеятельное искусство, Кабардино-Балкария, советская культура, народы КБР, пропаганда

Для цитирования: Кешева З.М. Самодеятельное искусство Кабардино-Балкарии 1950-х – 1960-х гг. как один из элементов культурной политики государства // Вестник КБИГИ. 2024. № 2 (61). С. 16–24. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-16-24

Original article

**AMATEUR ART OF KABARDINO-BALKARIA
IN THE SECOND HALF OF THE 1940s – 1960s AS ONE
OF THE ELEMENTS OF THE CULTURAL POLICY OF THE STATE**

Zarema M. Kesheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, kesheva10@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9296-9967>

© Z.M. Kesheva, 2024

Annotation. The object of the study is the amateur art of Kabardino-Balkaria in the second half of the 1940s–1960s from the point of view of the influence on its development

of the resolutions in the field of culture of the Central Committee of the CPSU(b) 1946–1948, as well as Khrushchev’s speech at the twentieth Congress of the CPSU and the subsequent Resolution of the Central Committee of the CPSU “On overcoming the cult of personality and its consequences” dated June 30 1956 This document marked the beginning of a period of “thaw”, which had a positive impact on the development of the culture of the national republics, however, in general, control over cultural life and, in particular, over the amateur creativity of the peoples of the USSR was maintained. Based on the analysis of archival materials, the main directions of activity of public authorities in the implementation of measures in the field of culture, especially amateur culture, are investigated. It is concluded that despite the constant control by the party and state bodies, the amateur art of Kabardino-Balkaria was in constant creative search and achieved significant results.

Keywords: amateur art, Kabardino-Balkaria, Soviet culture, the peoples of the KBR, propaganda

For citation: Keshova Z.M. Amateur art of Kabardino-Balkaria in the second half of the 1940s – 1960s as one of the elements of the cultural policy of the state. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 2 (61): 16–24. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-16-24

Тема развития самодеятельного искусства в социалистическом обществе привлекает внимание тем, что именно в этой области наиболее ярко отразилось значение, которое придавалось культуре в целом. В.И. Ленин высказывал мнение о том, социализму нужна не культура, ориентирующаяся на массы как на пассивных, лишенных самодеятельной инициативы потребителей, а культура самих масс, находящая в их действиях единственно достойную форму своего существования. Эту проблему В.И. Ленин рассматривает как решающую с точки зрения социального преобразования страны [Келле 1984: 281]. В этой связи становится очевидным, какое значение придавалось самодеятельной культуре трудящихся масс в стране победившего социализма. Но также очевидно и то, что планируемая самостоятельность требовала постоянного партийного контроля.

При рассмотрении развития самодеятельного искусства послевоенного периода особое внимание заслуживает период второй половины 1940-х – 1960-х гг. Вторая половина 40-х гг. XX в. прошла под лозунгом борьбы с формализмом и космополитизмом, отчетливо отразившейся в Постановлениях ЦК ВКП(б) 1946–1948 гг. «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О кинофильме «Большая жизнь», «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели». И, хотя напрямую они не затрагивали развития самодеятельного искусства, оказали на него непосредственное влияние. Некоторые аспекты рассматриваемой темы затрагиваются в работах Р.Х. Мигранова, Н.П. Пищулина и А.А. Бетуганова, Х.И. Хутуева. [Мигранов 1959, Пищулин, Бетуганов 1989, Хутуев 1984]. Исследование Н.П. Пищулина и А.А. Бетуганова посвящено влиянию, которое оказывает самодеятельная культура на духовное совершенствование человека, анализируется развитие самодеятельного творчества народов Кабардино-Балкарии. Монография Х.Х. Хутуева основана на богатом фактологическом материале и дает представление о развитии самодеятельной культуры республики. Исторические акценты в ней объяснимо расставлены с точки зрения требований периода, поэтому не лишены политизированности. В целом, можно отметить, что вопросы становления культуры Кабардино-Балкарии получили определенное освещение в литературе советского и постсоветского периодов, но требуют дальнейшей конкретизации и объективного анализа.

В послевоенные годы все большее значение стало придаваться пропаганде Коммунистической партии и Советского правительства в воспитании людей в духе марксизма-ленинизма, в стране наступает период, который в истории государства обозначен как «апогей сталинизма». «Фронтной демократизм» сменяется периодом ужесточения борьбы со свободомыслием, что особенно проявилось в развитии культуры. Партией и правительством принимается ряд постановлений,

призванных укрепить советский народ в его вере в непогрешимость решений партийного руководства [Кешева 2023: 28].

Являясь одним из самых массовых, самодеятельное искусство в СССР, так же, как и другие отрасли искусства, было призвано поддержать дух народа в трудный период истории государства, вдохновить на новые свершения. Тоталитарная система, насаждаемый стиль «соцреализма», командно-административные методы руководства искусством – особенности, присущие развитию самодеятельной культуры второй половины 1940-х – 1960-х гг.

Согласно приказу № 3 комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР от 4 января 1947 г., в целях дальнейшего развития художественной самодеятельности, повышения идейно художественного уровня, Совет министров РСФСР своим постановлением разрешил комитету по делам культурно-просветительных учреждений и комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР провести в 1947 г., в ознаменование 30-летия Октябрьской социалистической революции провести всероссийский смотр сельской художественной самодеятельности. Одной из главных задач смотра являлось широкое включение лучших советских произведений на современные темы в программе выступления коллективов и отдельных исполнителей сельской художественной самодеятельности [Из истории развития... 1981: 65].

Начало смотра художественной самодеятельности в сельских местностях совпало с подготовкой к выборам в Верховный Совет РСФСР. Поэтому предварительная массовая работа и организационные творческие мероприятия были направлены на усиление политической агитации во время избирательной кампании.

Начальнику отдела художественной самодеятельности комитета по делам искусств при Совете министров РСФСР Криницкому было поручено составить рекомендательный список репертуара советских произведений для драматических и музыкальных коллективов и отдельных исполнителей художественной самодеятельности и направить его на места не позднее 3 января 1947 г. Следовало разработать и направить в районы новые репертуарные списки и примерные программы выступлений кружков, коллективов и отдельных исполнителей сельской художественной самодеятельности. Для оказания творческой помощи в проведении смотра сельской художественной самодеятельности было рекомендовано «... направить в области и края Республики групп студентов консерватории, театральных институтов, Института им. Гнесиных хоровиков, дирижёров режиссёров и инструкторов для помощи кружкам и коллективам самодеятельности в подготовке программ» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-517. Оп. 1. Д. 5. Л. 80–81].

Таким образом, на примере подготовки смотра художественной самодеятельности становится очевидно, насколько скрупулезно партийный и советский аппарат относился к формированию репертуарной политики даже среди представителей нижнего звена самодеятельного искусства, чтобы не допустить проявлений «космополитизма» и «низкопоклонства перед Западом», ведь громкие постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров» и т.д. уже были опубликованы и были обязательны к исполнению не только профессиональными представителями литературы и искусства, но и участниками художественной самодеятельности.

Совет Министров РСФСР в своём постановлении № 365 от 8 апреля 1948 г. «Об итогах Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности» отметил, что наряду с достижениями, смотр вскрыл серьёзные недостатки в развитии сельской художественной самодеятельности. «В ряде областей краёв автономных республик имеет место недооценка роли и значения сельской художественной самодеятельности как одного из важных средств культурного и политического воспитания широких слоёв сельского населения. Имеется много случаев, когда кружки художественной самодеятельности создаются только к очередному

смотрю, а после проведения его, не получают поддержки и помощи, прекращают свою работу. Слабое руководство самодеятельностью прикрывается созданием к смотру разного рода объединённых свободных коллективов, которые обычно распадаются после окончания осмотра. Недостатком в работе многих коллективов сельской художественной самодеятельности является слабой учебно-воспитательной работы в них» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-517. Оп. 1. Д. 7. Л. 43].

Также было отмечено, что «...отдельные работники профессионального искусства допускают формалистические ошибки, извращают подлинно народное творчество, подменяя его разного рода стилизованными танцами, сомнительными в музыкальном отношении идейном содержании песнями. Недостаточный контроль и отсутствие систематической помощи кружкам художественной самодеятельности приводит к тому, что их репертуар иногда включается аполитичный, безыдейный малохудожественные произведения» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-517. Оп. 1. Д. 7. Л. 45].

В связи с выявленными недостатками Совет Министров РСФСР постановил обратить особое внимание на внедрение в репертуар художественной самодеятельности народных песен и танцев, лучших произведений советских авторов, усилить контроль за художественной самодеятельностью и систематически направлять в районе рекомендательные списки репертуар нового материала. Предполагалось также совместно с отделами и управлениями по делам культурно-просветительных учреждений укрепить состав художественных руководителей районных домов культуры квалифицированными работниками с числа актёров театров, а также лиц, оканчивающих в 1948 г. музыкальные, театральные училища и студии; разработать план курсовых мероприятий и семинаров по подготовке и повышению квалификации руководителей коллективов сельской художественной самодеятельности; шире привлекать работников театров, филармонии и художественных учебных заведений к оказанию систематической помощи сельской художественной самодеятельности. Следовало практиковать организацию встреч мастеров искусств руководителям и участникам художественной самодеятельности по вопросам репертуара и методики работы, а также направление работников искусств в районы для оказания методической и творческой помощи коллективом и солистом сельской художественной самодеятельности [УЦГА АС КБР. Ф. Р-517. Оп. 1. Д. 5. Л. 45].

Областной комитет партии и правительство республики постоянно занимались вопросами повышения уровня политико-воспитательной работы учреждений культуры, расширения материальной базы, улучшения бытовых условий их работников. 15 апреля 1949 г. бюро обкома ВКП(б), обсудив вопрос «О состоянии работы культурно-просветительных, учреждений республики», предложило городскому, районным партийным комитетам и Управлению культурно-просветительной работы при Совете Министров КАССР усилить внимание к нуждам очагов культуры, помочь им лучше организовать работу. В июле 1949 г. на пленуме Советского райкома партии обсуждался вопрос «О состоянии политико-воспитательной работы среди трудящихся района». Пленум отметил, что культурно-просветительные учреждения района должны активнее развернуть деятельность на полевых станах, среди колхозников, животноводов, рабочих. Определенную роль в улучшении всей политико-массовой работы в республике сыграло совещание работников культпросветучреждений, проведенное областным комитетом партии в 1950 г. Бюро обкома партии (декабрь 1950 г.) отмечало в своем решении, что в результате принятых мер оживилась деятельность районных Домов культуры, клубов, изб-читален, красных уголков, киноустановок.

По постановлению Совета Министров КАССР от 12 января 1951 г. с 20 января по 28 февраля 1951 г. был проведен очередной смотр культурно-просветительных учреждений республики и, подводя его итоги, Совет Министров КАССР отметил, что за период его проведения увеличилось число клубных учреждений.

В 1953 г. в республике открылись 13 новых сельских клубов, в районах систематически выступала с концертами 21 художественная агитбригада. Смотр сельской художественной самодеятельности показал, что в 1954 г. в республике наблюдался не только количественный рост кружков художественной самодеятельности, но и значительное повышение исполнительского мастерства их участников, расширение репертуара. Драматические кружки стали осуществлять постановку многоактных пьес. Хоровые, танцевальные, музыкальные коллективы совершенствовали свое мастерство, обогащая репертуар лучшими произведениями советских и зарубежных авторов. Однако, смотр выявил и ряд нарушений и недостатков. Так, согласно приказу № 151 Министра культуры Кабардинской АССР от 18 июня 1955 г. деятельность районных и сельских учреждений не отвечала возросшим требованиям. В сельских клубах и РДК Зольского района коллективы художественной самодеятельности, созданные в зимний период, в весенне-летний период распались. В большинстве районов здания культпросветучреждений давно не отремонтированы, а там, где ремонт и начат, он затягивается из-за неторопливости зав. отделами культуры. Отделы и учреждения культуры пропускают благоприятное время для заготовки топлива. Далее следовала резюмирующая часть: «Обратить внимание всех заведующих районными отделами культуры на слабое участие всех культурно-просветительных учреждений в реализации январского Пленума ЦК КПСС. Заведующему Зольским районным отделом культуры т. Павлову организовать показ платных кинофильмов не реже 4-х раз в месяц в клубе Зольских пастбищ. Зав. районными отделами культуры и директору Лекционного бюро Министерства культуры КАСР обеспечить регулярное чтение лекций среди работников сельского хозяйства. За пастбищный сезон прочесть силами республиканского лекционного бюро не менее 10 лекций» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-517. Оп. 2. Д. 90. Л. 52].

Таким образом, несмотря на давление, оказываемое на учреждения культуры, они проводили значительную работу среди населения, не забывая о тех, кто на длительный период был оторван от дома, обеспечивая им организацию досуга.

После исторического выступления Хрущева на XX съезде партии начался период, который носит название «оттепель» и отражает суть процессов, происшедших в политической и культурной жизни страны. Реабилитация затронула народы, депортированные в годы Великой Отечественной войны, поэтому балкарцы получили возможность вернуться на родину и влились в жизнь Кабардино-Балкарии. Республика начала активную подготовку к показу достижений в Москве, приуроченных к празднованию 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России, состоявшемуся в 1957 г. В праздничных мероприятиях в Москве наряду с профессиональными, приняли участие и коллективы художественной самодеятельности. Отличились объединенный танцевальный коллектив сельской художественной самодеятельности (руководители – А. Никаев и А. Аталиков) и музыкально-хореографический коллектив горняков Тырныаузского комбината (руководители – заслуженный артист РСФСР, хормейстер Л. Ярьско и балетмейстер Г. Егоров) [Хутуев 1984: 258].

Однако несмотря на успешное выступление самодеятельных коллективов в Москве, в приказе № 119 министра культуры Кабардино-Балкарской АССР от 19 ноября 1959 г. отмечалось: «Подготовка и проведение празднования 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России и Всероссийского общественного смотра работы культурно-просветительных учреждений показали значительный рост коллективов художественной самодеятельности республики, исполнительского мастерства их участников. Однако, достигнутые успехи не были закреплены многими домами культуры и сельскими клубами. В большинстве клубных учреждений Урожайненского, Чегемского, Урванского районов коллективы художественной самодеятельности прекратили свою работу. А действующие

коллективы самодеятельности в районных домах культуры Майского, Баксанского, Прохладненского районов малочисленны, низок идейно-художественный уровень их выступлений» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-517. Оп. 2. Д. 5. Л. 203]. Далее рекомендовалось заведующим отделами культуры разработать конкретный план мероприятий, связанный с проведением смотра, а Дому Народного творчества разработать методическое письмо, составить рекомендательный список репертуара и разослать по всем районным и городским отделам культуры к 10 ноября 1959 г.; организовать широкую сеть творческой помощи сельским и районным коллективам художественной самодеятельности.

В результате, в 1959 г. в дни подготовки к очередному смотру коллективов художественной самодеятельности возросло количество самодеятельных коллективов до 588, в которых занимались 9 тыс. человек, что значительно превышало число участников прежних смотров. В 1960 г. в республике имелось 171 клубное учреждение, в том числе в городах и рабочих поселках – 43, в сельской местности – 128 [Хутуев 1984: 277].

Успешно решалась проблема кадров для учреждений культуры. Министерство культуры организовывало курсы повышения квалификации работников клубных учреждений. При республиканском Доме народного творчества работали курсы баянистов районных Домов культуры, сельских, колхозных и профсоюзных клубов, руководителей хоровых, драматических и танцевальных коллективов.

На апрельском заседании Нальчикского горкома КПСС 1960 г. было принято постановление: «По партийному жестко и строго руководителям, партийным, профсоюзным и комсомольским организациям указать на то, что они не уделяют должного внимания художественной самодеятельности. Обязать партийные, профсоюзные и комсомольские организации, руководителей предприятий, учебных заведений и учреждений города закрепить достигнутые успехи в развитии самодеятельного искусства и принять меры к тому, чтобы оно стало более массовым. Добиться того, чтобы на каждом промышленном предприятии был создан коллектив художественной самодеятельности» [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 606. Л. 31].

В январе 1967 года состоялся 1-ый Республиканский съезд работников культуры, на котором был поднят ряд проблем, касающихся развития культурной жизни республики. Отмечено, что важным участком культурно-просветительской работы является художественная самодеятельность. Итогом кропотливой работы по дальнейшему развитию народного творчества явился закончившийся накануне республиканский смотр. Интересные программы и высокое исполнительское мастерство показали самодеятельные коллективы и артисты Урванского, Терского, Зольского районов, Нартановского дома культуры, клубов госуниверситета, медицинского и педагогического училищ [1-й республиканский ... 1967].

Следует отметить, что регулярно проводимые смотры художественной самодеятельности – городские, республиканские, всероссийские, всесоюзные мобилизовывали творческие силы коллективов, заставляя их постоянно находиться в хорошей форме. На смотрах художественной самодеятельности наиболее отчетливо были видны и недостатки.

В 1960-е гг. вырос художественный уровень культурно-массовых мероприятий, увеличилось число самодеятельных кружков и коллективов любительских объединений и университетов культуры на предприятиях, в колхозах, совхозах и учебных заведениях.

Так, при Доме культуры завода «Севкавэлектроприбор» работали ансамбль песни и танца, большой хор, эстрадный оркестр, хореографическая студия – всего 500 самодеятельных артистов, были созданы детский оркестр и 8 различных детских кружков, кинотеатр «Комета», который обслуживали сами ребята. Коллектив заводской самодеятельности в 1971 г. был удостоен Почетной грамоты ВЦСПС, а его ансамбль песни и танца и духовой оркестр стали лауреатами республиканского

смотрa художественной самодеятельности, посвященного 50-летию Кабардино-Балкарской АССР.

В Нальчикском медицинском училище – старейшем среднем учебном заведении Кабардино-Балкарии – действовал эстрадный оркестр, танцевальный коллектив, кружки художественного чтения и другие. В репертуаре эстрадного оркестра ведущее место заняли произведения И. Дунаевского, А. Пахмутовой, В. Мурадели, М. Блантера.

Все это свидетельствует о значительных сдвигах, происшедших в развитии самодеятельного художественного творчества, характерной чертой которого стало массовое участие рабочих, колхозников, интеллигенции, студенческой и учащейся молодежи. Особо популярными стали хоровые, вокальные и хореографические коллективы. Они составляли 227 из 402 кружков художественной самодеятельности клубных учреждений системы Министерства культуры КБАССР. К руководству художественной самодеятельностью привлекаются мастера профессионального искусства, в результате чего концертные номера лучших коллективов республики стали приближаться по своему уровню к профессиональным. Наиболее зрелые коллективы удостоивались звания народных. Впервые этого звания в 1959 г. был удостоен самодеятельный театр Прохладненского городского Дома культуры. Наряду с ним широкую популярность в республике получил народный театр Баксанского районного Дома культуры.

Культпросветучреждения стали больше уделять внимания работе с детьми и подростками. Например, в 1967 г. состоялось 195 утренников для детей, более 200 литературных и других тематических вечеров, сотни бесед и обзоров, посвященных 50-летию Советской власти, жизни и деятельности В.И. Ленина. Для детей и подростков было организовано 596 концертов, на которых присутствовало 107 тыс. учащихся.

Многие самодеятельные танцевальные коллективы республики были известны не только у себя на родине, но и за ее пределами. Ансамбль песни и танца «Терчанка» (первоначальное название – «Кабардинка») был создан в феврале 1960 г. С первых дней своего существования ансамбль активно репетировал, давал много концертов. Выступал в ряде городов Советского Союза и представлял советское искусство в странах дальнего зарубежья. Таким образом, не только профессиональные коллективы демонстрировали советское искусство, но и самодеятельные. В коллективе танцевали шоферы, колхозники, учителя, экономисты, рабочие. В. Дробов, Л. Оразаева, В. Шадов, Р. Токова, Р. Керимова, В. Едгулов и другие. К. Фицхов танцевал оригинальный «Танец с кинжалами» с 1962 г., когда ансамбль только получил звание народного.

В ноябре 1967 г. состоялся республиканский смотр народных талантов, на котором всеобщий восторг вызвало выступление новичка – детского танцевального ансамбля «Исламей» Зольского РДК. Коллектив был создан в феврале 1966 г. Стал лауреатом Всероссийского смотра коллективов художественной самодеятельности, показал свое искусство на заключительном концерте в Кремлевском Дворце съездов, награжден Почетной грамотой Министерства культуры СССР. «Танец двух братьев» в исполнении близнецов Барсуковых, «Танец акушинских девочек», «Аджарский танец», «Исламей», «Кафа», «Танец пастушков», «Танец юных джигитов», «Балкарский танец» принесли коллективу известность и популярность (танцоры – Т. Бжахова, Р. Шалова, С. Бженикова, Ф. Теуважева. Художественный руководитель – О.Г. Жерештиев).

Ансамбль песни и танца «Нартхаса» был создан при Урванском РДК в октябре 1966 г. Уже в 1967 г. на Всероссийском смотре коллективов художественной самодеятельности ансамблю было присвоено звание народного. В 1969 г. «Нартхасу» пригласили в Москву на ВДНХ СССР для участия в смотре-конкурсе народных ансамблей. Ансамбль был награжден бронзовой медалью выставки. Особенно ответственным для нарткалинцев было участие в смотре-конкурсе народных

ансамблей из четырнадцати стран Европы, который проходил в польском городе Закопане в 1973 г. Здесь они стали обладателями первого приза «Золотой топорик».

Ансамбль песни и танца «Чегемские водопады» Чегемского РДК был создан в 1968 г. В 1972 г. ему присвоено звание «народный». Ансамбль – активный участник и лауреат множества фестивалей, проводившихся в республике. По итогам I-го Всероссийского фестиваля самодеятельного творчества трудящихся стал участником заключительного концерта и выступил в Кремлевском Дворце съездов.

Народный ансамбль танца КБГУ был создан в 1957 г. по инициативе студенчества и назывался «Кабардинка». За время своего существования он стал подлинной школой воспитания любви к культуре, народной хореографии, вырастил не одно поколение великолепных танцоров. В разное время этим коллективом руководили – Б. Шагапсоев, А. Нерсеян, М. Думанов. В 1967 г. ансамбль стал лауреатом Всероссийского смотра художественной самодеятельности; 1969 г. – лауреатом I-го фестиваля вузов Северного Кавказа.

Ансамбль Республиканского Центра воспитательной работы и художественного творчества Министерства образования и науки КБР «Нальчанка» был создан в 1965 г. Первый балетмейстер ансамбля заслуженный артист Российской Федерации Х.Х. Дашуев разработал оригинальную систему хореографического воспитания подростков, сформировал единство строгой исполнительской манеры в сочетании со своеобразием национального художественно-эстетического воспитания. Х.Х. Дашуев всегда стремился к чистоте жанра, не допускал смешения элементов, рисунков, движений, не свойственных данному танцу. Знание своеобразия народной хореографии, которое являлось отличительной особенностью ансамбля, обнаруживалось в сценических вариантах «Кафы», «Удж-хешта», «Удж-пуха» и других композиций. «Нальчанка» внесла достойный вклад в разработку новых, современных жанров танцевальной культуры республики, создав танцевальные картинки, хореографические этюды, композиции сюитного типа. Среди них хореополотна «Народные игры», «Здравствуй, юность!», танцевальные зарисовки «Горный цветок», «Девичья весна», «Чабаны», развернутая поэтическая композиция «Сказание о земле нартской». В этих постановках в полной мере проявился незаурядный талант постановщика – Х.Х. Дашуева, который сумел, не ломая традиционных приемов адыгской хореографии, создать новое, театрализованное хореографическое представление.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что непосредственное влияние на развитие самодеятельного искусства оказали Постановления ЦК ВКП(б) 1946–1948 гг. в области культуры. Они требовали глубоко идейного подхода к репертуару коллективов художественной самодеятельности, причем уровень идейности определяли не зрители и критики, а представители партийных и советских органов, тщательно следившие не только за профессиональной культурой, но и за самодеятельной. Однако в культурной политике партийных и государственных органов были и позитивные стороны: органы власти обеспечивали учреждения культуры республики репетиционными площадками, костюмами, транспортом и т.д. Несмотря на идеологическое давление, поставившее под контроль творческий поиск, самодеятельное искусство Кабардино-Балкарии развивалось активно и поступательно, участники самодеятельных коллективов достойно представляли национальную культуру народов КБР на отечественных и зарубежных площадках. Несмотря на некоторые недостатки в работе самодеятельных коллективов, нельзя отрицать тот факт, что они выполняли большую воспитательную и обучающую функцию, приобщая большое количество детей и взрослых к национальному искусству.

Список источников

1-й республиканский... 1967 – 1-ый республиканский смотр работников культуры // Кабардино-Балкарская правда. 1967. 27 января.

Из истории развития... 1981 – Из истории развития социалистической культуры Кабардино-Балкарии // Кабард.-Балкар. ин-т истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР. Нальчик: КБНИИФЭ, 1981. 201 с.

Келле 1984 – *Келле В.Ж.* Проблемы философии культуры: опыт историко-материалистического анализа. М.: Мысль, 1984. 325 с.

Кешева 2023 – *Кешева З.М.* Музыкальная культура Кабардино-Балкарии во второй половине 1940-х – 1950-х гг. // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 27–35.

Мигранов 1959 – *Мигранов Р.Х.* В поход за культуру. М.: Молодая гвардия, 1959. 63 с.

Пищулин, Бетуганов 1989 – *Пищулин Н.П., Бетуганов А.А.* Воспитание самостоятельностью. Нальчик: Эльбрус, 1989. 140 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф. Р-517 «Министерство культуры Кабардино-Балкарской АССР».

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. П-2 «Нальчикский городской комитет Кабардино-Балкарского Рескома Коммунистической партии РСФСР».

Хутуев 1984 – *Хутуев Х.И.* Становление и развитие социалистической культуры Советской Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. 451 с.

References

1-yy Respublikanskij smotr rabotnikov kul'tury [1st Republican Review of Cultural Workers] // Kabardino-Balkarskaya pravda. 1967. 27 yanvarya. (In Russian)

Iz istorii razvitiya socialisticheskoy kul'tury Kabardino-Balkarii [From the history of the development of the socialist culture of Kabardino-Balkaria] // Kabard.-Balkar. in-t istorii, filologii i ekonomiki pri Sovete Ministrov KBASSR. Nal'chik: KBNIIFE, 1981. 201 s. (In Russian)

KELLE V.Zh. *Problemy filosofii kul'tury: opyt istoriko-materialisticheskogo analiza* [Problems of Philosophy of culture: the experience of historical and materialistic analysis]. M.: Mysl', 1984. 325 s. (In Russian)

KESHEVA Z.M. *Muzykal'naya kul'tura Kabardino-Balkarii vo vtoroj polovine 1940-x – 1950-x gg.* [Musical culture of Kabardino-Balkaria in the second half of the 1940s – 1950s.]. IN: Vestnik KBIGI [Bulletin of the KBIGI]. 2023. № 2 (57). S. 27–35. (In Russian)

MIGRANOV R.H. *V pohod za kul'turu* [A campaign for culture] M.: Molodaya gvardiya, 1959. 63 s. (In Russian)

PISHCHULIN N.P., BETUGANOV A.A. *Vospitanie samodeyatel'nost'yu* [Self-education] Nal'chik: El'brus, 1989. 140 s. (In Russian)

Upravlenie Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki (UCGA AS KBR). [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. F. R-517 «Ministerstvo Kul'tury Kabardino-Balkarskoj ASSR».

Upravlenie centra dokumentacii noveyshey istorii arhivnoj sluzhby kabardino-balkarskoj respubliki (UCDNI AS KBR) [Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. F. P-2 «Nal'chikskij gorodskoj komitet Kabardino-Balkarskogo Reskoma Kommunisticheskoy partii RSFSR». (In Russian)

HUTUEV H.I. *Stanovlenie i razvitie socialisticheskoy kultury Sovetskoy Kabardino-Balkarii*. [Formation and development of the socialist culture of Soviet Kabardino-Balkaria]. Nal'chik: Elbrus, 1984. 450 s. (In Russian)

Информация об авторе

З.М. Кешева – кандидат исторических наук, зав. сектором новейшей истории.

Information about the author

Z.M. Kesheva – Candidate of Science (History), Head. the Sector of Modern History.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 20.06.2024; принята к публикации 30.06.2024.

The article was submitted 19.04.2024; approved after reviewing 20.06.2024; accepted for publication 30.06.2024.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-25-32

ГЪЭПСЫКІЭЗЭХЭЛЪ ЗИЭ АДЫГЭБЗЭ БЖЫГЪЭЦІЭХЭМ ЩЕКІУЭКІ МАКЪЗЭБЛЭХЪУ ЛІЭУЖЪЫГЪУЭХЭР

Дзыгъуанэ Ритэ Хэбалэ инхъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ кърал бюджет щІэныгъэ ІуэхушпапІэ «Урысейм щІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкър щІэныгъэ центр» Федеральнэ щІэныгъэ центрым» и филиал, Къэбэрдей-Балъкър республикэ, Налшык квалэ, Урысей, dzug.rita@yandex.ru, orcid.org/0000-0003-0684-7600

© Дзыгъуанэ Р.Хъ., 2024

Аннотаци. ПсалъэщІ гъэпсыкІэ ІэмалкІэ адыгэбзэм бжыгъэцІэ куэд кыдохъукІ. Мы лэжыгъэм и мурадыр апхуэдэ щІыкІэм тегу бжыгъэцІэхэр хыхъу къэху зэхэлъ гъэпсыкІэ зиІэ къэхутгъэхэм я лъабжъэ кІэхуым щекІуэкІ аблаут лІэужыгъуэхэр къэгъэнлэуэнырщ икІи ахэм бзэм шагъэзащІэ квалэн нэхъыщхъэхэм тепсэлъы-хынырщ. Зи гугъу тщІы бжыгъэцІэхэр я къэхуекІэ илъэныкъуекІэ зэхуэмыдэщ, абы кыхэкІкІи макъзэблэхуэ щекІуэкІхэри зэхуэдэкъым. Апхуэдэу тІурыгуэщ бжыгъэцІэхэр зэрабж бжыгъэцІэхэм къатокІыр макъзэблэхуэ **ы:э-кІэ: зэ(зы), цэ(цы)**, н.кь. Зэрагуэщ бжыгъэцІэхэм къытригъэзэжурэ я кум псалъэзэпыщІэ **-ры-**дэту къыщыкІуэкІэ, нэгъуэщІ аблаут лІэужыгъуэ щыдиІэщ – псалъэ зэхыхъэхэм я етІуанэ Іыхъэм пыт макъзешэ кІэхуыр покІуэдыкІ: **зы-ры-з, цы-ры-ц**, н.кь. Псалъэ-зэхыхъэ къэхуекІэ бжыгъэцІэрэ щыІэщІэ псалъэпкърэ зэхыхъэу плгыфэцІэхэр къышагъэхуэ куэдрэ щыІэщ. Апхуэхэм деж псалъэ зэхыхъэхэм тІуми я лъабжъэ кІэхуэр покІуэдыкІри зэпызыщІэ сонант **-и-** я кум къыдоувэ: **гу-и-тІ-цхъ-и-тІ** (дзыхъмыщІ, Іэнкун). ГъэпсыкІэ зэхэлъ зиІэ цІэхэр бжыгъэцІэрэ лэжыгъэцІэрэу щызэхыхъэкІэ щыІэщІэ лъабжъэуж лэжыгъэцІэм къыпыувэнкІи мэхуэ: **зэ-ры-кІуэ-гъуэ** (зашІэ, зы къат). БжыгъэцІэ псалъэпкыищ зэхыхъэу гъэпсыкІэ зэхэлъ зиІэ бжыгъэцІэхэр къыщыкІуекІэ, зи бжыгъэр мынаІуэ дыдэ мыхъэнэ къагъэлыагъуэ, иужь ит Іыхъэм и кІэху макъзешэр покІуэдыкІ: **зы-бгъу-нцІ** (бгъу, пщІы хуэдиз гуэр). БжыгъэцІэхэм лъабжъэуж къапыувэрэ бзэм псалъэ куэд кыдохъукІ. Ахэр **-анэ, -ацІэ, -алэ** жыхуиІэ лъабжъэужьхэрщ. Иужьрейхэр макъзешэ **э-кІэ** иухуу къақІуэ бжыгъэцІэхэми, апхуэдэу макъзешэ **ы-кІэ** иуххэми япоувэ. Зи гугъу тщІы псалъэщІ лъабжъэужьхэр зыхыхъэхэм я лъабжъэ кІэхуэр макъзешэ **а-м** хуокІуэ: **ы>а, э>а**. Къэхутэныгъэхэм къагъэлыгъуащ дызыкІэлыпылль бжыгъэцІэ гупым я лъабжъэ кІэхуэр зы аблаут лІэужыгъуэм иджыри нэсу зэрыхуэмькІуар, ауэ лъабжъэужьхэр шапыувэм деж бжыгъэцІэхэм зы макъзэблэхуэ лІэужыгъуэ зэрыщыдиІэр (**ы, э>а**). Абы къыщынэмыщІауэ кыхэгъэщыпхъэщ зэхэлъ гъэпсыкІэ зиІэ бжыгъэцІэхэм къагъэлыагъуэ мыхъэнэхэр гъэнлэуэнымкІэ макъзэблэхуэр дэлэпыкыуэгъу хъу-уэ къызрыкІуэр. Ар аргуэрэу щыхъэт тохъуэ лексикэмрэ грамматикэмрэ зэхуалэ зэпыщІэныгъэм.

Зэрыгуэзэ псалъэхэр: адыгэбзэ, макъзэблэхуэ лІэужыгъуэ, лъабжъэ кІэху, псалъэзэхыхъэ, бжыгъэцІэ

Цитатэ къызрэхъыпхуэр: Дзыгъуанэ Р.Хъ. ГъэпсыкІэ зэхэлъ зиІэ адыгэбзэ бжыгъэцІэхэм щекІуекІ макъзэблэхуэ лІэужыгъуэхэр // Вестник КБИГИ. 2024. № 2 (61). С. 25–32. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-25-32

Научная статья

АБЛАУТНЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ В СЛОЖНЫХ ИМЕНАХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Rita Хабаловна Дзуганова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dzug.rita@yandex.ru, orcid.org/0000-0003-0684-7600

© Р.Х. Дзуганова, 2024

Аннотация. Целью исследования является выявление аблаутных чередований в сложных числительных и определение их роли в словообразовательном процессе кабардино-черкесского языка. Комплексный анализ словообразовательных и морфонологических возможностей сложных моделей с участием числительных считается одной из актуальных проблем в адыгovedении. Научная новизна данного исследования заключается в выявлении всех словообразовательных, морфонологических и лексических особенностей сложных числительных и моделей, включающих числительные. В работе использованы методы синхронного и контекстуального анализа. Основным способом образования сложных числительных, по нашим наблюдениям, оказался способ словосложения. При этом между складывающимися основами появляется соединительный элемент *-ры-*. В таких случаях второй компонент сложения теряет конечный гласный и сложное слово выступает с консонантной финалью. Подобный тип аблаутных чередований гласных с нулем встречается также в моделях, где складываются основы трех числительных. С помощью аблаутных чередований *ы:э* образуются разделительные числительные: *зы/ээ*. Рассматриваемые модели осложняются также при помощи разных суффиксов. Это чаще всего суффиксы: *-анэ, -аиц/э, -алэ*. Указанные суффиксы могут присоединяться к основам с исходными гласными на *э* или *ы*. При этом корневая морфема осложненной модели всегда оформляется гласным *а* (*ы,э>а*). Проведенный анализ материала позволил сделать следующие выводы: в исследуемых сложных числительных действуют разные типы аблаута, хотя в суффиксальных моделях мы имеем один тип аблаута. Надо отметить, что сложный морфонологический процесс в исследуемых моделях еще полностью не завершен. Чередования по аблауту, возникающие в сложных моделях, большей частью связаны с лексическим содержанием производящей основы, что лишний раз подтверждает взаимосвязь лексики и грамматики.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, аблаутные чередования, конечный гласный, словосложение, числительные

Для цитирования: Дзуганова Р.Х. Аблаутные чередования в сложных именах числительных в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. 2024. № 2 (61). С. 25–32. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-25-32

Original article

ABLAUT ALTERNATIONS IN COMPOUND NUMERAL NAMES IN THE KABARDIAN-CHEKASSIAN LANGUAGE

Rita Kh. Dzuganova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dzug.rita@yandex.ru, orcid.org/0000-0003-0684-7600

© R.Kh. Dzuganova, 2024

Annotation. The purpose of the study is to identify ablaut alternations in complex numerals and determine their role in the word formation process of the Kabardian-Circassian language. A comprehensive analysis of the word-formation and morphological

capabilities of complex models involving numerals is considered one of the pressing problems in Adyghe studies. The scientific novelty of this study lies in the identification of all word-formation, morphological and lexical features of complex numerals and models that include numerals. The work used methods of synchronous and contextual analysis. The main way of forming complex numerals, according to our observations, turned out to be the method of compounding words. In this case, a connecting element **-ры-** appears between the folding bases. In such cases, the second component of the addition loses the final vowel and the compound word appears with a consonantal final. A similar type of ablaut alternation of vowels with zero is also found in models where the stems of three numerals are added. With the help of ablaut alternations **ы:э**, the dividing numerals are formed: **зы/зэ**. The models under consideration are also complicated by the use of different suffixes. These are most often the suffixes: **-анэ**, **-ащIэ**, **-алэ**. These suffixes can be added to stems with initial vowels **э** or **ы**. In this case, the root morpheme of the complicated model is always formed by the vowel **a** (**ы,э>a**). The analysis of the material allowed us to draw the following conclusions: in the complex numerals studied, different types of ablaut operate, although in suffixal models we have one type of ablaut. It must be said that the complex morphological process in the models under study is not yet completely completed. Alternations along the ablaut that arise in complex models are mostly associated with the lexical content of the producing stem, which once again confirms the relationship between vocabulary and grammar.

Keywords: Kabardian-Circassian language, ablaut alternations, final vowel, composition, numerals

For citation: Dzuganova R.Kh. Ablaut alternations in compound numeral names in the Kabardian-Circassian language. Vestnik KBIGI = KBHR Bulletin. 2024; 2 (61): 25–32. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-25-32

ПсалъэщI IэмалкIэ къэхуэ бжыгъэцIэхэм макъзэблэхуэ лIэужыгъуэ куэд щокIуэкI. ГъэщIэгъуэнщ макъзэблэхуэхэмкIи къэхуэ бжыгъэцIэхэри бзэм зэрыхэтыр. НэгъуэшIу жыпIэмэ, зэрабж бжыгъэцIэ **зы-**м (1) щегъэжьауэ **щIы-**м (10) нэс лъабжэ кIэухым макъзэшэ **ы** пыту бзэм къыщыкIуэхэм тIурыгуэш бжыгъэцIэхэр **ы:э** макъзэблэхуэкIэ къатохуэкIхэр. Щапхъэ: **зэ < (зы), тIэу < (тIуы) щэ < щы, щIэ < щIы**. Зэхуеплъ: *БжыгъэщIхуэр унащхэм зы пIланэпэм и щIыльэныкыуэр зыубыдыр мыхуу, моуэ, а (Къамбот) зыхуей сурэтыр нэм къылуидзэн хуэдэу къыхэубыдыклауэ (трещIыхъ) (Хьэх 2013: 187). Елбгыт: Джыдэр къыщIтэу (Къамбот) пхъэм зыщыттришащIэм, абы заныщIэу игу къэкIыжащI Синэху и псалъэхэр: пхъэм тIэу уегъэхуабэ: щынкъутэкIэ зэ, щыбгъэскIэ етIуанэу (Хьэх 2013: 206). Къэдгъэльэгъуа щапхъэхэмкIэ гурылуэгъуэ мэхуэ **ы:э** макъзэблэхуэр морфонологие хабзэм зэрэзгъыр, сыту жыпIэмэ грамматикэ мыхъэнэ егъэзащIэри (Кумахов 1981: 229).*

Зэрагуэш бжыгъэцIэхэр **зы-**м (1) щегъэжьауэ **щIы-**м (10) нэс зэрабж бжыгъэцIэхэм къытрагъэзэжурэ **-ры-** псалъэзэпыщIэ Iыхъэ я кум дэту къохуэ. Апхуэдэхэм деж къытезыгъэзэж етIуанэ Iыхъэм и лъабжэ кIэух макъзэшэ **ы-**р покIуэдыкI. Щапхъэ: **зы-ры-з < зы-ры-зы** (дэтхэнэми зы хуэзэу), **щы-ры-щ < щы-ры-щы** (щы дэтхэнэми лъысу); **хы-ры-х < хы-ры-хы** (дэтхэнэми хы хуэзэу), н.кь. *Анэр абыхэм (щIалитIым) я Iэ зырызыр уубыдауэ щыт хуэдэт, я зэхуакум дэту (Хьэх 2013: 191). Къэп пIырыпI, тхуритху имылъу си фIэщ хъункъым (Кыщокъуэ 2006: 469).*

Иджы зэхуеплъ **ы:э** макъзэблэхуэ щыдиIэм деж а бжыгъэцIэ дыдэхэм щекIуэкI аблаут лIэужыгъуэм бжыгъэцIэхэм я мыхъэнэр зэрихуэжым. Зэльбгыт: **зэ-ры-зэ** (дэтхэнэми зэ къыльысу), **тхуэ-ры-тхуэ** (дэтхэнэми тхуэ къыльысу), **хэ-ры-хэ** (дэтхэнэми хэ къыльысу), н.кь. *ЩIалэхэр зэрызэ къафэри, шынауэр удж еуэу хуежъащI (Кыщокъуэ 2006: 235).*

ДзыкIэлъыплъа псалъэщI бжыгъэцIэхэм налуэ къащI макъзэшэ **ы-**р адыгъэбзэм гъэпсыкIэ зэхэлъ зиIэ псалъэхэм я кIэухым хъума зэрыщымыхуэр. Апхуэдэ морфонологие екIуэкIыкIэр кIахэбзэм иджыри щызэтеувакыым. АдэкIэ гъэпсыкIэ зэхэлъ зиIэ псалъэхэм я кIэухым макъзэшэ **э** къыпыувэр адыгъэбзэм щIэуэ къыхыхъа къэхуэгъэхэм щыщI.

Бжыгъэццэрэ лэжыгъэццэрэ **-ры-** зэпызыщцэ Iыхьэкцэ зэпхауэ щыIэццэ кышыщыкцэ щыIэццэ лъабжьэужь лэжыгъэццэм кышыщыпыуви щыIэщ. Щапхъэ: $зэ-ры-кцэ-гъуэ < зэ+ры+кцэ+гъуэ$ (зы къат, защцэ), **зэ(зы)** – тцурьгуэш бжыгъэццэщ, **-ры-** – псалъэзэпыщцэ Iыхьэщ, **кцэ(кцэуи)** – лэжыгъэццэ лъабжьэщ, **-гъуэ** - щыIэццэ лъабжьэужьщ.

Гъэпсыкцэ зэхэлъ зыIэ дызытепсэлъыхь псалъэ гупым я кум зэпызыщцэ Iыхьэу кыдэуэ **-ры-**м теухуауэ бзэщцэныгъэлцхэм Iуэхуеплъыкцэ зэхуэмыдэхэр яIэщ. Апхуэдэу щыщытым и щхьэусыгъуэр абы и тхыдэр наIуэу зэрыщымытырщ. Япэ дьдэ Яковлев Н.Ф. ар бжыгъэццэхэр зэпызыщцэ Iыхьэу кыыхигъэщаш (Яковлев 1948: 245). Щэрдан А.Хь. кызырилгытэмкцэ дызытепсэлъыхь **-ры-** Iыхьэр бжыгъэццэхэм ямызакъуэу лэжыгъэццэхэми кыщокцэу, езым мыхьэнэ щхьэхуэ гуэр имыгъэлгагъуэми, лэжыгъэццэхэм ономим кышыщымыхьун папщцэ морфонологие къалэн (нэщэнэ) щигъэзащцэу (Шарданов 1999: 149).

Нэгъуэщцэ зы Iуэхуеплъыкцэ дрохьэлцэ дызытепсэлъыхь **-ры-**м теухуауэ. Шагьыр I.Кь. къелгытэ ар Iэмэпсымэ мыхьэнэ зыгъэлгагъуэ аффиксу, икцэ лэжыгъэр здэгъэза лэныкцэуэри игъэнаIуэу гъэпсыкцэ зэхэлъ зыIэ лэжыгъэццэхэм кышыщыкцэу. Щапхъэхэу къехь **зэпры-**кцэуи (зы Iуфэмкцэ икцэуи адрей Iуфэм кцэуи), **зэпры-**дзын (зыгуэр бдзыуэ адрей лэныкцэуэм нэгъэсын) лэжыгъэццэхэр (Шагиров 2004: 207).

Бжыгъэццэхэр лъабжьыщу зэхыхьэу къэхьэу гъэпсыкцэ зэхэлъ зыIэ бжыгъэццэхэм *тцэуи* къащыхьэхэм деж зэпызыщцэ Iыхьэ **-ры-** кыдоуэ, езы бжыгъэццэ *тцэуи*-ми ($< тцэуи$) пыта макъзешэ **ы-**р зэфцэуэж, ауэ иужь ит Iыхьэм пыта макъзешэр покцэудыкцэ. Апхуэдэ къэхьыгъэхэм бжыгъэ пыухькцэ къагъэлгагъуэркъым. Щапхъэхэм зэхуеплъ: $зы-тцэуи-ры-пцэ < зы+тцэуи// тцэуи+ры+пцэ$ (тцэуи мрэ щэщцэуи мрэ яку дэту хуагъэфашэ бжыгъэ). *Етцэуи махуэм Астемыр, Елдар, Бот сымэ шу гупыфцэ – зытцэуи-ры-пцэуи щыгъуэу – зэрагъэпэщцэ, къуажэм бжыгъэпэр Исхьэкъ лэжыгъэм кыхуагъэнанэри – макцэуи-мэлъей, дэццэуи дэжжари ямыщцэуи къуажэм дэццэуи* (Кыщокъуэ 2005: 269).

Нэхьыбэ дьдэу бжыгъэццэхэм псалъэзэхыхьэ Iэмалкцэ уха хьуа ццэхэм уащрохьэлцэ. Псалъэзэхыхьэ къэхьыкцэуи лъыфэццэ куэд къохьу щыIэццэуи зы бжыгъэццэ япыувэкцэуи. Апхуэдэхэм деж бжыгъэццэр зэхыхьэ щыIэццэ лъабжьытцэми кыщокцэуи, ари сонант **и-**кцэ зэпхауэ. Щапхъэ: $Iу-и-тцэ-бз-и-тцэ < Iу(ы)(жъэ)+и+тцэ+бз+и+и+тцэ$ (дзыхь зыхуэпщцэ мыхьэ, ццэуи зэтемыт); $гу-и-тцэ-щхь-и-тцэ < гу(ы)+и+тцэ+щхьэ+и+тцэ$ (дзыхьмыщцэ, Iэнкун, ищцэуи зымыщцэ, зы пцэрэ зы хьэлым темыт), н.къ. Щапхъэхэм наIуэу уагъэлгагъуэ апхуэдэ псалъэзэхыхьэхэм (щыIэццэхэми бжыгъэццэхэми) я лъабжьэ кцэуи макъзешэхэр зэрапыкцэудыкцэуи. Зэхуеплъ: **Бзитцэуи**, *напэнищэу Бэрокъуэр зэрыщытыр зэвгъащцэ – апхуэдэ мыхьэнэ иIэу и пыIэпхэр кцэуи махуэм пхадэу кызырэуадыжжари кыгурыуат* (Теунэ 1980: 156). *Сэ сы-Мэт-Джэрийщ, Жанболэт. Щыль, укъэмытэдэж! Иджы, Жанболэт, сэ сызыханIыкцэуи бзаджагъэрэ нэмыплъэрэццэ! Сызыхэтхэр е напэнищэу, е Iуи-Бзитцэуи* (Мафцэуи 1974: 89).

Псалъэзэхыхьэ Iэмалкцэ гъэпсыкцэ зэхэлъ зыIэ бжыгъэццэхэри къохьу зэпызыщцэ Iыхьэ гуэри кыдэмыувэу. Апхуэдэу уха хьуа бжыгъэццэхэм я лъабжьэ кцэуи макъзэблэхьэу кышыщымыхьуу къанэркъым. Псалъэм папщцэ, зэрабж бжыгъэццэ лъабжьытцэ щызэхыхьэкцэ, етцэуи Iыхьэм и лъабжьэ кцэуи **ы** макъзешэр покцэудыкцэ, кытекцэ бжыгъэццэхэми пыухькцэ бжыгъэ къамыгъэлгагъуэу къокцэуи: $зы-пцэ < зы+пцэ$ (пцэуи хуэдиз). Апхуэдэ гъэпсыкцэ зэхэлъ зыIэ лэжыгъэццэхэр зэрагуэш бжыгъэццэуи щызэхыхьы щыIэщ, абыхэми я иужь Iыхьэм и лъабжьэ кцэуи макъзешэр пымыту къокцэуи: $зы-бгъу(ы)-пцэ < зы-бгъу(ы)-пцэ$ (бгъу(ы), пцэуи хуэдиз); $зы-тху(ы)-х < зы-тху(ы)-хы$ (тху, хы хуэдиз хьэ бжыгъэ), н.къ. Щапхъэ: *Дыгъэр кыщцэуи, Къамбот ццэуи и лэабжьэуэхэмкцэ зыбгъуи-пцэуи хуэдиз хьункцэуи уэгум зыщцэуи* (Хьэх 2013: 210).

ГъэпсыкIэ зэхэлъ зиIэ бжыгъэцIэ *mlo-щI*-ым < *mlu+пицIы* (бжыгъэ тIощI хьу) и етIуанэ Iыхьэм фонетикэ илгъэныкIуэкIэ зэхуэуэкIыныгъэшхуэ егъуэт: **-щI**- льябжьэ епхам и закъуэ кытекIа бжыгъэцIэхэм хохьэ. Щапхъэхэм зэхуеплъ: *плIы-щI* < *плIы+пицIы* (пщIыуэрэ плIы хьу бжыгъэ); *бгъу(ы)-щI* < *бгъу(ы)+пицIы* (пщIыуэрэ бгъу хьу бжыгъэ), *хы-щI* < *хы+пицIы* (пщIыуэрэ хы хьу бжыгъэ). *Илгъэс хыщIрэ зыхыблрэ ущыхуэкIэ, апхуэдиз хъэзабрэ гъузэвэгъуэрэ уи фэ щыдэкIкIэ узыншагъэ дэнэ кыкIыжын, гъуIэгъуэ?* – унэгъуацэм Iэдэбу, хуэму псалгъэу ерыскъыр Iэнэм кытрегъуэуэ (Хъупсырокъуэ 1980: 98).

ГъэщIэгъуэнщ шэрджэс псалгъэкIэм пщIырыбжэ, тIощIырыбжэхэр хьума зэрыщыхуар, псалгъэзэхыхьэм бжыгъэцитIыр сонант **й**-кIэ зэпхауэ кызырэщыкIуэм укIэлтыплъыныр.

Щапхъэхэр зэлтыт:

Жэму иIэр («Нэхуиц» совхозым) хуэдизрэ ныкIуэкIэ нэхьыбэт («Заветы Ильичам» нэхрэ), ауэ жэм къэс шэ кыщIащыр мыбдежым куэдкIэ щынэхь мащIэу кыщIэкIащ... жэмщицэ къэс шкIэ пицIухрэ тIурэ нэхь кыщIагъэхуакъым илгъэс кIуам! (Тыуаршы 1978).

Долэт илгъэс mloщIumI фIэкIа и мыныбжъми, ар зэ IуплгъэгъуэкIэ кыпфIэщIыныц илгъэс mloщIуищым цхъэдэхуэ (Дыгъужь 2011: 78).

КытекIа лэжыгъэцIэхуэ 100-м щегъэжьауэ 900-м нэс я къэхукIэр щхъэхуэщ: *щэ* (100) бжыгъэцIэмрэ етIуанэ Iыхьэу кьакIуэ зэрабж бжыгъэцIэмрэ сонант **й**-кIэ зэпыщIащ, езы бжыгъэцIэхэм я льябжьэ кIэуххэм япыт макъзешэхэр покIуэдыкI. Щапхъэхэм зэхуеплъ: *щ-и-ml* < *щэ+и+mlu* (щэуэрэ тIу хьу бжыгъэ); *щ-и-бгъу* < *щэ+и+бгъу(ы)* (щэуэрэ бгъу хьу бжыгъэ), н.кь. Япэ Iыхьэм и льябжьэ кIэух макъзешэр **й** сонантым и гъунэгъуу кыщыкIуэкIэ покIуэдыкI, етIуанэ Iыхьэм и льябжьэ кIэух **ы** макъзешэр псалгъэкIэм зэрыпыкIуэдыкIыр бзэм и фонетикэ хабзэм йозэгъ. (Дзуганова 2005: 179).

Апхуэдэу гъэщIэгъуэнщ щыIэцIэхэм бжыгъэцIэхэр шапыувэкIэ, сытым дежи сонант **й**-кIэ зэпыщIа зэрыхьур. Щапхъэ: *ун-и-ml* (унэхэр тIу хьууэ), *жэм-и-щ* (жэмхэр щы хьууэ), н.кь. *ЗэкъуэшиитIрэ дзитI зыIут къамэрэ, жыхуалэр Астемыр дауи ищIэрт* (КIыщокъуэ 2005: 57).

БжыгъэцIэхэр макъыцIэхэм шапыувэм дежи зэпызыщIэ Iыхьэу сонант **й**-р кьокIуэ. Щапхъэ: *уэуэ, ауэ уэу-и-ml*.

Къумахуэ М.А. и къэхутэныгъэ лэжыгъэхэм кызырэхэщымкIэ сонант **й**-мрэ **p**-мрэ макъзэблэхуэ кьагъэхуэ. ЩIэныгъэлIым кызырэилгытэмкIэ, зи гугъу тщIы сонантхэр (**й:p**) зы псалгъэм зыр зымкIэ щызэпхьуэкI щыхьу щыIэщ. Щапхъэ: *гу-и-х =гу-ры-х* (шынагъуэ). (Кумахов 1989: 79).

Езы бжыгъэцIэхэм льябжьэгъусэхэр япыувэурэ гъэпсыкIэ зэхэлъ зиIэ бжыгъэцIэ куэд кьагъэхуэ. Апхуэдэ къэхукIэхэм макъзэблэхуэ зэхуэмыдэхэр щокIуэкI. БжыгъэцIэ льябжьэ кIэухыр пыкIуэдыкIауэ гъэпсыкIэ зэхэлъ зиIэ бжыгъэцIэхэр кьагъэщI **e**- льябжьэпэмрэ –**анэ** льябжьэужьымрэ. Щапхъэ: *e-пицI-анэ* < *e+пицI(ы)+анэ* (пщIым кытекIа бжыгъэцIэ), *e-тху-анэ* < *e+тху(ы)+анэ* (тхум кытекIа бжыгъэцIэ). **E**- льябжьэпэщ, *тху(ы), пицI(ы)* – бжыгъэцIэ льябжьэхэщ, **-анэ** – бжыгъэцIэ кызырэхьу льябжьэужьыщ. *Абы нэщ ищIэжыр (Къамбот) – дунейр IэщIэкIащ, зыкыищIэжакъыми, кызыттрихакъым и нанIэр етIуанэ махуэми, ещанэми, еплIанэми...* (Хьэх 2013: 207).

ГъэпсыкIэ зэхэлъ зиIэ бжыгъэцIэхэм морфонологие елгытакIэ я гъэпсыкIэр мыкIутэу льябжьэужьхэу –**рей**, –**рауэ**-хэр япоувэ. Щапхъэ: *e-х-анэ-рей* < *e+хы+анэ+рей* (хым кытекIа зэрызэкIэлгыкIуэ бжыгъэцIэ); *e-бл-анэ-рей* < *e+блы+анэ+рей* (блым кытекIа зэрызэкIэлгыкIуэ бжыгъэцIэ). Апхуэдэ дыдэу зэхуеплъ щапхъэхэм: *e-тху-анэ-рауэ* < *e+тху+анэ+рауэ* (тхум кытекIа зэрызэкIэлгыкIуэ бжыгъэцIэ); *e-бгъу-анэ-рауэ* < *e+бгъу+анэ+рауэ* (бгъум кытекIа зэрызэкIэлгыкIуэ бжыгъэцIэ).

Лъабжьэужь –*анэ*, –*рей*-хэмкIэ къэхьуа гъэпсыкIэ зэхэлъ зиIэ бжыгъэцIэхэм мыхьэнэкIэ эщхьэщыкIыныгъэшхуэ яIэкъым, уеблэмэ синонимэгъу зэхуохъу. Зэхуеплъ: *е-щ-анэ=е-щ-анэ-рей*; *е-бл-анэ=е-бл-анэ-рей*, н.къ.

Лъабжьэужь –*ней*-р тIурыгуэш бжыгъэцIэхэм япыувэурэ гъэпсыкIэ зэхэлъ зиIэ бжыгъэцIэхэр къегъэхъу 2-м щегъэжьауэ 10-м нэс. Щапхъэ: *щэ-ней* (щэ зэкIэлъыкIуэу), *плIэ-ней* (плIэ зэкIэлъхьэужьу), н.къ. *Зы телъыджасщэ гуэр къыпкърыуа хуэдэу, Мыкъэ занщIэу щэней дэльеящ, и пыIэри дридзейурэ* (Шортэн 2016: 121).

Лъабжьэужь –*ащIэ*-р зэрабж бжыгъэцIэм шыпыувэкIэ бжыгъэцIэм и лъабжьэ кIэуа макъзешэр покIуэдыкI. Щапхъэ: *щ-ащIэ <щы+ащIэ (щыуэ зэтель); плI-ащIэ <плIы+ащIэ (плIыуэ зэбгъурылъ зэкIуэцIыуплIэнщIа, зэтель)*. Щапхъэ: *ЩащIэу, плIащIэу зэкIуэцIылтхьа щIакIуэхэр шэнт папщIэу Iэнэ гъунэм егъэтIылтэкIат* (Теунэ 1980: 78).

А щыкIэ дьдэм тету зэрабж бжыгъэцIэ 1-м щегъэжьауэ 5-м нэс пыувэурэ лъабжьэужь –*алэ*-м гъэпсыкIэ зэхэлъ зиIэ бжыгъэцIэхэр къегъэхъу. Щапхъэ: *з-алэ* (Iэпхьуамбапщэм и гъумагъым е и бгъуагъым хуэдиз зи кIыхьагъ щапхъэ), *тIу-алэ* (IэпхьуамбитI зэгуэлъ иубыд зи кIыхьагъ, пасэм щыгъуэ къагъэсэбэпу щыта щапхъэ), *плIа-лэ* (IэпхьуамбиплI зэгуэлъым иубыд кIыхьагъ). *Къэзанокуэу Жэбэгъы еупщIат, жи, «пэжымрэ пцIымрэ сьт я зэхуаку», жалэри. ПIалэ я зэхуакущ, къажриIащ, жи, и пIалэр нэмрэ тхьэкIумэмрэ я зэхуакум трилъхьэри* (Нало 2016: 3).

Къумахуэ М.И. и къэхутэныгъэхэм къаззрыхьэщымкIэ [Кумахов 1989: 110], лъабжьэужь –*алэ*-р убыхьыбзэм бжыгъэцIэ къызэрыхъу и лъабжьэужь –*ла*-м мыхьэнэкIэ йокIуалIэ. Зэхуеплъ убыхьыбзэм: *тIкъIуатIуала зала* (тIощIрэ зырэ). Щапхъэхэм зэрахэтIагъуэмкIэ, убыхьыбзэ лъабжьэужь –*ла*-р адыгэбзэм бжыгъэцIэ зэхэлъхэр зэрыщызэкIэлъахь лъабжьэужь –*рэ*-м къыпадзми, зи цIэ къитIуа бзэ щIэныгъэлIым къызэрилъыгтэмкIэ дызыкIэлъыплъ лъабжьэужьхэр адыгэхэмрэ убыхьхэмрэ зыбзэ ирипсалъэу щыщыта лъэхьэнэм щыIа псалъэкъэхьукIэщ.

ЕдгэкIуэкIа къэхутэныгъэм къызэригъэлъэгъуамкIэ, бжыгъэцIэхэм псалъэщIэ екIуэкIыкIэм куэдрэ дащрохьэлIэ. Псом хуэмыдэу псалъэзэхыхьэ къэхьукIэм бжыгъэцIэхэр куэдрэ хохьэ. Ахэр япэ Iыхьэуи, етIуанэ Iыхьэуи, ещанэуи къэкIуэнкIэ мэхьу. Апхуэдэ зэхуэмыдэ къэхьукIэм макъзэблэхъу зэмыщхьхэри къешэ. IыхьитI хъу псалъэзэхыхьэм и япэ Iыхьэр бжыгъэцIэу къакIуэмэ, абы и лъабжьэ кIэуа макъзешэр хъума мэхьу. БжыгъэцIищ зэхыхьэу къэхъу гъэпсыкIэм и ужь ит Iыхьэм и лъабжьэ кIэуа *ы*-р покIуэдыкI. Ауэ апхуэдэ дьдэу псалъэзэхыхьэм и иужь Iыхьэу къакIуэ бжыгъэцIэм и лъабжьэ кIэуа *э*-р хъума мэхьу. Псалъэзэхыхьэ къэхьукIэм лъабжьэ кIэуа *ы*-р пыкIуэдыкIыныр адыгэбзэ фонетикэ екIуэкIыкIэ хабзэм къреубыдэ, ар кIахэбзэм иджыри щызэфIэмыкIами. Ауэ гъэпсыкIэ зэхэлъ зиIэ мы псалъэ гупым хыхьэхэм я лъабжьэ кIэухым пыт *э* макъзешэр адыгэбзэм езым къыщыхьуа къэхьугъэщIэщ. Макъзэблэхъу зэхуэдэ щыдиIэщ бжыгъэцIэхэм лъабжьэужьхэр къапыувэурэ гъэпсыкIэ зэхэлъ яIэ щыхьухэм деж.

ТегъэщIапIэхэр Список источников

Дзуганова 2005 – *Дзуганова Р.Х.* Морфонологические процессы в кабардино-черкесском словообразовании. Нальчик: Эль-фа, 2005. 216 с.

Дыгъужь 2011 – Дыгъужь Къу. ЩIымахуэ лэгъупыкIу. Роман. Япэ тхыль. Черкесск: РГУ, Къэрэшей-Шэрджэс тхыль тедзапIэ, 2011. 174 н.

Кумахов 1964 – *Кумахов М.А.* Морфология адыгских языков. М.–Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964. 272 с.

Кумахов 1989 – *Кумахов М.А.* Сравнительная грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 384 с.

- Къыщокъуэ 2005 – *Къыщокъуэ А.П.* Хъуэпсэгъуэ нур // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхэсауэ. Т. 2. Налшык: Эльбрус, 2005. 488 н.
- Къыщокъуэ 2006 – *Къыщокъуэ А.П.* МелыIыч // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхэсауэ. Роман. Т. 5. Налшык: Эльбрус, 2006. 552 н.
- МафIэдз 1974 – *МафIэдз С.Хь.* ЩIакIуэ фIыцIэ. Налшык: Эльбрус, 1974. 344 н.
- Нало 2016 – *Нало З.М.* ПцIыIэрышэхэр, псысэхэр, таурыхъхэр // Тхыгъэхэр томищым щызэхуэхэсауэ. Т. 3. Налшык: Эльбрус, 2016. 432 н.
- Теунэ 1980 – *Теунэ Хь.И.* Шэджемкъуэ лъэпкъыр. Налшык: Эльбрус, 1980. 568 н.
- Хъэх 2013 – *Хъэх С.* Лъагъуэр гъуэгум хуокIуэ. Налшык: Эльбрус, 2013. 624 н.
- Хъупсырокъуэ 1980 – *Хъупсырокъуэ Хь.* ГъукIэ. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1980. 262 н.
- Шагиров 2004 – *Шагиров А.К.* Фонетика и морфология кабардинского языка. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., Эль-Фа. 2004. 220 с.
- Шарданов 1999 – *Шарданов А.Х.* Проблемы кабардино-черкесской грамматики. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 1999. 233 с.
- Шортэн 2016 – *Шортэн А.ТI.* Бгырысхэр. Роман-эпопея, тхыльиплI хъууэ. Налшык: Эльбрус, 2016. 1224 н.
- Яковлев 1948 – *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л., 1948. 372 с.

References

- DZUGANOVA R.Kh. *Morfonologicheskie protsessy v kabardino-cherkesskom slovoobrazovanii* [Morphonological processes in Kabardian-Circassian word formation]. Nal'chik: El'-fa, 2005. 216 p. (In Russian)
- DYG'UZH' K'u. *Shchlymakhue leg''upyk''u* [Winter rainbow]. Roman. Yape tkhyl''. Cherkessk: RGU, K''ereshei-Sherdzhes tkhyl'' tedzaple, 2011. 174 n. (In Kabardino-Circassian)
- KUMAKHOV M.A. *Morfologiya adygskikh yazykov* [Morphology of Adyghe languages]. M.-Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964. 272 p. (In Russian)
- KUMAKHOV M.A. *Sravnitel'naya grammatika adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Comparative grammar of the Adyghe (Circassian) languages]. M.: Nauka, 1989. 384 p. (In Russian)
- KIYSHCHOK''UE A.P. *Kh''uepseg''ue nur* [Cherished light] // Tkhyg''ekher tomikhym shchyzekhuekh'esaue. T. 2. Nalshyk: El'brus, 2005. 488 n. (In Kabardino-Circassian)
- KIYSHCHOK''UE A.P. *Melylych* [Angel] // Tkhyg''ekher tomikhym shchyzekhuekh'esaue. Roman. T. 5. Nalshyk: El'brus, 2006. 552 n. (In Kabardino-Circassian)
- MAFIEDZ S.Kh'. *ShchIakIue flytse* [Black burqa]. Nalshyk: El'brus, 1974. 344 n. (In Kabardino-Circassian)
- NALO Z.M. *Ptilyleryshekher, psysekher, taurykh''kher* [Lies, fairy tales, legends] // Tkhyg''ekher tomishchym shchyzekhuekh'esaue. T. 3. Nalshyk: El'brus, 2016. 432 n. (In Kabardino-Circassian)
- TEUNE Kh'.I. *Shedzhemok''ue l''epk''yr* [Shogemukhov family]. Nalshyk: El'brus, 1980. 568 n. (In Kabardino-Circassian)
- KH'EKH S. *L''ag''uer g''uegum khuokIue* [The path leads to the road]. Nalshyk: El'brus, 2013. 624 n. (In Kabardino-Circassian)
- KH''UPSYROK''UE Kh''. *G''ukle* [Blacksmith]. Cherkessk: Stavropol' tkhyl'' tedzaple. K''ereshei-Sherdzhes otdelene, 1980. 262 n. (In Kabardino-Circassian)
- SHAGIROV A.K. *Fonetika i morfologiya kabardinskogo yazyka* [Phonetics and morphology of the Kabardian language]. Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., El'-Fa, 2004. 220 p. (In Russian)
- SHARDANOV A.Kh. *Problemy kabardino-cherkesskoi grammatiki* [Problems of Kabardian-Circassian grammar]. Nal'chik: Poligrafservis I T, 1999. 233 p. (In Russian)
- SHORTEN A.T. *Bgyryskher* [Highlanders]. Roman-epopeya, tkhyl''iplI kh''uee. Nalshyk: El'brus, 2016. 1224 n. (In Kabardino-Circassian)
- YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the literary Kabardino-Circassian language]. M.–L., 1948. 372 p. (In Russian)

Авторым теухуауэ

Дзыгъуанэ Р. Хь. – филологие щІэныгъэхэмкІэ доктор, адыгэбзэ секторым и щІэныгъэ лэжьакІуэ пашэ.

Информация об авторе

Р.Х. Дзуганова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

R.Kh. Dzuganova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 30.06.2024.

The article was submitted 04.03.2024; approved after reviewing 10.06.2024, accepted for publication 30.06.2024.

АДЫГЭБЗЭМ И МЭЗДЭГУ ШЫПЭБЗЭМ И МАКЪЗЕШЭ СИСТЕМЭМ ИЛЭ ШХЪЭХУЭНЫГЪЭХЭМ ТЕУХУАУЭ

АфIэунэ Анджелэ Анэтолэ ипхьу

Гуманитар кьэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ кьэрал бюджет шIэныгъэ IуэхушIапIэ «Урысейм шIэныгъэхэмкIэ и академием и Кьэбэрдей-Балъкьэр шIэныгъэ центр» Федеральнэ шIэныгъэ центрым» и филиал, Кьэбэрдей-Балъкьэр республикэ, Налшык кьалэ, Урысей, martazei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7560-6985>

© АфIэунэ А.А., 2024

Аннотациэ. Статьям и мурад нэхьышхьэщ адыгэбзэм и мээдэгу шьIпIэбзэм и макъзешэ системэм и кьэгъэсэбэпыкIэр, иIэ шхъэхуэныгъэхэр, адыгэ литературэ-бзэм кьызэрышхьэщыкI шьIкIэхэр гьэбелджылыныр. Лэжыгъэм шхъэхуэ-шхъэхуэу макъзешэхэм я кьэпсэлыкIэмрэ абыхэм зэтемыхуэныгъэ яIэхэмрэ шьIубзы-хуащ, шапхъэхэмкIэ шIэгъэубыдэжауэ. Зэпкьрыхыныгъэм кьызэригъэлыагъуэмкIэ, шьIпIэбзэмрэ литературэбзэмрэ я макъзешэ кьэгъэсэбэпыкIэр куэдкIэ зэхьэщокI, мымащIэу мээдэгу адыгэхэм я бзэм ушрохьэлIэр ахэр я увыпIэкIэ зэблэдзауэ, хьуэ-жауэ е дэгъэхуауэ.

Темэм теухуа тхыгъэ зыбжанэ шьIэ пэтли, ахэр зэрагъэхъэзыррэ зэманьI зэрыдэклам кьыхэкIкIэ, иджырей бзэщIэныгъэм имызэгъэж хьуащ. ШьIпIэбзэхэм илэс шьIы бжыгъэхэм я кIуэцIкIэ зэхьуэкIыныгъэшхуэхэр ягъуэтащ, икIи нобэ-рей екIуэкIыкIэхэр кьэпщытэн зэрыхуейр шьIпIэбзэдэж хабзэхэм кьагъэуэ. Кьэ-хутэныгъэм льябжэ хуэхьуащ КIуащ Тэмарэ и лэжыгъэхэр, материалыщIэм кьыгъэлъэгъуэ зэхьуэкIыныгъэхэр кьыхэлъытауэ. КьышинэмьшIауэ текстыр фило-логие шIэныгъэхэмкIэ доктор БишIо Борис адыгэбзэм хузэхилъхьа бзэщIэныгъэ фIэщыгъэщIэщIэхэм япкь иткIэ зэхэгъуащ.

Статьяр гъэхъэзырыным сэбэп хьуащ бзэщIэныгъэ кьэхутэныгъэ методхуэ кIэлыпллыныгъэ, тетхыхыныгъэ, зэхэхуныгъэ, зэзыгъапщэ-зэпэзыгъэуэ зэпкьры-хыныгъэхэр.

Кьэхутэныгъэм кьрикIуахэр шьIхьэт тохьуэ адыгэ литературэбзэм елыгыта-уэ мээдэгу шьIпIэбзэм зэщхьэщыкIыныгъэ зыбжанэхэр зэрыхэтыр. Псалъэм папщIэ, зохьуажэхэр: литературэбзэм и **ы**-м и пIэкIэ мээдэгу шьIпIэбзэм и **э**-р (*дэкъэцIэлъэдэжьэрт – дьыкьыцIэлъэдэжьырт*); **э**-м и пIэкIэ **ы**-р (*гуыныхь – гуэ-ныхь*); **э**-м и пIэкIэ **а**-р (*бакхь – бэжхь*); **ы**-р **э**, **а**-хэм я пIэкIэ (*ау[ы]рэ – ауэрэ*); **уы**-м и пIэкIэ **уэ** (*уэрысмэ – у[ы]рысым*); **у**-м и пIэкIэ **ау**, **эу**-хэр (*дэуней – дунейм*); **о**-м и пIэ **эу** (*дырзупсалъэр – дыропсалъэр*); **у**-м и пIэкIэ **ыу** (*ди мыурадиц – ди мурадиц*); **о**-м и пIэкIэ **ау** (*кьаукIэIа – кьокIуэIэ*); **уэ**-м и пIэкIэ **о**-р (*гьогу – гьуэгу*); **э**-м и пIэкIэ **е**-р (*бозел – дзел*); **е**-м и пIэкIэ **э**-р (*ныбжэслынэ – ныбжеслэну*); **е**-м и пIэкIэ **а**-р (*дунай – дуней*); **а**-м и пIэкIэ **е**-р (*енэ – анэ*); **ей**-м и пIэкIэ **е**-р (*адрехIэри – адрейхэри*), н.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: адыгэбзэ, грамматикэ, шьIпIэбзэ, мээдэгу шьIпIэбзэ, макъзешэ.

Цитатэ кьызэрыхэлхьыну: АфIэунэ А.А. Адыгэбзэм и мээдэгу шьIпIэбзэм и макъзешэ системэм иIэ шхъэхуэныгъэхэм теухуауэ // Вестник КБИГИ. 2024. № 2 (61). С. 33–41. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-33-41

Original article

ON THE QUESTION OF FEATURES OF THE SYSTEM OF VOWEL SOUNDS OF THE MOZDOK DIALECT OF THE KABARDIAN-CHERKASSIAN LANGUAGE

Angela A. Afaunova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, martazei@mail.ru, orcid.org/0000-0002-7560-6985

© A.A. Afaunova, 2024

Abstract. The main goal of the article is to determine the methods, features of use and features of the vowel system of the Mozdok dialect of the Kabardian-Circassian language that are distinctive from the literary language. The proposed work examines in detail the methods of pronunciation of vowel sounds of the dialect, indicating analogues in the literary language, confirming all processes with illustrative material. As the study shows, the use of vowel sounds in the dialect and the literary language diverges in many respects; there are often examples where they are replaced, swapped, or dropped out.

Although there are works published on the topic under study, due to the fact that they were prepared a long time ago, they no longer fit into the requirements of modern linguistics. The state of dialects has changed significantly over the course of several decades, thereby creating the need for new research in accordance with the rules of today's dialectology. The article is based on the work of Tamara Kuasheva, taking into account changes in the language from the new materials collected. In addition, the text was written using the new linguistic terminology of the Kabardian-Circassian language, Doctor of Philological Sciences Bizhoyev B.Ch.

In preparing the article, such methods of linguistic research as observation, description, analysis and comparative method were used.

The results obtained prove that the Mozdok dialect differs in many ways from the literary language in the use of vowel sounds. For example, they are replaced: literary ы- in the Mozdok dialect with e- (dek'etslel'edezhyert – dykyyshlel'edezhyert); y- instead of e- (guynykh – guenykh); a- instead of e- (bakh – bakh); ы- instead of e, a- (au[y]re – auere); ue instead of uy- (uerysme – u[y]rysym); au, eu- instead of y- (deuney – duneym); eu instead of o- (dyreupsaler – dyreupsaler); yu instead of u- (di myuradsch – di muradsch); ay instead of o- (kauklele – kьoklyele); o- instead of ue- (gyogu – guegu); e- instead of e- (bdzel – dzel); e- instead of e- (nybzheslyne – nybzheslenu); a- instead of e- (danube – duney); e- instead of a- (ene – ane); e- instead of e- (adrekhlery – adreichery), etc.

Keywords: Kabardino-Circassian language, grammar, dialect, Mozdok dialect, vowel sounds

For citation: Afaunova A.A. On the question of features of the system of vowel sounds of the Mozdok dialect of the Kabardian-Cherkassian language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 2 (61): 33–41. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-33-41

Научная статья

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СИСТЕМЫ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ МОЗДОКСКОГО ДИАЛЕКТА КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Анджела Анатольевна Афаунова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, martazei@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7560-6985>

© А.А. Афаунова, 2024

Аннотация. Главная цель статьи – определить способы, особенности использования и отличительные от литературного языка черты системы гласных звуков

моздокского диалекта кабардино-черкесского языка. В предлагаемой работе подробно разбираются способы произношения гласных звуков диалекта, с указанием аналогов в литературном языке, подтверждая все процессы иллюстративным материалом. Как показывает исследование, применение гласных звуков в диалекте и литературном языке во многом расходятся, часто встречаются примеры, где они заменяются, меняются местами, выпадают.

Хоть и существуют работы, изданные по исследуемой теме, но, в связи с тем, что они были подготовлены давно, уже не вписываются в требования современного языкознания. Состояние диалектов в течение нескольких десятилетий значительно изменилось, тем самым появилась необходимость новых исследований соответственно правилам сегодняшней диалектологии. В основу статьи легли работы Куашевой Тамары с учетом изменений в языке из собранных новых материалов. Помимо этого текст написан с использованием новой лингвистической терминологии кабардино-черкесского языка доктора филологических наук Бижоева Б.Ч.

В подготовке статьи были применены такие методы лингвистического исследования как наблюдение, описание, анализ и сравнительно-сопоставительный метод.

Полученные результаты доказывают, что моздокский диалект во многом отличается от литературного языка в использовании гласных звуков. Например, заменяются: литературный **ы-** в моздокском диалекте на **э-** (*дэжъцІэльэджьэрт – дыкъыщІэльэджьырт*); **ы-** вместо **э-** (*гуыныхь – гуэныхь*); **а-** вместо **э-** (*бакхъ – бэххъ*); **ы-** вместо **э,** **а-** (*ау[ы]рэ – ауэрэ*); **уэ** вместо **уы-** (*уэрысмэ – у[ы]рысым*); **ау,** **эу-** вместо **у-** (*дзуней – дунейм*); **эу** вместо **о-** (*дырзупсальэр – дыропсальэр*); **ыу** вместо **у-** (*ди мыурадиц – ди мурадиц*); **ау** вместо **о-** (*къаукІэла – къокІуэлэ*); **о-** вместо **уэ-** (*гъогу – гъуэгу*); **е-** вместо **э-** (*бдзел – дзэл*); **э-** вместо **е-** (*ныбжэсІынэ – ныбжэсІэну*); **а-** вместо **е-** (*дунай – дуней*); **е-** вместо **а-** (*енэ – анэ*); **е-** вместо **ей-** (*адрехІэри – адрейхэри*), и т.д.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, грамматика, диалект, моздокский диалект, гласные звуки

Для цитирования: Афаунова А.А. К вопросу об особенностях системы гласных звуков моздокского диалекта кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2024. № 2 (61). С. 33–41. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-33-41

Адыгэбзэ щІыпІэбзэхэм щыщу мэдзэгу адыгэхэм я бзэр зэпкърыхыным елэжъащ бзэщІэныгъэлІ зыбжанэ. Япэ дьдэу абы зрипщытащ Турчанинов Г.Ф. Абы и къэхутэныгъэр «Материалы по диалекту моздокских кабардинцев» фІэщыгъэцІэр иІэу 1946 гъэм журналым къытехуащ [Турчанинов, 1946]. ЩІэныгъэлІыр хущІэкъуащ фонетикэ щхъэхуэныгъэхэр, лексикэм и зыужьыкІэр, морфологием иІэ ухуэкІэр нэгъэсауэ зэпкърыхыным.

Нэхъ куууэ мэдзэгу щІыпІэбзэм елэжъащ КІуащ Тамарэ икІи 1954 гъэм «Особенности терских говоров кабардинского языка» кандидат диссертациэ пхигъэкІауэ щытащ [Куашева, 1954]. КІуащым «тэрч говор» терминым къызэщІригъэубыдащ мэдзэгу щІыпІэбзэри джылахъстэней псэлъэкІэри, ахэр лъэныкъуэ гурэхэмкІэ (лексикэкІэ, фонетикэкІэ) зэрызэтехуэм къыхэкІкІэ И щІэныгъэ лэжыгъэм пицэу, КІуащ Тамарэ 1959 гъэм и «Морфологические особенности терских говоров» къэхутэныгъэр къыдигъэкІащ [Куашева, 1959]. «Очерки кабардино-черкесской диалектологии» тхылгым хыхъащ щІыпІэбзэ, псэлъэкІэ псоми щытепсэлъыхъ статья купщІафІэхэр. Абыхэм ящыщц КІуащ Тамарэ итха «Терские говоры» статья [Очерки..., 1969].

КІэщІу мэдзэгу щІыпІэбзэр литературэбзэм къызэрщхъэщыкІ Іуэхугъуэ нэхъыщхъэхэм щытепсэлъыхъу дунейм къытехуащ къыкІэлъыкІуэ лэжыгъэхэр: Къумахуэ М. «К вопросу о классификации адыгских диалектов» [Кумахов 1957], Бэрбэч Б. «Диалектная лексика кабардинских языков» [Бербеков, 1992], Тау Хь. «Кабардино-черкесская диалектология» [Таов, 2005].

Мэдзэгу щІыпІэбзэм ущыкІэлыпшлкъІэ нэхъапэу гу зылъыштэр я макъ къэпсэлъыкІэрщ икІи литературэбзэм къызэрщхъэщыкІ щыкІэ гъэщІэгъуэнхэм мымащІэу ущрохъэлІэр. Мы лэжыгъэм макъзешэхэм дыкыщыцзэтеувыІэнщ.

Мэдзэгу адыгэхэм я макъзешэ къэгъэсэбэпыкІэм и нэщэнэ нэхъыщхъэу хэпльагъуэр адыгэ литературэбзэм и макъ **ы-**р макъзешэ **э-**кІэ зэхъуэкІа зэрыхъурщ.

Апхуэдэ хьуэжыныгьэр хыбогьуатэр псалъэ лъэпкыгьуэ зэмылIэужьыгьуэхэм, псалъэм и Iыхьэ псоми, абы языныкьуэхэм деж морфологии, лексикэ екIуэтэжыныгьэм хуэшэ. Псалъэм папщIэ:

1) **Ы**-мрэ э-мрэ зохьуажэр нэгьуэщI макъ дэкIуашэхэм яужь иту псалъэпэм кьыщыкIуэм. Апхуэдэ зэхьуэжыныгьэм ущрохьэлIэр морфологии, мыхьэнэ тхыдэ зыгьэ зиIэ псалъэ зэпхэхэм (мэзд. зэ кьом – лит. зы кьом хуэдэхэм). Ауэ я закьуэу мыхэр зэрызэхэт псалъэхэр кьыщагьэсэбэпкIэ **ы**-р э-м хуэкIуэу плъагьуркьым. Апхуэдэ морфологии, мыхьэнэ зыгьэм иджыри щынэмысам деж (п.п., *абым кьыхэкIкIэ* – *абы кьыхэкIкIэ*), псалъэхэр щхьэхуэ-щхьэхуэу зэпкьыра мэхьу. Щапхьэхэр:

мэзд.

абым кьэхэкIкIэ
бэнхэри
дэкьикIэри
дэпсэуась
дэхэтIэм
дэхэхьэну(ы)
дэхьуась
зэ кьэум

лит.

абы кьыхэкIкIэ
бынхэри
дыкьичIри
дыпсэуащ
дыхэткьым
дыхыхьэну(и)
дыхьуащ
зыкьом

2) Зыхьуэж псалъэзешэм и кIэух **м**-м ипIэкIэ **мэ**-р кьызэрагьэсэбэпыр:

мэзд.

гьавэмэ
зэбиймэ
зы гуэрэ
слIожьэ арась
сыткIэ зьысIэн?
уэрысмэ

лит.

гьавэм
зэрызэбийм
зы гуэр
слIожьэ аращ
сыткIэ жьысIэн?
у[ы]рысым

3) Пычыгьуэзакьуэ псалъэкIэ зэхуэщIам **ы**-р э-кIэ зэхьуэкIа зэрыщыхьур:

мэзд.

бэн цIыкIэр
зэм
зэр

лит.

бын цIыкIухэр
зым
зыр

4) Пычыгьуэзакьуэ зэIуха псалъэкIэм **ы**-р э-м зэрыщыхуэкIуэр:

мэзд.

зэ
мэ
псэ

лит.

зы
мы
псы

5) Пычыгьуэбэм зэужьу **ы**-р э-кIэ зэхьуэкIа зэрыщыхьур:

мэзд.

вэластэм
дэкьэцIэлъэдэжьэрт
дэкьэцIэмэкIыу
дэкьэщыкIуам
дэмэкIуэ
дэсьэсхьэнIэм
дэсьэтт
дэхэхьэн

лит.

в[ы]ластым
дыкьыцIэлъэдэжьырт
дыкьыцIэмькIуэ
дыкьыщыкIуам
дымыкIуэ
дыщысхьынкьым
дыщытт
дыхыхьэн

6) Пычыгьуэ зэмылIэужьыгьуэу зэхэт псалъэхэм зэмыужьу **ы**-р э-кIэ хьуэжа зэрыщыхьур:

а) япэ пычыгьуэм:

мэзд.

дэзэхэссь
дэкьикIэри
дэльэжьэну(ы)сь

лит.

дызэхэсщ
дыкьикIри
дылэжьэнуи

дэсьыкIуэ
зэтхуыкIэ
зэуыкIами
зей сьэIаIэм
къэскIуыхьащ

дыщыкIуэ
зытху[ы]хкIэ
зыу[ы]кIами
зэи щыIакъым
къыщыскIу[ы]хьащ

б) еIуанэ пычыгъуэм:

мээд.
дэкIэри
дэхэхьэну(ы)
Дохъиэкъэй
зэкIэзыхьэс
йегэрей
къэдмэгъанэуэ
тхьэмэськIэхэр

лит.
дэкI[ы]ри
дыхьхьэну
Дохъущыкъуей
зэкIу[ы]жахэщ
йыджырей
къэдмыгъанэуэ
тхьэмьыцкIэхэр

в) ешанэм е кыкIэлъыкIуэ (иужьрей) пычыгъуэм:

мээд.
зэпырэмыкIыу
къэкIуэнэм поплъэ
сэсьымIэуэи
сэхэтэнась
хьыджэзмэрэ

лит.
зэп[ы]рэмыкIыу
къэкIуэнэм поплъэ
сыщымыIэуи
сыхэтэнуц
хьыджэбзымрэ

Мээдэгу адыгэхэм я бзэм **ы-р э-кIэ** щызэхьуэкIар куэдрэ къэхьу Iуэхугъуэщ, ауэ, шапхьэхэм зэрахэпIагъуэмкIэ, абы сыт щыгъуи зэужь гъэпсыкIэ иIэкъым. Абы псалъэ категорэ псори кызыщысеубыдэ икIи увыпIэ зэмылIэужьыгъуэхэм кышыгыэльэгуэщ. Апхуэдэ екIуэкIыкIэр редукцэм и фIыгъэкIэ къэхьуащ.

ЩыпIэбзэм хэбгъуэтэнуц литературэбзэм и **э-р** пычыгъуэ зэхуэмыдэхэм **ы-кIэ** щызэхьуэкIа псалъэхэр:

мээд.
бгुरыгъэIуыниц
гуыныхь
гъуымылэ
жалынэсь
зызыIыр
къуажыхь
лэхьынэ
мызаджэ

лит.
бгурызгъэIуэниц
гуэныхь
гъуэмылэ
жалэнуц
жызыIэр
къуажэхь
лэхьэнэ
мэжаджэ

Нэхь мащIэрэ мээдэгу адыгэхэм я бзэм хэпIагъуэу, ауэ абы и нэщэнэу, нэгъуэщI Iуэхугъуэхэри кыыхэгъэщыпхьэщ:

а) макъ **э-м** ипIэкIэ **а-р** кызырэапсэлъыр. Нэхьыбэу апхуэдэм узыщрихьэлIэр макъ дэкIуашэхэм я зэхуаку дэту кышыкIуэрщ:

мээд.
бакхь
барызей
датIым
зарыз
зарызхIэри
зарысьытыр ауэсь
йыльасибльчIэ
къакIаIа
лапс

лит.
бэкхь
бэрэжьей
дэткъым
зэрыз
зэрызхэри
зэрыщытыр абы хуэдэуц
ильэсиблчIэ
къакIуэIа
лэпс

Апхуэдэ екIуэкIыкIэм ушыхуозэ псалъэ кыыхыхьахэми:

мээд.
балыхь
кIальхоуз // къальхуэз

лит.
бэлыхь
чIэльхуэз

кЫрестІан
пІалъто
чаф
чІартІоф

чырыстэн
бэлъто
чэф
чІэртІоф

б) а-м ипІэкІэ э-р кыызэрапсэлъыр:

мэзд.
мэхуэ
хилъхъэц
цІэлпІацІэр
сьыІэІэм

лит.
махуэ
хилъхъац
цІэлпІацІэр
цыІакъым

в) э, а-хэм я пІэ ы-р зэриувэр:

мэзд.
ау[ы]рэ
дыкъызыІэрыпхъуэжгъэрэ
жаІыну(ы)м
машыным
ныбжэсІынэ
хъауын
хъуыртыІэ
цытахІыр

лит.
ауэрэ
дыкъызэрыІэпхъуэжрэ
жаІэну
машинэм
ныбжесІэну
хъэуан
хъу[ы]ртэкъэ
цытахэр

Псалъэпэм й кыщыкІуэм кыпыт ы-р е-кІэ зэхъуэкІа мэхъу:

мэзд.
йе дезь
йегэрей
йегы
йегыри
йекІи
йельэс
йельэсайбгъу(ы)
йельэситІ

лит.
йы деж
йыджырей
йыджы
йыджыри
йыкІи
йыльэс
йыльэсибгъу
йыльэситІ

ИщхъэкІэ кыщыгъэлъэгъуа къэхъугъэхэм яхуокІуэ зы макъзешитІ зэхэлъыр нэгъуэщІ макъзешитІ зэхэлъкІэ зэхъуэкІа зэрыхъур:

а) уы-м ипІэкІэ уэ къапсэль:

мэзд.
дыпсэуэху(ы)кІэ
уэрысмэ

лит.
дыпсэу[ы]хукІэ
у[ы]рысым

б) у-м и пІэкІэ ау, эу-хэм уахуозэ:

мэзд.
даунэйыцІэм
дэуней
къарэу

лит.
дуней[ы]цІэм
дунейм
къару

в) о-м и пІэ эу йоувэ:

мэзд.
дырэупсалъэр
зыкъэуым
къэуым
псэурай

лит.
дыропсалъэр
зыкъом
къом
псори

Къэуым, къом псалъэхэм къежъапІэ яхуохъу къэуэм гъэпсыкІэр. МэздэгущыпІэбзэм иужьрей э-р ы-м щыхуэкІуащ: къэуэм → къэуым. Литературэбзэм зэхъуэкІыныгъэр нэгъуэщІ лъэныкъуэкІэ кІуащ: къэуэм псалъэм у-м и хэллыфыхыныгъэкІэ э-р дэхури уэ зэхыхъэр о-м хуэкІуащ: къэуэм → къуэм → къом.

г) у-м ипІэкІэ ыу:

мэзд.
ди мыурадц

лит.
ди мурадц

д) о-м ипIэкIэ ау:

къаукIэIа

къокIуэIэ

е) уэ-м о-р кыыхэкIыу:

мээд.

гъогу

код

комбжэ

псо хъуасъ

хом-хомуэрэ

Iох

лит.

гъуэгу

куэд

куэбжэ

псэу хъуащ

хуэм-хуэмурэ

Iуэху

Мыпхуэдэ псалъэхэм IупщIэIуш **ку, ху, гъу**-хэр макъзешэ э-м щыхуэзэкIэ э-мрэ у-мрэ макъзешэ о-р къагъэхур.

Мээдэгу адыгэхэм я бзэм кыыхэщ макъзешитI зэхэтхэм ехъэлIа къэхьугъэхэм хыбогъуатэ **е, и**-хэм я пIэм **ай, эй** макъзешитI зэхэтхэр кыщиувэ, абы кыдэкIуэу **эй** здэщыIэн хуей щыпIэхэм **ай**-р хэту долъагъу, э-р **а**-кIэ бзэм зэхуэклIа зэрыщыхум кырикIуэу. Ауэ **эй**-р сыт щыгъуи литературэбзэм **ей**-м хуэкIуэркъым:

мээд.

дай

йельэсайбгъу(ы)

майт

нэжэбэмай

нобэмай

сэсьымэIуэй

сэцэкIуэмай

псэурай

лит.

ди

йыльэсибгъу

мет / мейт (щыIу)

ныжэбэми

нобэми

сыщымыIэуи

сыщыкIуэми

псори

Мээдэгу адыгэхэм я бзэм нэгъуэщI макъзешэхэм я къэхьукIэу кыыхэбгъэщ хьунуш:

а) узыпэплъэ э-м ипIэкIэ е кыщыкIуэ:

мээд.

бдзел

зэрогъэпэжэ

пэж

пэжу(ы)

текI

шент

лит.

дзэл

зэрогъэпэжэ

пэж

пэжу

тIэкIу

шэнт

KIуаш Тамарэ кызэригъэлыагъуэмкIэ, литературэбзэм и кызэрыкIуэ псэлыэкIэм э-р **е**-кIэ зэхуэкIауэ ущрихъэлIэнуш. Псалъэм папщIэ: *бжэн (бжэн), джед (джэд)*. Ауэ апхуэдэ IукIэм литературэбзэм зыщиужыакъым. Хуэбгъэфашэ хьунуш щыпIэбзэм мы кэпсэлыкIэм нэхъ зэрызыщиубгъуар урысыбзэм и хэлIыфIыхьыныгъэм кышауэ.

б) е-м ипIэкIэ э кыщыкIуэ:

ныбжэсIынэ

ныбжэсIэну

в) щыпIэбзэм щапхъэ зыбжанэ ущыхуозэ щыIэн хуей **е**-м ипIэкIэ **а**-р къакуэу:

мээд.

дунай

табэ

хъуырай

лит.

дуней

тебэ

хъурей

г) а-м ипIэкIэ е кыщыкIуэ:

мээд.

енэ

лит.

анэ

д) **ей**-м ипIэкIэ **е** кыщыкIуэ:

мээд.

адрехIэри

ауэ фи дечIи?

лит.

адрейхэри

абы хуэдэ фи дейчи?

кыуыидесь
хуежъась

кыудейиц
хуейжъаиц

е) кІэщІу шытын хуей макъзешэхэм я пІэкІэ макъзешэ кІыхъ кышыкІуэ:

мэзд.
аадэ
арІээ
дынэсаа
сыт тицІэн?
хыфІээдзаа

лит.
адэ
аракъэ?
дынэса
сыт тицІэн?
хыфІээдыдза

Языныкыуэхэм деж макъзешэр зэпыша хъуныр къешэ макъзешэхэм я зэгуэувэныгъэм. Псалъэм папщІэ:

мэзд.
абыиидее
адрехІэми
иитІанэ
иууыжъкІэ
йыльэсицІэм
хуеесъ

лит.
абы и деж / дей
адрейхэми
йытІанэ
йыу[ы]жъкІэ
йыльэсийхэм
хуейиц

Абыхэм къадэкІуэу бзэм кыхощ макъзешэ зэгуэувэныгъэм макъ зэпыша кышцимыгъэхуи. Псалъэм папщІэ:

мэзд.
енэжьым
зилъэс

лит.
и анэжьым
зы йыльэс

КышцинэмыщІауэ бзэм зэзэмызэххэ зэрыхэкІуэдыкІым макъзешэр кІыхъ щищІ: уцрохъэлІэ зэпызыщІэ макъ І-р

мэзд.
жесааиц
йаээми

лит.
жесІаиц
йаІэми

Нэхыбэм я псэлъэкІэм зэпызыщІэ І-р хэтын хуейми кІыхъагъ кышыгунэхуркъым, икІи макъзешэхэри шызэгуэувэркъым. Псалъэм папщІэ,

мэзд.
сыщыаиц

лит.
сыщыІаиц

Мэздэгу адыгэхэм я бзэм э-р псалъэм шыхэкІуэдыкІыу урохъэлІэ:

мэзд.
машыниц

лит.
машынэиц

Бзэм щекІуэкІ хабзэмкІэ литературэбзэ э-р ы-кІэ зэхъуэкІауэ къэхъа шапхъэм *машыныц* гъэпсыкІэр иІэн хуейт. Андрей шапхъэхэм къагъэлъагъуэ сыт шыгъуи апхуэдэу макъыр зэрыхэкІуэдыкІыр. Псалъэм папщІэ:

мэзд.
зэплъ
йы Іэр йырегъэубыд

лит.
зэпыль
йы Іэр йырегъэу[ы]быд

ТегъэщІапІэхэр Список источников

Бербеков 1992 – *Бербеков Б.Ч.* Диалектная лексика кабардинского языка. Нальчик: Эльбрус, 1992. 88 с.

Куашева 1954 – *Куашева Т.Х.* Особенности терских говоров кабардинского языка. Диссер. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1954.

Куашева 1959 – *Куашева Т.Х.* Морфологические особенности терских говоров // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. С. 223–235.

Кумахов 1957 – *Кумахов М.А.* К вопросу о классификации адыгских диалектов // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. Нальчик:, 1957. Вып. 2. С. 111–120.

Очерки... 1969 – *Куашева Т.Х.* Терские говоры // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: Типография им. Революции 1905 г., 1969. С. 119–189.

Таов 2005 – *Таов Х.Т.* Кабардино-черкесская диалектология. Учеб. пособие. Нальчик: КБГУ, 2005. 185 с.

Турчанинов 1946 – *Турчанинов Г.Ф.* Материалы по диалекту моздокских кабардинцев // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик: Кабардинское государственное издательство, 1946. Т. 1. С. 203–231.

References

BERBEKOV B.Ch. *Dialektnaya leksika kabardinskogo yazyka* [Dialectal vocabulary of the Kabardian language]. Nal'chik: El'brus, 1992. 88 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)

KUASHEVA T.Kh. *Osobennosti terskikh govorov kabardinskogo yazyka* [Features of the Terek dialects of the Kabardian language]. Dissert. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 1954. (In Russian and Kabardino-Circassian)

KUASHEVA T.Kh. *Morfologicheskie osobennosti terskikh govorov* [Morphological features of Terek dialects] // Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. S. 223–235. (In Russian and Kabardino-Circassian)

KUMAKHOV M.A. *K voprosu o klassifikatsii adygskich dialektov* [On the issue of classification of Adyghe dialects] // Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta. Nal'chik, 1957. Vyp. 2. S. 111–120. (In Russian and Kabardino-Circassian)

KUASHEVA T.Kh. *Terskie govory* [Terek speak] // Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii. Nal'chik: Tipografiya im. Revolyutsii 1905 g., 1969. S. 119–189. (In Russian and Kabardino-Circassian)

ТАОВ Kh.T. *Kabardino-cherkesskaya dialektologiya* [Kabardino-Circassian dialectology]. Ucheb. posobie. Nal'chik: KBGU, 2005. 185 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)

TURCHANINOV G.F. *Materialy po dialektu mozdokskikh kabardintsev* [Materials on the dialect of Mozdok Kabardians] // Uchenye zapiski Kabardinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. Nal'chik: Kabardinskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1946. Т. 1. S. 203–231. (In Russian)

Авторым теухуауӀ

АфӀзунӀ А.А. – филологие щӀӀныгӀгӀхӀмкӀӀ кандидат, адыгӀбзӀӀ секторым и щӀӀныгӀгӀӀ лӀжӀакӀгуӀ нӀхӀыжӀь.

Информация об авторе

А.А. Афаунова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

A.A. Afaunova – Candidate of Science (Philology), Ricercatore Senior of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 01.03.2024; одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 30.06.2024.

The article was submitted 01.03.2024; approved after reviewing 10.06.2024; accepted for publication 30.06.2024

Научная статья
УДК 8П.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-42-50

АДЫГЭБЗЭМ И ЖЫЛАГЪУЭ-ПОЛИТИКЭ ЛЕКСИКЭР ДЖЫНЫМ ЕХЪЭЛІА ІУЭХУГЪУЭ ЗЭХЭМЫБЗХЭР

Жылэтеж Хьэжысмел Чылэний и къуэ

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шІэныгъэ ІуэхушІапІэ «Урысейм шІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шІэныгъэ центр» Федеральнэ шІэныгъэ центрэм» и филиал, Къэбэрдей-Балъкъэр республикэ, Налшык къалэ, Урысей, hazismel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6040-9524>

© Хь.Ч. Жылэтеж, 2024

Аннотацэ. Бзэм игъуэта зыужыныгъэр, зэрыт шытыкІэр псом япэ нэрылгагъуэ щыхур лексикэраш. Жылагъуэ-политикэ гъащІэм къышчыгъуэ зэхуэжыныгъэхэр абы псынщІэу зэхещэ. Абы къыхэкІыу ди лэжыгъэр теухуащ адыгэбзэм и жылагъуэ-политикэ лексикэ джыным ехъэлІа Іуэхугъуэ зэхэмыбзхэр къэгъэлыгъуэнымрэ ахэр зэфІаха зэрыхуны Іэмалхэмрэ убзыхуным. Ди лэжыгъэм наІуэ зэрышчыуаши, иджырей бзэщІэныгъэм лексикэм и системэ зэхушчытыкІэхэр къыхэгъэкІыным мыхъэнэшхуэ иІэщ. Лексикэ системэ бгъэдыхэкІэкІэ джын зэрыхуеймкІэ мыарэзы къэхутагІуэ щхъэхуэхэр щыІэми, жылагъуэ-политикэ лексикэ зыдж шІэныгъэлІхэм я нэхыбэр абы системэ нэщэнэ зэриІэм арэзы тохуэ. Апхуэдэ бгъэдыхэкІэ адыгэбзэм и лексикэм япэ дыдэ къышчыгъэсэбэпаш Апажэ Мухъэмэд. Къэхутэныгъэхэм къызэрагъэлыгъуамкІэ, адыгэбзэм и псалъэхэр гуп щхъэхуэу зэхохъэ, абыхэм ящыщ дэтхэнэри нэх гуп цыкІуу е гупкъуэжу гуэшыжа мэху. Адыгэбзэм и жылагъуэ-политикэ лексикэ къэхутэнымкІэ Іуэхугъуэ нэхышчыгъуэ щытщ ар зищІысыр гъэбелджылыныр, абы хыхъэ лексикэ-тематикэ гупхэр убзыхуныр. Ди лэжыгъэм наІуэ зэрышчыуаши, адыгэбзэм и лексикэм щекІуэкІ мыхъэнэ Іуэхугъуэхэм щыщу нэхышчыгъуэ шы къыхагъэкІ: мыхъэнэм зиубгъуэныгъэ, мыхъэнэр зэхуэшэныгъэ, нэгъуэщІ мыхъэнэ игъуэтыныгъэ.

Адыгэбзэм и жылагъуэ-политикэ лексикэм зэпымууэ зэхуэж, жылагъуэ-политикэ гъащІэм сытым дежи зэхуэжыныгъэ щекІуэкІым къригІуэу. Абы къыхэкІыу мы Іуэхугъуэр адэкІи къэхутэным мыхъэнэшхуэ иІэу къыдолгытэ.

Зрыгуэзэн псалъэхэр: къэбэрдей-шэрджэсыбзэ, жылагъуэ-политикэ лексикэ, системэ бгъэдыхэкІэ, мыхъэнэ екІуэтэкІ, псалъалъэ

Цитатэ къызэрыхэпхыну: Жылэтеж Хь.Ч. Адыгэбзэм и жылагъуэ-политикэ лексикэ джыным ехъэлІа Іуэхугъуэ зэхэмыбзхэр // Вестник КБИГИ. 2024. № 2 (61). С. 42–50. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-42-50

Original article

THE MAIN PROBLEMS IN THE STUDY OF THE SOCIO-POLITICAL VOCABULARY OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Khazhismel Ch. Zhiletzhev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, hazismel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6040-9524>

© Kh.Ch. Zhiletzhev, 2024

Annotation. The main task of modern linguistics is a comprehensive study of vocabulary. There is no doubt that all changes in the socio-political life of society are directly reflected primarily in the vocabulary of the language. The purpose of the study is to analyze the main problems that arise when studying the socio-political vocabulary of the Kabardino-Circassian language. The research topic is relevant because socio-political vocabulary is the most in demand in the modern world. The scientific novelty of this study lies in the comprehensive coverage of the main problems that arise in the study of the socio-political vocabulary of the Kabardino-Circassian language. The study found that the main problems in the study of socio-political vocabulary are consistency (systematic description, systematic approach), semantic processes (expansion, narrowing and reinterpretation of the meanings of words), depoliticization and metaphorization of socio-political lexemes. The work uses a variety of methods and techniques of linguistic research of the material, in particular, the method of complex functional analysis of linguistic material, the structural and semantic method, methods of observation, description.

The author concludes that semantic changes in the meanings of words play a significant role in the enrichment and development of the socio-political vocabulary of the Kabardino-Circassian language. The article summarizes new material on the topic under study, introduces new scientific terms into scientific circulation.

Keywords: Kabardino-Circassian language, socio-political vocabulary, systematic approach, semantic shift, dictionary

For citation: Zhiletzhev H.Ch. The main problems in the study of the socio-political vocabulary of the Kabardino-Circassian language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 2 (61): 42–50. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-42-50

Научная статья

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Хажисмель Чиляниевич Жилетежев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, hazismel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6040-9524>

© Х.Ч. Жилетежев, 2024

Аннотация. Основной задачей современной лингвистики является всестороннее изучение лексики. Не вызывает сомнения, что все изменения в общественно-политической жизни общества напрямую отражаются прежде всего в словарном составе языка. Цель исследования – анализ основных проблем, которые возникают при изучении общественно-политической лексики кабардино-черкесского языка. Тема исследования является актуальной, поскольку общественно-политическая лексика – самая востребованная в современном мире. Научная новизна данного исследования заключается во всестороннем освещении основных проблем, появляющихся при изучении общественно-политической лексики кабардино-черкесского языка. В ходе исследования установлено, что основными проблемами при изучении общественно-политической лексики являются системность (системное описание, системный подход), семантические процессы (расширение, сужение и переосмысление значений слов), деполитизация и метафоризация общественно-политических лексем. В работе использованы разнообразные методы и приемы лингвистического исследования материала, в частности, метод комплексного функционального анализа языкового материала, структурно-семантический метод, приемы наблюдения, описания.

Автор приходит к выводу, что в обогащении и развитии общественно-политической лексики кабардино-черкесского языка значительную роль играют семантические изменения значений слов. В статье обобщен новый материал по исследуемой теме, вводятся в научный оборот новые научные термины.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, общественно-политическая лексика, системный подход, семантический сдвиг, словарь.

Для цитирования: Жилетежев Х.Ч. Основные проблемы в изучении общественно-политической лексики кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2024. № 2 (61). С. 42–50. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-42-50

Иджырей бзэщІэныгъэм и къалэн нэхъыщхъэ дыдэхэм ящыщ лексикэр лъэныкъуэ псомкІи джыныр. Шэч хэлъкъым, бзэм и зыужыныгъэр япэ дыдэу зэпхар лексикэрауэ зэрыщытым, сыт щхъэкІэ жыпІэмэ абы нэхъ зыхещІэ жылагъуэ-политикэ гъащІэм къыщыхъу зэхъуэкІыныгъэхэр. Абы къыхэкІыу лексикэм и Іыхъэ къэс къызэрыунэхур, зэрызэфІэувэр, зэрызиужыр, къыщагъэсэбпыр къэхутэныр иджырей лексикэджым и къалэн нэхъыщхъэ дыдэщ. Иджыпсту бзэр зэрыт зыужыныгъэм, нэрылгагъу материал куэдэ зэхуэхъэса щыхъуам, лексикэм и системэ зэхушытыкІэхэр къыхэгъэкІыным и мыхъэнэр инщ. БзэщІэныгъэлІхэм я нэхъыбэр мыбыкІэ зэакъылыгъуш: бзэр – ар ауэ сытми къэхъа псалъэ, морфемэ гупкъым, атІэ зэкІэлъыхъа системэщ (алыджыбзэкІэ *systema* – псо, Іыхъэхэм къагъэхъуа). Апхуэдэ гупсысэм и зэхэублакІуэу ябж бзэщІэныгъэ теорием и классик В. фон Гумбольдт. Абы къылыгъэрт «бзэкІэ дыздэжэу зэхэзэрыхъуэ къакІуэ псалъэхэмрэ бзэ хабзэхэмрэ тэмэм щІын хуейуэ» [Гумбольдт 2000: 70]. Ауэ бзэм системэ бгъэдыхъэкІэ хуалэ щыхъуар ХІХ лІэщІыгъуэращ. БзэщІэныгъэм системэ Іэмалым и лъабжэр щызыгъэтІылауэ ябжыр швейцар бзэщІэныгъэлІ Ф. Де Соссюрщ. Абы етх: «Бзэр ар системэщ, абы и Іыхъэхэм псо къагъэхъу, зы Іыхъэм и мыхъэнэр епхаш адрейхэр зэрыщІэм» [Де Соссюр 1933: 114].

Хэку бзэщІэныгъэм системэ бгъэдыхъэкІэр къыщаштащ икІи зыщрагъэужыащ щІэныгъэлІ куэдым (Покровский М.М., Сорокин Ю.С., Супрун А.Е., Караулов Ю.А., Уфимцев А.А., нэгъуэщІхэми). КъэхутагІуэ зыбжанэм къызэралыгъэмкІэ, ЖПЛ системэр нэрылгагъу мэхъу ар лексикэ-тематикэ лІэужыгъуэу, псалъэ гуп зыбжанэу зэрыгуэшамкІэ. Абыхэм я зэхэлъыныгъэмрэ зэуІуныгъэмрэ системэ нэщэнэ хэлъщ. Иджырей бзэщІэныгъэм системэр зэригъэбелджылыр мыпхуэдэуш: «Къызэгъэпэщауэ, зэуІуу щыт псо, зэхэлъыкІэ иІэу, икІи мурад пыухыкІа гуэрхэр къэхуэлэн папщІэ, а зэхэлъыкІэр купщІэм къыщыгъэлъэгъуауэ» [Общее языкознание 1972: 30]. Мы лъэхъэнэм лексикэм ехъэллауэ къагъэсэбп системэ бгъэдыхъэкІэр нэхъыщхъэу (зэрыгуэзэнэу) щытми, апхуэдэ еплъыкІэмкІэ мыарэзы къэхутагІуэ щхъэхуэхэри щыІэщ (Жирмунский В.М., Матезиус В., Ельмслев Л.Т., Алексеев А.А., н.). Къапщтэмэ, Алексеев А.А. къызэралыгъэмкІэ, «ЖПЛ-р бзэщІыб щытыкІэхэм быдэу зэрехам къыхэкІыу бзэм и губгъуэхэм хиубыдэркъым икІи системэ къыгъэхуркъым, системэм и Іыхъэ гуэрхэр абы хэлплагъуэми» [Алексеев 1972: 4]. Ауэ, ищхъэмкІэ зэрыщыжытІащи, ЖПЛ-р зыдж щІэныгъэлІхэм я нэхъыбэр абы системэ нэщэнэ зэриІэм арэзы тохъуэ. Къэлыгъэн хуейщ хэку, нэгъуэщІ къэрал къэхутагІуэхэм лексикэджым, семасиологием, псалъэтхым (лексикографием) теухуауэ яІэ ехуэлэныгъэхэр лексикэм и къызэгъэпэщыныгъэм системэ нэщэнэ зэриІэм щыхъэт зэрытехуэр.

Адыгэбзэм и лексикэм системэ бгъэдыхъэкІэу япэ дыдэ Апажэ Мухъэмэд и лэжыгъэхэм щытепсэлъыхъащ [Апажэв 1992; 2000]. Пэжщ, нэхъапэкІи абы и Іыхъэ гуэрхэм теухуа ІуэхуеплъыкІэхэм Н.Ф. Яковлевымрэ [Яковлев 1948] Шагъыр Іэминрэ [Шагириов 1962; 1989] я лэжыгъэхэм уащрохъэлІэ, ауэ системэ псом нэсар Апажэрщ.

Сыт хуэдэ бзэми и псалъэхэр гуп щхъэхуэу зэхохъэ, абыхэм ящыщ дэтхэнэри нэхъ гуп щыкІуу е гупкъуэжу гуэшыжа мэхъу. Апажэм адыгэбзэм системэ ину плІы къыхегъэкІ – лексикэ-грамматикэ, лексикэ-стиль, лексикэ-тематикэ, лексикэ-мыхъэнэ [Апажэв 2000: 45]. Адыгэбзэм и лексикэ-тематикэ системэр Апажэм тематикэ гупи 111-у егуэщ, жылагъуэ-политикэ лексикэм (адэкІэ гъэкІэщІауэ ЖПЛ) абыхэм увыпІэшхуэ щеубыд.

Тематикэ гуэшыныгъэр системэу зэрыщытыр нэрылгагъу ещІ мы зы гупу зэхыхъэ псалъэхэм къагъэлъагъуэ предметхэм я зэщхыныгъэкІэ, ахэр къызэрагъэсэбпымкІэ, къалэнкІэ зэхуэдэныгъэ зэралэмкІэ. Ауэ мыпхуэдэ гуэшыныгъэм сытым дежи зэкІэлъыкІуэныгъэм тета хъуркъым. Апхуэдэ ныкъусаныгъэ щыІэщ ЖПЛ-м – мыр зэраугуэщ тематикэ гупхэм я бжыгъэр 3-м къыщыщІэдзауэ 10-м нос е щІегъу. Ар зэлъытар ЖПЛ-р шагъэбелджылыкІэ

бзэм и къэхутакъуэхэм ялэ бгъэдыхьэкъэращ (цъиуэ, уасэгъуэв-зыхэщлэ, къалэн-стиль, концептуальнэ). Мыбдежым щыщлэныгъэ нэхьыщхьэу щытыр къэдгъэлъэгъуа бгъэдыхьэкъэхэм языр къызэрыхьахырщ, апхуэдэм деж ар лъэныкъуабэу къэгъэлъэгъуа мэхъури. ЖПЛ-р къыщупщытэкъэ Гуэхум къыхэлъытапхьэщ лексикэм хыхьэ псалъэ гупхэр я мыхьэнэкъэ, концептуальнэ къызэгъэпэщыныгъэкъэ гугъуу зэрыщытым къыхэкъэ, зы бгъэдыхьэкъэкъэ арэзы укыищлэ ахэр къэгъэлъэгъуа зэрымыхур.

Адыгэбзэм и жылагъуэ-политикэ флэщыгъэцлэхэр системэу къэхутэным тхыдэ-лексикологие мыхьэнэ къудейкъым илэр, атлэ бзэщэнхабзэдэж мыхьэнэи илэщ. Абы къыщыгъэлъэгъуащ лъэпкъым и гупсысэмрэ щэнхабзэмрэ, жылагъуэм щылэ псэуныгъэ, политикэ, экономикэ зэхушытыкълэхэр, нэгъуэщлэ лъэпкъхэм хуалэ бзэ, щэнхабзэ зэпыщлэныгъэхэр.

Зэрынэрылгагъуащи, бзэм и лексикэ системэм жыджэру, псынщлэу зыхэщлэ жылагъуэм къыщыхьэу зэхуэкъыныгъэхэр. А системэм и къуэцъым илъэсищэ бжыгъэкъэ зызымыхьуэж системэкъуэжхэм уащрохьэллэ (псалъэм папщлэ, цыху лэпкълэпкъым, благъагъэм, щыгуэпсым, н.къ. ехьэллэ псалъэхэр). Ауэ щылэщ, ЖПЛ-м хуэдэу, махуэ къэс зызыхьуэж системэкъуэж, псом хуэмыдэу къэралым и жылагъуэ-политикэ гъащлэм егъэляуэ зэхуэкъыныгъэ щыщылэм деж. Апхуэдэ къэхуэкъащлэ инхэр ди къэралым къыщыхьуащ 1917 гъэм, 1941–1945 гъгъ., XX лл. и кълэуххэм. Бзэм и ЖПЛ-р къэхутэн зэрыхуейр а лъэхьэнэхэм я закъуэкъыным. Бзэщлэныгъэ къэпщытэныгъэ егъэкъуэкъын хуейщ революцэм и пэкъэ къыдэкъа урыс-адыгэ псалъалъэ закъуэтакъуэхэм ехьэллауэ, сыт щхьэкъэ жыплэмэ абыхэм мыхьэнэшхуэ ялэщи.

ЖПЛ-р къэхутэнымкъэ Гуэхугъуэ нэхьыщхьэу щытщ ар гъэбелджылыныр, а гурыгуэгъуэр зищлысыр, хыхьэ лексикэ-тематикэ гупхэр убзыхуныр. Нэхь мыхьэнэ мащлэ илэкъым лексикэ мыхьэнэм ехьэллэ Гуэхугъуэхэм: мыхьэнэ екълэутэкъэ, куэдыгъэ, лексикэ зэпхыгъэщлэ, н.къ. Абыхэм дэщлыгъуу адыгэбзэм иджырей жылагъуэ-политикэ псалъалъэ зэрымилэмрэ пэжырытхэм илэ ныкъусаныгъэхэмрэ къашащ жылагъуэ-политикэ псалъэхэм ягъуэта тхыкълэ, къэгъэсэбэпыкълэ зэхуэмыдэхэр. Апхуэдэ щытыкълэм адыгэ литературэбзэр елъахьэ, абы къыхэкъыу а ныкъусаныгъэр гъэзэкълэужын хуейщ.

ЖПЛ-м и зэфлэувэныгъэмрэ зыужыныгъэмрэ быдэу епхаш жылагъуэ, социальнэ зыужыныгъэр къэзыгъэлъагъуэ, псэуныгъэм ехьэллэ гурыгуэгъуэхэмрэ дунейеплбыкълэхэмрэ. Абы къыхэкъыу, бзэм ехьэллэ апхуэдэ Гуэхугъуэхэр къыщахутэкълэ, къэдгъэлъэгъуа щытыкълэхэр къэлыгъэн хуейщ. Ар хэхауэ нэрылгагъу мэхьэ мыхьэнэ екълэуэкълэхэм бзэщлэныгъэ, бзэщлыб нэщэнэ зэрахэлъымкълэ: мыхьэнэ зэхуэкъыныгъэхэр къохьэ щэнхабзэ, тхыдэ, жылагъуэ-политикэ Гуэхугъуэхэм я флыгъэкълэ. Адыгэбзэм жылагъуэ-политикэ псалъэ куэд къыщыхьуащ егуанэрей цлэхуэгъакълэм и флыгъэкълэ, езы бзэм и псалъэм е псалъэ къыхыхьам нэгъуэщлэ мыхьэнэ зэригъуэтым къыхэкълэу. Апхуэдэ мыхьэнэ зэхуэкъыныгъэхэм бзэр нэхь къулей ящлэ.

Адыгэбзэм щекълэуэкълэ мыхьэнэ Гуэхугъуэхэр урысыбзэм щекълэуэкълэхэм хуэдэщ. Абыхэм щыщэ нэхьыщхьэу щы къыхагъэкълэ: мыхьэнэм зиубгъуныгъэ, мыхьэнэр зэхуэшэныгъэ, нэгъуэщлэ мыхьэнэ игъуэтыныгъэ. Бзэр щыхьэт зэрытехьуэмкълэ, адыгэбзэм и псалъэхэм я мыхьэнэм заубгъунымкълэ, нэхь къулей хьунымкълэ мыхьэнэшхуэ ягъэзащлэ урысыбзэ псалъэ къыхыхьахэмрэ езы урысыбзэмрэ зэрыщыту. Ар щыболъагъу иныкъуэ псалъэхэм я мыхьэнэбагъэм зэрызиужам. Къапщтэмэ, Лопатинский Л.Г. къызэрилъытэмкълэ, *унафэ* псалъэр XIX ллэщлыгъуэмэ мыхьэнэбэу щытащ – *указ, приказ (приказание), распоряжение, повеление, предписание* [Лопатинский 1890: 128, 130, 144, 173]. Урысыбзэм и флыгъэкълэ *унафэ* псалъэм иджырей адыгэбзэм нэгъуэщлэ мыхьэнэхэри щигъуэтащ: *постановление, решение, руководство, указание*. Адыгэбзэм и лексикэм увыплэщхуэ щаубыд хьэрыпыбзэм, ираныбзэм, тыркубзэм къыхэкълэ псалъэхэм.

Ахэр адыгэбзэм кыыхыащ лээхэнэ зэхуэмдэхэмрэ гьуэгу зэхуэмдэхэмкIэ, ауэ апхуэдэу щыщытар революцэм и пэкIэщ. Апхуэдэ псалгэ кыыхыахэм я кьежапIэ мыхьэнэр адыгэбзэм ящыфIэкуэдауэ ущрихьэлIэ щыIэщ. Кьапщтэмэ, *кьалэн* псалгэм тыркубзэм «кьуэды, пщIэ» мыхьэнэ щыIэщ. Адыгэбзэм *кьалэн* псалгэм апхуэдэ мыхьэнэхэр цигьуэтакьым. XIX лI. и кIэм Лопатинскэм *кьалэн* псалгэм зы мыхьэнэщ иIэу кьиггэлыгагьуэр – «повинность» [Лопатинский 1890: 115]. А мыхьэнэ дьдэр аращ 1927 гьэм кьыдэкIа Хьуран Батий и псалгальгэми кьыщыхьыр [Хуранов 1927: 54]. Урысыбзэм и фIыггэкIэ XX лI. икухэм *кьалэн* псалгэм и мыхьэнэм зеубгьу. Иджырей адыгэбзэм *кьалэн* псалгэм мыхьэнэ зыбжанэ щыIэщ: *повинность, обязательство, долг (обязанность), задача, роль (функция, обязанность), миссия (задание, поручение)* [БРКЧС 2018: 694, 582, 285, 318, 843, 1004, 582, 510, 318, 745]. Гу лыгтэн хуейщ Лопатинскэмрэ Хьуранымрэ я псалгальгэхэм иджырей мыхьэнэ куэд зиIэ *кьалэн* фIэщыггэцIэм и мыхьэнэ гуэрхэр кьэзыггэлыгагьуэ псалгэхэм узэрыщрихьэлIэм. Лопатинскэм «долг (обязанность)» гурыIуэгьуэр хьэрыпыбзэм щыщ *фарз* дин псалгэмкIэ зэредзэкI [Лопатинский 1890: 77], Хьуран Батий «обязанность», «обязательство» псалгэхэр тыркубзэм кыыхэкIа *борш, борш хуэхьуа* псалгэхэмкIэ кьеггэлыгагьуэ [Хуранов 1927: 48]. Ауэ мы фIэщыггэцIэхэр я мыхьэнэкIэ *кьалэн* жылагьуэ-политикэ псалгэм пэхуфакьым икIи кьамыггэсэбэпыж хьуащ. Зэзэмызэ мы псалгэхэм диным ехьэлIа Iуэхугьуэхэм уащрохьэлIэ.

XX лIэщыгьуэм и 20-30 гьэхэм гьащIэм кьыщыхьу IуэхугьуэщIэхэр кьраггэлыгьуэн папщIэ, революцэм и пэкIэ диным ехьэлIауэ кьаггэсэбэпу щыта псалгэхэм нэгьуэщI мыхьэнэ щраггэгьуэта урохьэлIэ. Псалгэм папщIэ: *Июль хьидыр зэрзырахьэнумкIэ унафэ ящIащ* (Кьэрэхьэлькь); *Ар зэрыхьунур Iуэху щIэлIэшхуэм хуэфащэ Iэмыр ищIыныц гьэвэщIэр кьэкуэхуэцIэ пIалгэ хуащIыныхуэ* (Кьэрэхьэлькь). Зэрынэрылыгагьуши, мы шапхьэ кьэтхьахэм хэт *хьид, Iэмыр* псалгэхэм дин мыхьэнэ кьаггэлыгагьуэркьым: *хьид* – махуэшхуэ, *Iэмыр* – унафэ. Диным ехьэлIа *хьид* псалгэм кьеггэлыгагьуэ нэщI икIыжа нэужькIэ, кьурмэным щыгьуэ яггэлыапIэу, яггэмахуэшхуэ махуищ. «Махуэшхуэ» мыхьэнэ иIэу *хьид* псалгэр адыгэбзэм кьыщтакьым. Абы и пIэкIэ бзэм щыуващ урысыбзэм кыыхэкIа «праздник» псалгэмрэ езы бзэм ей «махуэшхуэ» псалгэмрэ. Иджырей адыгэбзэм «хьид» псалгэр зэрыхэтыр дин мыхьэнэ иIэуш. «Унафэ» мыхьэнэ кьиггэлыгагьуэу бзэм кьыщаггэсэбэпу щIадза «Iэмыр» псалгэри мыгьуэу хэкIыжащ. Иджырей адыгэбзэм мы псалгэр дин мыхьэнэ зиIэ зэпIэзэрыт зэпхыггэхэм хэтү кьыщаггэсэбэп: *Алыхь Iэмыр, Алыхьым и IэмыркIэ*.

Араши, 1923 гьэм лэпкь тхыггэр зэфIэува нэужькIэ, гьащIэм кьыщыхьу зэхуэ-кIыныггэцIэхэр кьраггэлыгьуэн папщIэ, пасэу бзэм кыыхыа нэгьуэщыбзэ псалгэхэм мыхьэнэщIэ ираггэгьуэту щIадзэ. Апхуэдэу, хьэрыпыбзэм щыщу адыгэбзэм кыыхыа *уэкыл (уэкьыл)* «адвокат» псалгэм мыхьэнэщIэ егьуэт: «делегат», «представитель». Псалгэм папщIэ, «Кьэрэхьэлькь» газетым дыщрохьэлIэ: *ЗэIуцIэм уэкыл 2216 кьэкуэлIащ; А кIэнфиренцым Iынд, Тырку, Мэгьриб хэкухэм йа уэкьылхэр щыIэнууш*. Ауэ *уэкыл (уэкьыл)* псалгэм «делегат», «представитель» мыхьэнэ иIэу бзэм кьыщтакьым. 1951 гьэм кьыдэкIа «Урыс-кьэбэрдей политикэ-терминологическэ псалгальгэм» мыпхуэдэ итщ: адвокат – *уэчыл*, делегат – *делегат*, представитель – *лыкIуэ* [Герандоков и др. 1951: 7, 28, 84]. Иджырей адыгэбзэм *уэчыл* псалгэм мыхьэнищ кьыщеггэлыгагьуэ – «адвокат», «щыхьэт», «кьыщхьэщыжакIуэ». Урысыбзэм и фIыггэкIэ *лыкIуэ* псалгэр иджырей адыгэбзэм мыхьэнэбэ щыхьуащ икIи абыкIэ кьаггэлыгагьуэ *делегат, делегация, посредник, посол, представитель, посланник, уполномоченный* фIэщыггэцIэхэр [Большой русско-кабардино-черкесский словарь 2021: 204, 562, 562, 569, 562, 736]. Кьэггэлыгьуапхьэхэм ящыщ иджырей адыгэбзэм *лыкIуэ* псалгэмрэ *делегат* псалгэмрэ кьызэдекIуэкIыу кьызэрышаггэсэбэпыр.

Мыхьэнэ екӀуэтэкӀ егъуэт адыгэбзэм хэт *тхьэмадэ* псалъэм. Гуэрыгуатэм мы псалъэр «нэхьыжь», «паш» мыхьэнэ иӀэу хэтщ. Нэгумэ Шорэ и псалъальэм *тхьэмадэ* псалъэр «господин» псалъэмкӀэ зэридзэкӀащ [Ногмов 1956: 203], ауэ ар тэмэмкыым. Лопатинскэмрэ Хьуранымрэ я псалъальгэхэм мы псалъэм и мыхьэнэр зэщхьу щызэдзэкӀащ: глава (семейства) – *тхьэмадэ, я (и) цхьэр* [Лопатинский 1890: 31], [Хуранов 1927: 18]. Колхозхэмрэ совхозхэмрэ кыщыунэхуа зэманым щыщӀэдзауэ *тхьэмадэ* псалъэм «председатель» мыхьэнэ егъуэт: *колхоз тхьэмадэ, колхоз председатель: Военнэр колхоз тхьэмадэм еплъащ, плъагъуркьэ хьыджэбзым «зызэрищӀыр», жиӀэ хуэдэ* [Кыщокъуэ 1985: 269]. XX лӀэщыгъуэм и 70 гъэхэм «председатель» мыхьэнэ зиӀэ *тхьэмадэ* псалъэм «председатель» фӀэщыгъэцӀэр «текӀуэу» щӀидзащ, ахэр кыздэкӀуэкӀыу бзэм хэтми. Иджырей адыгэбзэм щекӀуэкӀыр зэпрыгъэза Гуэхугъуэщ. *Тхьэмадэ* псалъэм «председатель» мыхьэнэр кыигъэлыгъуэ кьудейкыым, атӀэ мыхьэнэ зыбжанэ егъуэт – «президент», «унафэщӀ», «Ӏэтащхьэ». Псалъэм папщӀэ: *ЗӀуцӀэр ирегъэкӀуэкӀ ДАХ-м и тхьэмадэ Сэхурокъуэ Хьэутий* (Адыгэ псалъэ); *Хьыджэбзым и адэм-анэм уемыуицӀу операцэ пицӀыныр кьезэгъыркыым, абы нэмыщӀыжуи, и адэр район тхьэмадэу цытеткӀэ, кьайгъэ кьригъэкӀынкӀэ мэхьур* [Кыщокъуэ 2006: 13].

Мыхьэнэ екӀуэтэкӀ егъуэт езы бзэм ей *Ӏэтащхьэ* (*Ӏэтэ + цхьэ*) псалъэми. Яковлев Н.Ф. кызэрилгытэмкӀэ, XX лӀэщыгъуэм и 20-30 гъэхэм *цхьэ* («голова») псалъэр мыхьэнэбэ мэхьу. Абы игъуэта мыхьэнэхэм щыщу зыбжанэм жылагъуэ-политикэ гурыгуэгуэ кьагъэлыгъуэ: «глава (семьи, дома) – *я цхьэ (унагъуэм, унэм)*; влиятельный руководитель (селения) – *пицӀэ зыхуацӀ, я цхьэ (кьуажэм)*; старшина, председатель сельсовета – *я цхьэ (кьуажэм, сельсоветым)*; предводитель войска – *дзэм я цхьэ*; авторитетный влиятельный (человек) – *я цхьэ, пицӀэ зиӀэ (цӀыху)*» [Яковлев 1927: 34]. Абы и щыхьэту мыпхуэдэ щапхьэ кьэхь: *Кьуажэм цхьэ яӀэкъым* [Яковлев 1927: 35]. Ауэ апхуэдэ кьэгъэсэбэпыкӀэр бзэм кыищтакыым. Абы кыдэкӀуэуи кьэгъэлыгъуэн хуейщ адыгэбзэм и жылагъуэ-политикэ лексикэм *цхьэ* псалъэр хэту псалъитӀ жьджэру кызырэщыгъэсэбэпым: *лбыцхьэ, Ӏэтащхьэ*. Абыхэм мыхьэнэ пыухыкӀа кьагъэлыгъуэ – «главный; власть, начальство». Мы мыхьэнэхэр ищхьэкӀа кыщыкыа щапхьэм хэт *цхьэ-м* кыыбгъэдокӀ.

Езы бзэм и ӀэмалхэмкӀэ кьэхьуа *Ӏэтащхьэ* псалъэм япэ дыдэу дыщрохьэлӀэ 1951 гъэм кыдэкӀа «Урыс-кьэбэрдей политикэ-терминологическэ псалъальэм»: глава правительствэ – *правительствэм и Ӏэтащхьэ* [Герандоков и др. 1951: 24]. Адыгэбзэм *Ӏэтащхьэ* фӀэщыгъэцӀэм нэгъуэщӀ мыхьэнэи щийэщ, ауэ гурымыкы плыфэ кыигъэлыгъуэу: «главарь – *Ӏэтащхьэ*; главарь шайки – *цӀлӀхьэдджацӀэ гупым я Ӏэтащхьэ*» [Карданов, Бичоев 1955: 228]. Урысыбзэм и фӀыгъэкӀэ *Ӏэтащхьэ* псалъэм и мыхьэнэм иджырей адыгэбзэм зыщиубгъуащ икӀи мыпхуэдэ мыхьэнэхэр кыигъэлыгъуэу щытщ: *президент, глава, председатель, руководитель, лидер*. Мы кьедбжэкӀа мыхьэнэхэр кьрагъэлыгъуэу *Ӏэтащхьэ* нэмыщӀ адыгэбзэм хэтщ езы бзэм ей нэгъуэщӀ псалъэхэри: *лбыцхьэ, унафэщӀ*. Псалъэм папщӀэ: *УФ-мрэ США-мрэ я Ӏэтащхьэхэр я закъуэу зэпсэлъащ* (Адыгэ псалъэ); *Сыхьэти 4-кӀэ зэпсэлъа иужькӀэ сьткӀэ лбыцхьэхэр зэрызэгурыгуэфар?* (Адыгэ псалъэ); *Иджы белджылы хьуакӀэцӀ Урысеймрэ США-мрэ я унафэщӀхэм кьэралитӀым я зэхуцытыкӀэр гьэтэмэмыным хуэунэтӀауэ япэ лъэбакъуэр зэрачар* (Адыгэ псалъэ).

2011 гъэм и фокӀадэ мазэм «КьБР-м и президент» кьулыкьур «КьБР-м и глава» кьулыкьуу зэрызэрадзэкӀам кыыхэкӀыу *Ӏэтащхьэ* псалъэр «глава» мыхьэнэ иӀэу кьагъэсэбэп хьуащ: *Республикэм и Ӏэтащхьэ, районым и Ӏэтащхьэ, кьуажэм и Ӏэтащхьэ*. Псалъэм папщӀэ: *Республикэм и Ӏэтащхьэр КьБР-м и Правительствэм и Унэм цахуэзащ район зэмылӀэужьыгъуэхэм кыкӀыу зи цхьэ ГуэхукӀэ кьекӀуэлӀахэм* (Адыгэ псалъэ). Кьэплгытэ хьунуц *Ӏэтащхьэ* фӀэщыгъэцӀэр жылагъуэ-политикэ Гуэхугъуэхэм жьджэру кызырэыхыкыам и фӀыгъэкӀэ, а псалъэм гурымыкы плыфэ имыӀэж хьуауэ. Апхуэдэ зэхьуэкӀыныгъэхэр, псалъэхэм я мыхьэнэхэм заубгъурэ политикэм гуэх имыӀэу епха хьуауэ, псалъэ куэдым кыщохьухэр: *и пӀэ иуджыхьыныгъэ, зэхьуэкӀыныгъэ, раунд (Ӏыхьэ), санкцэ (текъузэныгъэ)*.

Иужьрей ильэсипшІхэм адыгэбзэм хэт псалъэ куэдым яхэлъ идеологии мыхьэнэр яфІэкІуэд хьуаш. ХьыбарегъащІэ ІнатІэхэм я бзэм узыщримыхьэлІу шыта жылагъуэ-политикэ лексикэм шыщ псалъэ куэдым иджыпсту нэгъуэщІ плыфэ ягъуэт хьуаш. Апхуэдэхэщ, псалъэм папщІэ, *бизнес, хьэрычэт; бизнесмен, хьэрычэтыщІэ; конкуренцэ, зэныкъуэкъуныгъэ; цхьэзакъуэ, и цхьэм хуэлэжъэж; цхьэзакъуэ мылькы; партыбэ (парт зыбжанэ, куэд зилэ); оппозицэ, ныкъуэкъуэгъу; полицей; плюрализм; диссидент*, н.кь. Къапщтэмэ, иджыпсту нейтрал хьуа, иджырей гъащІэр къэзыгъэлыагъуэ «предприниматель» псалъэр ХХ лІэщІыгъуэм и 60–70 гъэхэм къыдэкІа псалъалъэхэм зэрихуар гурымыхь плыфэ къыгъэлыагъуэуш (капиталист, буржуа гъащІэм епха псалъэуш): предприниматель – *предприниматель (предприятиер зей капиталист)* [Карданов, Бичоев 1955: 608]. Иджырей псалъалъэхэм а псалъэр плыфэншэу къыщыхьащ: предприниматель – *хьэрычэтыщІэ, жэрдэмщІагъуэ* [Большой русско-кабардино-черкесский словарь 2021: 569].

Аращи, псалъэхэм ягъуэт мыхьэнэ зыхьуэжыныгъэхэм я фІыгъэкІэ адыгэбзэм и жылагъуэ-политикэ лексикэр нэхъ къулей хьуаш, абы нэхъ зиужьащ. Апхуэдэ лексикэ-мыхьэнэ екІуэтгкІыныгъэхэр езы бзэм и псалъэхэми нэгъуэщІыбзэм шыщу къиштахэми щокІуэкІ. Апхуэдэ екІуэкІыкІэхэр къэхуныр гуэх имыІэу епхаш жылагъуэм къыщыхьу жылагъуэ-политикэ зэхьуэкІыныгъэхэм. Мыхьэнэ зыхьуэжыныгъэхэр тхыдэм ехьэллауэ джын хуейщ. Абыхэм нэщэнэ цхьэхуэу къагъэлыагъуэ бзэр зезыхьэхэм я мылькыкыкІ, гупсысэ, жылагъуэ гъащІэм зэрызиужьа екІуэкІыкІэхэр.

Иджырей адыгэбзэм и ЖПЛ-р зэфІэувэнымкІэ мыхьэнэшхуэ ягъэзашІэ хьыбарегъащІэ ІнатІэхэм, газетхэм, журналхэм, н.кь. Газетхэмрэ журналхэмрэ къэралми дунейми къыщыхьу хьыбархэр щІэджыкІагъуэм деж нахьэс. ГъэщІэгъуэнщ гу лыпштэну: газетхэм я япэ напэкІуэщІхэр жылагъуэ-политикэ хьыбархэм теухуаш. Нэрылыагъуш ЖПЛ-р газетхэмрэ журналхэмрэ я лексикэ купщІэу зэрышытыр. Абы къыхэкІкІэ публицистикэм и бзэр бджымэ, ЖПЛ-м щекІуэкІ Іуэхугъуэ псори абы хэплъагъуэнущ.

ТегъэщІапІэхэр Список источников

Алексеев 1972 – *Алексеев А.А.* Из истории общественно-политической лексики русского языка 18 века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 18 с.

Апажев 1992 – *Апажев М.Л.* Проблемы кабардинской лексики. Нальчик: Эльбрус, 1992. 336 с.

Апажев 2000 – *Апажев М.Л.* Современный кабардино-черкесский язык. Лексикография. Лексикография. Нальчик: Эльбрус, 2000. 408 с.

БРКЧС 2018 – Большой русско-кабардино-черкесский словарь / Составители: Б.Ч. Бижоев, Х.Ч. Жилетежев, Д.М. Кумыкова, Х.Т. Тимижев. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 754 с.

БРКЧС 2021 – Большой русско-кабардино-черкесский словарь / Составители: Б.Ч. Бижоев, Х.Ч. Жилетежев, Д.М. Кумыкова, Х.Т. Тимижев. 2-е издание, доработанное, дополненное. Нальчик: ООО «Фрегат», 2021. 792 с.

Гумбольдт 2000 – *Гумбольдт В.Ф.* Избранные труды по языкознанию. М.: Издат. группа «Прогресс», 2000. 400 с.

Кыщокъуэ 2006 – *Кыщокъуэ А.* Лъапсэ // Тхыгъэхэр томыхым шызэхуэхьэсауэ. Нальчик: Эльбрус, 2006. Т. 5. Н. 3–370. (Кешоков А. Корни. // Собрание сочинений в 6-ти т. Нальчик: Эльбрус, 2006. Т. 5. С. 3–370).

Кыщокъуэ 1985 – *Кыщокъуэ А.* Нал къута // Тхыгъэхэр томиплІым шызэхуэхьэсауэ. Нальчик: Эльбрус, 1985. Т. 3. Н. 207–404. (Кешоков А. Сломанная подкова. // Собрание сочинений в 4-х т. Нальчик: Эльбрус, 1985. Т. 3. С. 207–404).

- Лопатинский 1890 – *Лопатинский Л.Г.* Русско-кабардинский словарь. Тифлис: Упр. Кавк. учеб. окр., 1890. 299 с.
- Ногма 1956 – *Ногма Ш. Б.* Филологические труды. В 2-х т. Нальчик: Кабардинское кн. изд-во, 1956. Т. 1. 308 с.
- Общее языкознание 1972 – Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1972. 565 с.
- РКПТС 1951 – Русско-кабардинский политико-терминологический словарь / Составители: Герандоков У., Ерижоков А., Карданов Б. и др. Нальчик: Кабардинское государственное изд-во, 1951. 113 с.
- РКЧС 1955 – Русско-кабардинско-черкесский словарь / сост. Карданов Б.М., Бичо-ев А.Т. М.: ГИИНС, 1955. 1056 с.
- Де Сосюр 1933 – *Ф. Де Сосюр.* Курс общей лингвистики. М.: СОЦЭКГИЗ, 1933. 273 с.
- Хуранов 1927 – *Хуранов Б. Л.* Русско-кабардинский словарь. М.: Центральное изд-во народов СССР, 1927. 80 с.
- Шагиров 1989 – *Шагиров А. К.* Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М.: Наука, 1989, 191 с.
- Шагиров 1962 – *Шагиров А. К.* Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик: Кабард.-Балк. кн. изд-во, 1962. 212 с.
- Яковлев 1948 – *Яковлев Н. Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л.: Изд-во академии наук СССР, 1948. 372 с.
- Яковлев 1927 – *Яковлев Н. Ф.* Материалы для кабардинского словаря. Словарь одно-сложных коренных слов и корней открытого слога. М.: Комитет по изучению языков и этнических культур восточных народов СССР. 1927. Вып. 1. № 6. ХCVТ + 133 с.

References

- ALEKSEEV A.A. *Iz istorii obshchestvenno-politicheskoi leksiki russkogo yazyka 18 veka* [From the history of the socio-political vocabulary of the Russian language of the 18th century]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk L., 1972. 18 s. (In Russian)
- APAZHEV M.L. *Problemy kabardinskoj leksiki* [Problems of Kabardian vocabulary]. Nal'chik: El'brus, 1992. 336 s. (In Russian)
- APAZHEV M.L. *Sovremennyi kabardino-cherkesskii yazyk. Leksikologiya. Leksikografiya* [Modern Kabardino-Circassian language. Lexicology. Lexicography]. Nal'chik: El'brus, 2000. 408 s. (In Russian)
- Bol'shoi russko-kabardino-cherkesskii slovar'* [The Great Russian-Kabardino-Circassian Dictionary] / Sostaviteli: B.Ch. Bizhoeff, Kh.Ch. Zhiletzhev, D.M. Kumykova, Kh.T. Timizhev. Nal'chik: Red.-izd. otdel IGI KBNTs RAN, 2018. 754 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)
- Bol'shoi russko-kabardino-cherkesskii slovar'* [The Great Russian-Kabardino-Circassian Dictionary] / Sostaviteli: B.Ch. Bizhoeff, Kh.Ch. Zhiletzhev, D.M. Kumykova, Kh.T. Timizhev. 2-e izdanie, dorabotannoe, dopolnennoe. Nal'chik: OOO «Fregat», 2021. 792 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)
- GUMBOL'DT V.F. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. M.: Izdat. gruppa «Progress», 2000. 400 s. (In Russian)
- KIYSHCHOK'UE A. *L'apse* [Roots] // Tkhyg'ekher tomikhym shchyzekhuekh'esau. Nalshyk: El'brus, 2006. T. 5. N. 3–370. (In Kabardino-Circassian)
- KIYSHCHOK'UE A. *Nal k'uta* [The Broken Horseshoe] // Tkhyg'ekher tomiplym shchyzekhuekh'esau. Nalshyk: El'brus, 1985. T. 3. N. 207–404. (In Kabardino-Circassian)
- LOPATINSKII L.G. *Russko-kabardinskii slovar'*. Tiflis: Upr. Kavk. учеб. окр., 1890. 299 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)
- NOGMA SH.B. *Filologicheskie trudy.* V 2-kh t. Nal'chik: Kabardinskoe kn. izd-vo, 1956. T. 1. 308 s. (In Russian)
- Obshchee yazykoznanie. Vnutrennyaya struktura yazyka* / Pod red. B.A. Serebrennikova. M.: Nauka, 1972. 565 s. (In Russian)
- Russko-kabardinskii politiko-terminologicheskii slovar'* / Sostaviteli: Gerandokov U., Erizhokov A., Kardanov B. i dr. Nal'chik: Kabardinskoe gosudarstvennoe izd-vo, 1951. 113 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)
- F. DE SOSSYUR. *Kurs obshchei lingvistiki.* M.: SOTsEKGIZ, 1933. 273 s. (In Russian)
- KHURANOV B.L. *Russko-kabardinskii slovar'*. M.: Tsentral'noe izd-vo narodov SSSR, 1927. 80 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)

SHAGIROV A.K. *Zaimstvovannaya leksika abkhazo-adygskikh yazykov*. M.: Nauka, 1989. 191 s. (In Russian)

SHAGIROV A.K. *Ocherki po sravnitel'noi leksikologii adygskikh yazykov*. Nal'chik: Kabard.-Balk. kn. izd-vo, 1962. 212 s. (In Russian)

YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka*. M.–L.: Izd-vo akademii nauk SSSR, 1948. 372 s. (In Russian)

YAKOVLEV N.F. *Materialy dlya kabardinskogo slovarya. Slovar' odnoslozhnykh korennykh slov i kornei otkrytogo sloga*. M.: Komitet po izucheniyu yazykov i etnicheskikh kul'tur vostochnykh narodov SSSR. 1927. Vyp. 1. № 6. KhSVT + 133 s. (In Russian)

Авторым теухуауэ

Жылэтеж Хь.Ч. – филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат, адыгэбзэ секторым и щІэныгъэ лэжъакІуэ нэхъыжъ.

Информация об авторе

Х.Ч. Жилетежев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Kh.Ch. Zhiletzhev – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of the Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 18.04.2024; одобрена после рецензирования 28.05.2024; принята к публикации 30.06.2024.

The article was submitted 18.04.2024; approved after reviewing 28.05.2024; accepted for publication 30.06.2024.

Научная статья

УДК 821.512.142.0

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-51-56

КАЙСЫН КУЛИЕВ В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ИННЫ КАШЕЖЕВОЙ

Алена Мустафаевна Гузиева (Сарбашева)

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, alenasarb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7457-9823>

© А.М. Гузиева (Сарбашева), 2024

Аннотация. В статье прослеживается история творческой дружбы известного балкарского поэта Кайсына Кулиева (1917–1985) и талантливой кабардинской поэтессы Инны Кашежевой (1944–2000). На основе анализа различных нарративных источников (воспоминания, статьи) определяется роль Кайсына Шуваевича в творческой судьбе Инны Иналовны. В работе рассматриваются стихи-посвящения поэтессы «Памяти Кайсына», «Ты из тех, кто, страшась высот...», «Мне не хватало крыльев...», в которых с присущей для ее творчества поэтической экспрессией создается образ незаурядного художника слова, Учителя, кумира и наставника – Кайсына Кулиева. В результате исследования поэзии Инны Кашежевой также выявляется одна из ключевых тем, которая находит яркое художественное воплощение в ее стихах – *малая родина*, понятие, вбирающее в себя одновременно и родную Кабарду, и светлую «голубую» Балкарию, что характеризует автора как поэта-гуманиста, призывавшего к мирному сосуществованию, духовной консолидации народов. В заключении отмечается значение литературного наследия Кайсына Кулиева и Инны Кашежевой в современных реалиях: стихи классиков служат духовным инструментом восстановления в обществе утерянных моральных принципов и традиционных ценностей, что делает их поэзию особенно востребованной.

Ключевые слова: К. Кулиев, И. Кашежева, поэзия, творческая судьба

Для цитирования: Гузиева (Сарбашева) А.М. Кайсын Кулиев в творческой судьбе Инны Кашежевой // Вестник КБИГИ. 2024. № 2 (61). С. 51–56. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-51-56

Original article

KAISYN KULIEV IN THE CREATIVE FATE OF INNA KASHEZHEVA

Alena M. Guzieva (Sarbasheva)

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, alenasarb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7457-9823>

© А.М. Guzieva (Sarbasheva), 2024

Annotation. The article traces the history of the creative friendship of the famous Balkarian poet Kaisyn Kuliyev (1917–1985) and the talented Kabardian poetess Inna

Kashezheva (1944–2000). Based on the analysis of various narrative sources (memoirs, articles), the role of Kaisyn Shuvaevich in the creative fate of Inna Inalovna is determined. The work examines the dedication poems of the poetess “To the Memory of Kaisyn”, “You are one of those who, fearing heights ...”, “I lacked wings ...”, in which, with the poetic expression inherent in her work, the image of an outstanding word artist, Teacher, idol and mentor – Kaisyn Kuliyeв is created. As a result of the study of Inna Kashezheva’s work, one of the key themes that finds a vivid artistic embodiment in her poems is the small homeland, a concept that simultaneously encompasses both native Kabarda and bright “blue” Balkaria, which characterizes the author as a humanist poet who called for peaceful coexistence and spiritual consolidation of peoples. In conclusion, the importance of the literary heritage of Kaisyn Kuliyeв and Inna Kashezheva in modern realities is noted: The poems of the classics serve as a spiritual tool for restoring lost moral principles and traditional values in society, which makes their poetry especially in demand.

Keywords: K. Kuliyeв, I. Kashezheva, poetry, creative destiny

For citation: Guzиеva (Sarbasheva) A.M. Kaisyn Kuliyeв in the creative fate of Inna Kashezheva. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 2 (61): 51–56. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-51-56

Кайсын Кулиев был в числе тех, кто благословил Инну Кашежеву в путь большой Поэзии. Об этом поэтесса писала в своих воспоминаниях – искренних, пропитанных чувством безмерной благодарности и тепла. В 1973 году на встрече со студентами КБГУ она призналась: «Я делала первые шаги в поэзии через образы родных гор, познав традиции, обычаи кабардинцев и балкарцев, которых глубоко люблю. В этом мне помогли широко известные поэты нашей страны Алим Кешоков и Кайсын Кулиев. Особенно благодарна Кайсыну Шуваевичу. Он первым поддержал меня, дал высокую оценку сборнику “Вольный Аул” и, можно сказать, ввел меня за руку в большую поэзию. Без такой моральной поддержки я не смогла бы стать такой, какая есть сегодня» [Цит. по: Эфендиев 2006: 103].

Предисловие, написанное Кайсыном Кулиевым к первой книге стихов Инны Кашежевой «Вольный аул» [Кашежева 1962], было воспринято поэтессой как «блистательно-незаслуженное», что свидетельствовало о ее природной скромности. Передавая радость встречи с талантом в лице восемнадцатилетней Кашежевой, Кулиев открывает для читателя удивительный мир поэзии, навеянной «родниковой свежестью», «дышащей высотой вершин», которая в первую очередь на самого Кайсына Шуваевича оказала «колдовское воздействие», поразила художественной оригинальностью и национальной самобытностью. «...Когда читал рукопись, мне казалось, будто я вижу, как растет трава или идет ливень над зеленым лесом ущелья», – писал Кулиев, подчеркивая достоверность и эстетическое своеобразие стихов Кашежевой [Кулиев 1963: 7]. В качестве свидетельства «подлинности дарования и настоящего художнического видения мира», «упорных поисков и счастливых находок» Кайсын Кулиев приводит строки Инны Кашежевой, в которых воспеваются горы:

*Горы! Горы! Вас надо любить
Как материнские любят морщины,
Надо так высоко парить,
Чтобы вам целовать вершины* [Кашежева 2014: 17].

Особенно был тронут Кайсын Шуваевич стихотворением «Возьми меня в Балкарию...»:

*Глаза твои не карие,
Глаза твои светлы,
Зовут меня в Балкарию,
Где горы и орлы...*

*Хочу увидеть заново
Края своей мечты,
Хочу дышать нарзановым
Туманом высоты*

*Чтоб снегом руки пахли
Звонкие, как медь,
Хочу вместо папахи
Облако надеть!* [Кашежева 2014: 14].

Позже эти слова были положены на музыку композитором Билялом Каширговым, и таким образом появилась песня, ставшая широко известной и любимой, «символом любви к отчому краю для балкарского народа» [Эфендиев 2006: 110]. Представляется справедливым мнение доктора философских наук, профессора Салиха Ибрагимовича Эфендиева, призывавшего своих соплеменников «сохранить в своей исторической памяти имя И. Кашежевой наравне с другими известными балкарскими поэтами, ушедшими из жизни» [Эфендиев 2006: 110].

Несмотря на то, что Инна Кашежева родилась и выросла в Москве, она тянулась к малой родине, одинаково нежно любила и родную Кабарду, и светлую, «голубую» Балкарию, с сердечной теплотой писала о них в своих стихах, восхищалась природой и земляками, которые были для нее дороги, в которых она видела надежных друзей:

*Если вдруг в снегу утопну я
На дороге в два следа,
Распахнешь ты бурку теплую
И согреешь, Кабарда* [Кашежева 2023: 14].

Или:

*Нечего мне бояться:
Словно щит на мече.
Большая рука балкарца
Лежит на моем плече* [Кашежева 2014: 48].

Инна Кашежева с чувством благодарности особо выделяла Кайсына Шуваевича в числе близких и родных, на кого смело полагалась, по праву называя его своим кумиром и наставником, что она выразила в следующей строфе:

*Мне не хватало крыльев,
Бесстрашия и сил,
Когда Кайсын Кулиев
Летать меня учил* [Кашежева 1977: 9].

В статье «Стихотворец из Чегема», посвященной Кайсыну Кулиеву, И. Кашежева со всей своей творческой и духовной пронизательностью ищет ответ на вопрос: «Что главное в жизни и поэзии Кайсына Кулиева?». В ее понимании, в жизни и творчестве балкарского классика в приоритете были «два высших принципа, являющие истину: удивление и правдивость» [Кашежева 1987: 90]. Подтвержденные сказанному Инна Иналовна находит в самих же кулиевских строках:

*Обычным удивляются явлениям
Ученые, художники, поэты ...*

Или:

*В начале было слово,
Но слово правды, а не лжи.*

В приведенных поэтических отрывках усматриваются, как пишет Инна Кашежева, «не индивидуальные черты творчества Кулиева, это обобщенный глубокий анализ долга современного поэта, его обязательств перед обществом, преломленный через призму личной ответственности, воспринятой им так: «Я вам не лгал, а кто не лжет, тот петь имеет право» [Кашежева 1987: 90].

В статье Инна Кашежева делится яркими воспоминаниями о встречах с Кайсыном Шуваевичем. Каждый эпизод воспоминания предваряется короткой репликой: «Я счастливая...». Особенно трогательной была первая, когда семнадцатилетняя Инна, оказавшись в компании балкарского поэта, читающего стихи на родном языке, окунулась в таинственный мир «колдовства, магии, язычества». «... Дробится эхо чуть хриловатых заклинаний... Кажется, сейчас голубизна августовской выси, величие снега на склонах и наши застывшие лица – все перемещается в первозданный хаос, в прапраматериал, из которого этот земной усатый пророк сотворит все заново... И мне не надо перевода. Это странно, сверхъестественно, но я понимала! Не смысл слов, а суть чувств. И эту волшебную музыку, зелье звуков, зачаровавших и отравивших меня навсегда» [Кашежева 1987: 93]. Поэтессу поразила гениальная способность Кайсына Шуваевича «общаться с самыми различными аудиториями на высшей точке взаимопонимания» [Кашежева 1987: 91].

Инна Кашежева была покорена не только исключительным талантом балкарского поэта. Она восхищается его пронизательностью, умением сострадать, воспринимать чужую боль как собственную, «быть проводником чужой боли». Вспоминается неординарный случай, когда после выступления в Залукокоаже, в холодный вечер, группа писателей, в их числе и Кайсын Кулиев, вынуждена была ждать машину в клубе. «Маленькая девочка... в серой шубке, как-то не по-детски притаилась в уголке. Она что-то пришептывала и почему-то постоянно шевелила ладошками у лица. На нее не обращали внимания. И мне подумалось: «Какой спокойный воспитанный ребенок».

Вдруг Кайсын встал, подошел к девочке, взял ее на руки и вернулся к печке. Задумчиво покачал на коленях и неожиданно спросил: «А ведь огонь ты видишь?». Ответа ребенка я не слышала, потому что в этот миг меня – до обморока! – пронзила догадка: девочка слепа...

Как, как это почувствовал Кайсын, сидя в другом конце комнаты? Каким образом беда маленького человека, еще не осознанная им, задела взрослого, много повидавшего и перестрадавшего?!

Потом, в машине, после долгого молчания Кулиев обернулся к нам с Амирханом Шомаховым, и как бы продолжая вслух свой сложный внутренний монолог, тихо произнес: «Мы за всех должны видеть, слышать и говорить. За всех расплачься...» [Кашежева 1987: 94].

Инна Кашежева из каждой встречи с Кайсыном Кулиевым не только выносила очередной урок жизни, честности и человечности: эти встречи впоследствии порождали строки о Кайсыне Шуваевиче, воспевающие незаурядность его характера и таланта, отражающие внутреннее восхищение и очарование им:

*Ах, бунтарь, философ, балагур!
Зоркости твоей хоть каплю мне бы... [Кашежева 2014: 63].*

Те же воспоминания легли в основу ее «поэтических ретроспекций», написанных после смерти поэта. Инна Кашежева, раскрывая образ своего Учителя,

использует гамму человеческих чувств: от радости, счастья, любви, гордости до душевной боли и печали:

*... Сколько раз улыбался при мне младенцу,
старику и женщине, белизне вершин...
Полоснула меня сегодня по сердцу
не боль, а радость:
ты был, Кайсын!
Сколько ни было встреч, до единой все помню,
хоть они далеко-далеко...
Сколько дал моему ты счастливому полдню,
что и в полночь мне будет легко.
Может, это и есть непонятное – слава?
А в глазах некролог полыхает кроваво,
застилая собой белый свет...
Ты сегодня на «ты»
дал впервые мне право:
У Отечества был – и будет! – поэт
Кайсын [Кашежева 2014: 212].*

Взаимоотношения Кайсына Шуваевича и Инны Иналовны служили высоким образцом творческой и человеческой дружбы, уважения, верности и преданности. Я назвала бы их миротворцами, которые стояли на страже, казалось бы, незыблемых границ единства, братства, дружбы между народами, которые, к сожалению, не только пошатнулись. И сегодня, несмотря на сложности времени, бессмертная поэзия двух ярких мастеров художественного слова Кайсына Кулиева и Инны Кашежевой как мощное духовное оружие способна «реанимировать» утерянные моральные принципы и традиционные ценности, восстановить право людей жить в мире, любви и согласии.

Список источников

- Кашежева 1962 – *Кашежева И.И.* Вольный аул. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. 156 с.
Кашежева 1977 – *Кашежева И.И.* Сегодня. Нальчик: Эльбрус, 1977. 60 с.
Кашежева 1987 – *Кашежева И.И.* Стихотворец из Чегема // Остаться в памяти людской. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 89–95.
Кашежева 2014 – *Кашежева И.И.* Избранное. Нальчик: Эльбрус, 2014. 320 с.
Кашежева 2023 – *Кашежева И.И.* Поэзия сердца. Кн. 1. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2023. 428 с.
Кулиев 1963 – *Кулиев К.Ш.* Родниковая свежесть // Инна Кашежева. «Вольный аул». Нальчик: Эльбрус, 1963. С. 5–8.
Эфендиев 2006 – *Эфендиев С.И.* Кайсын Кулиев и Инна Кашежева // Литературная Кабардино-Балкария. 2006. № 4. С. 103–116.

References

- KASHEZHEVA I.I. *Vol'nyi aul* [Free village]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 156 p. (In Russian)
KASHEZHEVA I.I. *Segodnya* [Today]. Nalchik: Elbrus, 1977. 60 p. (In Russian)
KASHEZHEVA I.I. *Stikhotvorets iz Chegema* [Poet from Chegem]. IN: Ostat'sya v pamyati lyudskoi [Remain in human memory]. Nal'chik: Ehl'brus, 1987. P. 89–95. (In Russian)
KASHEZHEVA I.I. *Izbrannoe* [Favorites]. Nalchik: Elbrus, 2014. 320 p. (In Russian)

KASHEZHEVA I.I. *Poeziya serdca* [Poetry of the heart]. Book 1. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarov, 2023. 428 p. (In Russian)

KULIEV K.Sh. *Rodnikovaya svezhest'* [Spring freshness]. IN: Kashezheva I.I. «Vol'nyi auL» [Inna Kashezheva. "Free village"]. Nal'chik: Ehl'brus, 1963. P. 5–8. (In Russian)

EHFENDIEV S.I. *Kaisyn Kuliev i Inna Kashezheva* [Kaisyn Kuliev and Inna Kashezheva]. IN: Literaturnaya Kabardino-Balkariya [Literary Kabardino-Balkaria]. 2006. № 4. P. 103–116. (In Russian)

Информация об авторе

А.М. Гузиева (Сарбашева) – доктор филологических наук, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы.

Information about the author

A.M. Guzieva (Sarbasheva) – Doctor of Science (Philology), Head of the Sector of Karachay-Balkarian Literature.

Статья поступила в редакцию 14.06.2024; одобрена после рецензирования 28.06.2024; принята к публикации 30.06.2024.

The article was submitted 14.06.2024; approved after reviewing 28.06.2024; accepted for publication 30.06.2024.

Научная статья

УДК 821.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-57-62

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА ИННЫ КАШЕЖЕВОЙ (ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР РАЗНЫХ ПЕРИОДОВ ТВОРЧЕСТВА)

Мадина Андреевна Хакуашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© М.А. Хакуашева, 2024

Аннотация. Статья посвящена исследованию поэтического метода русскоязычной кабардинской поэтессы Инны Кашежевой. Целью исследования явился литературоведческий анализ поэтических произведений поэтессы, начиная с раннего, заканчивая поздним этапами поэтического мастерства. Объектом исследования явились стихи, вошедшие в тринадцать поэтических сборников, вышедших в издательствах Москвы и Нальчика с 1962 по 1994 г. Поэтапный анализ особенностей творчества Инны Кашежевой обуславливает актуальность исследования. В статье применяются методы сравнительно-исторического, структурного, художественного литературоведческого анализа. В ходе исследования делаются последовательные выводы, в частности, определяется широкая тематическая палитра, которую можно определить как универсальную. В статье исследуются тематические доминанты разных периодов, особенности поэтики, развитие и становление творчества кабардинской поэтессы. На всех этапах ею осмысливались философские проблемы жизни, любви и смерти, войны и мира, смысла индивидуальной и народной жизни, ущербность «ветшающего» времени, красота мысли, чувства, кавказского и северного пейзажа, вечности и бренности бытия, величие и неповторимость Кавказа, дихотомия и неразделимость Севера и Юга. Особенное место в поэтическом творчестве И. Кашежевой занимает проблема судьбы и творчества А.С. Пушкина. Полученные результаты могут найти применение при изучении истории национальной литературы, написании методических и учебных пособий для студентов филологических вузов, подготовке к циклу лекций и практических семинаров по истории кабардинской литературы.

Ключевые слова: творчество Инны Кашежевой, национальный космос, культурная интеграция, амбивалентность Севера и Юга, художественный метод, тематическая палитра, художественная экспрессия, поэтика

Для цитирования: Хакуашева М.А. Эволюция поэтического мастерства Инны Кашежевой (хронологический обзор разных периодов творчества) // Вестник КБИ-ГИ. 2024. № 2 (61). С. 57–62. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-57-62

THE EVOLUTION OF INNA KASHEZHEVA'S POETIC SKILL (CHRONOLOGICAL OVERVIEW OF DIFFERENT PERIODS OF CREATIVITY)

Madina Andreevna Hakuasheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© М.А. Hakuasheva, 2024

Abstract. The article is devoted to the study of the development and formation of the poetic method of the Russian-speaking Kabardian poetess Inna Kashezheva. The purpose of the study was a literary analysis of the poetess's poetic works, starting from the early and ending with the late stages of poetic mastery. The object of the study was poems included in thirteen poetry collections published in publishing houses in Moscow and Nalchik from 1962 to 1994. A step-by-step analysis of the features of Inna Kashezheva's work determines the relevance of the study. The article uses methods of comparative historical, structural, artistic literary analysis. In the course of the study, consistent conclusions are drawn, in particular, a wide thematic palette is determined, which can be defined as universal. The article examines the thematic dominants of different periods, the peculiarities of poetics, the development and formation of the Kabardian poet's work. At all stages, she comprehended the philosophical problems of life, love and death, war and peace, the meaning of individual and national life, the inferiority of «decaying» time, the beauty of thought, feeling, the Caucasian and northern landscape, eternity and impermanence of being, the greatness and uniqueness of the Caucasus, the dichotomy and inseparability of North and South. A special place in the poetic work of I. Kashezheva is occupied by the problem of the fate and creativity of A.S. Pushkin. The results obtained can be used in studying the history of national literature, writing methodological and teaching aids for students of philological universities, preparing for a series of lectures and practical seminars on the history of Kabardian literature.

Keywords: creativity of Inna Kashezheva, national space, cultural integration, ambivalence of the North and South, artistic method, thematic palette, artistic expression, poetics

For citation: Hakuasheva M.A. The Evolution of the poetic skill of Inna Kashezheva (chronological review of different periods of creativity). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 2 (61): 57–62. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-57-62

Творчество Инны Кашежевой занимает особенное место в истории национальной литературы: богатый опыт русской литературы, неповторимое своеобразие мифо-фольклорной традиции черкесов, интеграция древней кавказской, русской и мировой культур повлияли на появление яркого поэтического таланта.

Мать И.И. Кашежевой, Оксана Федоровна Васильева, – юрист, русская, москвичка, отец Инал Шахимович Кашежев, полковник, летчик-испытатель – кабардинец, родом из сел. Каменноостокское Зольского района КБР.

Инна Кашежева училась в Литературном институте им. М. Горького, работала в редакции журнала «Юность», в издательствах Москвы; член Союза писателей СССР с 1967 года.

Стихи начала писать рано, с отрочества. Первый сборник «Вольный Аул» вышел в Нальчике в 1962 году, когда автору исполнилось 18 лет. В предисловии К. Кулиев писал: «Всякий подлинный талант – это большое благо. Встреча с поэзией Инны Кашежевой была для меня праздником. Мне хочется, чтобы и читатели разделили со мной это чувство праздника. Мне очень приятно и радостно представить вам по-настоящему талантливую поэтессу, первую книгу которой вы берете сейчас в руки, как веточку ранней сирени или белой алычи» [Кашежева 1962: 3]. Сравнение поэзии И. Кашежевой с весенними цветами не случайно – уже первые стихи ее отличают яркость и свежесть образов, чувственная экспрессия. Часто это достигается тонкой художественной манипуляцией красками цветовой палитры («Город первого поцелуя», «Одна ночь»).

Уже в первой книге определяются главные темы поэзии Кашежевой: стихи о родине отца – Кабарде, о Кавказе, о своих корнях, предках, родителях, любовная лирика, стихи о самой поэзии. Сборник вмещает в себя три цикла стихов: «Об отцах и дедах», «В гостях у солнца» о кавказских горах, стихи, посвященные юности и городу юности – Нальчику, поэму «Зеленая калитка». Несмотря на технические погрешности в структуре рифмовки и особенно ритма, автору прекрасно удаются зримые поэтические образы.

Размышления о своем роде, корнях уводят автора вглубь веков, к символическому образу юной кабардинской княжны Марии и русского царя. Стихи

о родине отца прекрасно передают самобытность, неповторимость поэзии Инны Кашежевой.

Любовной лирике поэтессы с самого начала свойственны запредельная глубина, прозрачность и легкость слога, светлый трагизм – черты, по которым опознается традиционная классическая лирика Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Бэллы Ахмадулиной. Те же интонации, та же точность в передаче настроения, в частности, в стихотворении «Время стерло с сердца, как с монеты». Творчество уже этого периода отличают зрелость, лаконичность мысли, образа, художественная завершенность. Цикл стихов о любви составили «Пью нарзан», «Глаза твои не карие...», «Знакомый дом», «Город первого поцелуя», «Будут успехи, счастливые миги», «Время стерло с лица, как с монеты», «Я ухожу, ты говоришь «прощай?» [Кашежева 1962].

Уже в раннем творчестве Инны Кашежевой определяется еще одна тема, которой она останется верной до конца. Тема любви – раздвоенности между Югом и Севером, обусловленная ее происхождением («Ты несешь жаркий юг») [Кашежева 1962: 100–101].

В 1965 г. в Нальчике выходит второй сборник стихов молодой поэтессы «Незаходящее солнце», включающий 2 цикла стихов: «Лучи», «Вступление в любовь» [Кашежева 1965]. Первый цикл продолжает темы Родины (Кавказа и России), сюда относится несколько стихов о Севере. Второй цикл составляет преимущественно любовная лирика. Взаимопроникновение юга и севера, что составляет символ единства Родины и самого поэта, становится центральной линией всего творчества поэтессы. Своя земля – это первооснова, та первородная сила, по которой выверяет свою судьбу и жизнь поэт («Нет, не по привычке, а по крови») [Кашежева 1965: 56].

Цикл стихов посвящен России, герой ее – крестьянин, образ которого подчеркнуто рельефен, солдат русской войны. Еще один цикл стихов в сборнике – «Незаходящее солнце» посвящен Северу («Из Северного блокнота», «Мужской разговор», «Мы ушли за три моря во льды», «У рыбака на скулах твердых») [Кашежева 1965].

Наибольшего развития в сборнике получает тема любви, не случайно цикл стихов назван «Вступление в любовь». Любовь безмерна, из настоящего она тянется в необозримые пространства прошлого и будущего («Оказалось – я еще взролею») [Кашежева 1965: 75]. В стихах этого сборника – вновь о взаимопроникновении двух культур – адыгской – отцовской и русской – материнской («Когда для счастья сердце мне мало») [Кашежева 1965: 79].

В 1970 г. в Нальчике выходит в свет новый сборник «Белый тур», состоящий из двух циклов: «Четверть века» и «Примечания у молодежи». Автор продолжает развивать темы своего раннего творчества, философское видение мира сочетаются с рукой опытного мастера слова. Кашежевой свойственно «балансирование» между стихиями: светом и тьмой, временами года, временными и пространственными субстанциями («Еще туман над сонными горами») [Кашежева 1970: 87]. Временные и пространственные плоскости смещаются, подчиняясь всесилию творческой мысли-образа. По художественной завершенности и глубине можно отметить стихи «Август», «Всего-то лету было мало», «Неведения сладкая сила», «Длиннее путь, а вздох короче», «От странного счастья мертвая», «Что мне делать с прерывистым смехом твоим» [Кашежева 1970].

Новый этап творчества ознаменовался новым сборником «Кавказ надо мною», вышедшим в Нальчике в 1973 году. Он состоит из нескольких циклов: «Начало», «Связь времен», «Ритмы ожидания». Глубоко, ярко, образно прозвучала в этой книге тема Кавказа: «И я – Кавказ. И я оттуда», «Эльбруса ледяной каркас» [Кашежева 1973].

В творчестве этого периода тема войны становится явственной и чаще всего воплощается в образе отца-фронтовика («Стареет эпоха металла») [Кашежева

1973: 67]. Ребенок военной поры, Кашежева кровно, самой плотью связана с ней («Век двадцатый – вена у виска») [Кашежева 1973: 88], отсюда такое проникновение в чужие неведомые жизни, скошенные войной («Мне вчера рассказала балкарка одна») [Кашежева 1973: 91].

В 1975 г. в Москве выходит сборник избранных стихов «Всегда», в котором преобладает любовная лирика. Но любовь теперь перемешивается с мотивами одиночества: «Сегодня хочу покоя», «А слов нет проще», «Я тебя люблю», «Недолго с тобой нас хватило» [Кашежева 1975]. Несколько стихов посвящено войне: «Мы – день войны», «Мальчишка просит патрона», «На сбитых простынях судьбы» [Кашежева 1975]. Стихи этого сборника отмечены высоким уровнем мастерства, особенно стоит отметить «Август», «Не забывайте, горожане», «А лето начиналось вот так» [Кашежева 1975].

В 1977 г. выходит в Нальчике пятый сборник стихов автора «Сегодня». Он состоит из четырех циклов: «Кебляга», «Незнакомое время», «На всем скаку», «Унаиша». Первый цикл включает «провинциальные» мотивы; второй посвящен памяти отца, дому, семье; третий составляют стихи о дороге, поэтические впечатления о других городах, странах: «Я вернусь в этот город», «Углич», «Уголок в Крыму» [Кашежева 1977]. Яркими, динамичными, смелыми штрихами отображает автор кубинский карнавал. Образы визуализируются в стихии движения, красок, звуков, запахов и создается яркая картина народного праздника («Карнавал на Кубе») [Кашежева 1977: 43]. В четвертый цикл включены преимущественно стихи о любви.

Инна Кашежева продолжает тему, намеченную с юности – о гибели любимых поэтов – Пушкина, Лермонтова («Мертвые пальцы тоскуют...», «Подражать неседам», «Разговор с Медиком о душе») [Кашежева 1977].

В 1980 г. выходит второй московский сборник Инны Кашежевой «Незнакомое время». Это преимущественно лирическая подборка, которая отнюдь не случайна: на зрелом этапе творчества поэтессе по праву можно назвать блестящим мастером этого жанра. Широко представлена любовная лирика: «Не мучай меня! Отрекись», «Никуда не уеду», «Я первых слов твоих не помню», «В то самое первое лето» [Кашежева 1980].

В сборник «Кебляга», изданном в Нальчике в 1982 году, вошли фрагменты из предыдущих книг «Кавказ надо мною», «Вольный Аул», «Всегда», «Белый тур», «Незнакомое время» под одноименными названиями циклов.

Следующий сборник «Лицом к истоку» (Нальчик, 1986) ознаменовал очередной виток в творчестве Инны Кашежевой. В него вошли новые стихи и поэма. Поэт верен прежним темам, но сочетание легкости, окрыленности слога, недоговоренности, за которой скрывает беспредельность, с мудростью и горечью прожитых лет, придают поэзии неповторимый стиль и обаяние. Стихи, посвященные ускользающему, отраженному времени, слагаются в настоящий гимн («Ударю по щеке щеколду», «Быть не может безликим», «Я мчусь по трассе тишины», «Та зима» и др.) [Кашежева 1986].

В стихах этой поры преобладает тема одиночества, пронизывая собой все творчество, особенно стихи о любви («Не морочь меня, память», «В твой капкан навек попался», «Над бровью раздумий морщинка», «Словно лес...», «Размело, разметало», «Опустела скворешня») [Кашежева 1986].

В сборник вошли стихи, посвященные Греции («Греция. Мифы и будни», «Микены»), Италии («Из итальянской тетради», «Град в Венеции», «Гибель Помпеи») [Кашежева 1986]. На этом этапе творчества снова звучит тема гибели Пушкина («Капризы Ленинградского такси», «Декабрь 1925 г.») [Кашежева 1986]. Несколько стихотворений посвящено Москве: «У стены Китайгородской», «У каждого есть свой отрывок Москвы», «Никитские ворота»; Кавказу: «Не было б, может, в помине», «Родина, родившая отца», «Я пью судьбу подобно...», «Перед каждым водопадом», «Стихи, написанные в Бресте», «Победа, вдруг сердце мое оглянулось назад», «Стихи, написанные 9 Мая» [Кашежева 1986].

В 1987 г. в Москве выходят две книги Кашежевой «На розовом коне» и «Кони времени». В первый сборник вошли стихи из предыдущей книги «Лицом к истоку», цикл стихов, посвященный дороге, которая символизирует саму жизнь («Колесами слышу дорогу», «Заклинание автолюбителя», «Автомобиль Маяковского», «Над бровью раздумий морщина»), новая лирика («Городской сумасшедший», «Мне понятно теперь...», «Словно сила паруса литая», «Сосулек оплывшие свечи» и др.) [Кашежева 1987]. Во второй сборник включены стихи из предыдущих изданий «Лицом к истоку», «Кавказ надо мною», «Сегодня» [Кашежева 1987].

В 1990 г. в Нальчике выходит двенадцатый сборник поэтессы «От второго лица». В него вошел новый цикл стихов «Страдательный залог», литературные портреты - «Кумиры моей молодости», переводы [Кашежева 1990]. Прозаические портретные зарисовки К. Кулиева, Т. Зумакуловой, А. Кешокова написаны ярко, образно, свежо. В третьей части книги даны переводы стихов Зубера Тхагазитова, Лиуана Губжокова, Бориса Кагермазова, Анатолия Бицуева.

В 1994 г. в Нальчике вышел тринадцатый сборник Кашежевой «Старинное дело», посвященный памяти матери. Он состоит из двух циклов: «Пожилое детство»; «Богатые тоже плачут», в которых представлены юмористические, сатирические и пародийные стихи. В них заметно усиливается тема одиночества, которая порой обостряется до болезненного мироощущения: («Так боюсь раздвинуть тьму») [Кашежева 1994: 37]. Этой же теме посвящены стихи «Руки снега холодные», «Одиночество играет», «Воспоминание о гадалке», «Я узник собственной судьбы» [Кашежева 1994], в которых сквозит безысходность, подведение неутешительных итогов, страшный приговор современности. Стихи, посвященные Пушкину, как и прежде, проецируются на собственную поэтическую судьбу, судьбу страны, времени («Поэт юродивой эпохи», «Запрети мне тосковать», «Нева», «Чиновник десятого класса», «Черная речка», «Комендантская дача») [Кашежева 1994].

Цикл горьких стихов посвящен смерти матери («Ты на годы не сетуй», «Мама! И льются слезы», «Сердце плавает в луже крови», «Ах, как не хочется прощаться!», «Стали звезды из ярких матовыми») [Кашежева 1994].

Стихи о любви проникнуты одиночеством и острой ностальгией по прошлому («Пора вспоминать поцелуи») [Кашежева 1994: 53].

Большое место в творчестве И.И. Кашежевой занимали литературные переводы стихов с разных языков, преимущественно кавказских: кабардинского, балкарского, армянского, грузинского.

Инна Кашежева – одна из первых русскоязычных поэтов Кавказа, совместивших в художественном сознании разные культурные паттерны. Она осталась выразителем глубоко национальных духовных ценностей своего народа, запечатленных на русском языке. Ассимилировав множество передовых методов поэтов-шестидесятников, она сумела достичь высокого уровня поэтического мастерства, выработать свой собственный неповторимый поэтический язык, оригинальный способ художественного самовыражения.

Список источников

- Кашежева 1962 – *Кашежева И.И.* Вольный Аул: Сборник стихов. Нальчик, 1962.
Кашежева 1965 – *Кашежева И.И.* Незаходящее солнце: Стихи. Нальчик, 1965.
Кашежева 1970 – *Кашежева И.И.* Белый тур: Стихи. Нальчик, 1970.
Кашежева 1973 – *Кашежева И.И.* Кавказ надо мною: Стихи. Нальчик, 1973.
Кашежева 1975 – *Кашежева И.И.* Всегда: Стихи. М., 1975.
Кашежева 1977 – *Кашежева И.И.* Сегодня: Стихи. Нальчик, 1977.
Кашежева 1982 – *Кашежева И.И.* Незнакомое время: Стихи. Нальчик, 1982.
Кашежева 1982 – *Кашежева И.И.* Кебляга: Стихи. Нальчик, 1982.

- Кашежева 1986 – *Кашежева И.И.* Лицом к истоку: Новые стихи и поэмы. Нальчик, 1986.
- Кашежева 1987 – *Кашежева И.И.* На розовом коне: Стихи. М., 1987.
- Кашежева 1987 – *Кашежева И.И.* Кони времени: Стихи. М., 1987.
- Кашежева 1990 – *Кашежева И.И.* От второго лица: Новые стихи, переводы, литературные портреты. Нальчик, 1990.
- Кашежева 1994 – *Кашежева И.И.* Старинное дело: Стихи. Нальчик, 1994.

References

- KASHEZHEVA I.I. *Vol'nyj Aul: Sbornik stihov* [Free Aul: Collection of poems]. Nalchik, 1962. (In Russian)
- KASHEZHEVA I.I. *Nezahodyashchee solnce: Stihi* [Never setting sun: Poems]. Nalchik, 1965. (In Russian)
- KASHEZHEVA I.I. *Belyj tur: Stihi* [White Tour: Poems]. Nalchik, 1970. (In Russian)
- KASHEZHEVA I.I. *Kavkaz nado mnoyu: Stihi* [The Caucasus is above me: Poems]. Nalchik, 1973. (In Russian)
- KASHEZHEVA I.I. *Vsegda: Stihi* [Always: Poems]. M., 1975. (In Russian)
- KASHEZHEVA I.I. *Segodnya: Stihi* [Today: Poems]. Nalchik, 1977. (In Russian)
- KASHEZHEVA I.I. *Neznakomoe vremya: Stihi* [Unfamiliar time: Poems]. Nalchik, 1982. (In Russian)
- KASHEZHEVA I.I. *Keblyaga: Stihi* [Welcome: Poems]. Nalchik, 1982. (In Russian)
- KASHEZHEVA I.I. *Licom k istoku: Novye stihi i poemy* [Face to the source: New poems and poems]. Nalchik, 1986. (In Russian)
- KASHEZHEVA I.I. *Na rozovom kone: Stihi* [On a pink horse: Poems]. M., 1987. (In Russian)
- KASHEZHEVA I.I. *Koni vremeni: Stihi* [Horses of Time: Poems]. M., 1987. (In Russian)
- KASHEZHEVA I.I. *Ot vtorogo lica: Novye stihi, perevody, literaturnye portrety* [From the second person: New poems, translations, literary portraits]. Nalchik, 1990. (In Russian)
- KASHEZHEVA I.I. *Starinnoe delo: Stihi* [Ancient matter: Poems]. Nalchik, 1994. (In Russian)

Информация об авторе

М.А. Хакуашева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

M.A. Hakuasheva – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Sector of Kabardino-Circassian Literature.

Статья поступила в редакцию 04.06.2024; одобрена после рецензирования 23.06.2024; принята к публикации 30.06.2024.

The article was submitted 04.06.2024; approved after reviewing 23.06.2024; accepted for publication 30.06.2024

Научная статья
УДК 811. 35
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-63-71

ЛИРИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ТВОРЧЕСТВЕ И. КАШЕЖЕВОЙ

Елена Нартшаевна Бетуганова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, betuganovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7969-4564>

© Е.Н. Бетуганова, 2024

Аннотация. Статья посвящена изучению вопросов, связанных с особенностями лирического самовыражения в произведениях Инны Кашежевой. В работе определяется идейно-художественная специфика лирических произведений. Исторически сложившиеся культуры национальных общностей представляли собой главный источник, из которого поэтесса черпала жизненные смыслы, образующие основу ее творческого мировосприятия, духовное содержание ее бытия. Явления, вызывающие богатую палитру переживаний, волнений, чувствований – это тоска по Родине, образ отца, матери, неблагоприятие современного мира. Особый интерес представляют лирические произведения, звучащие как раздумье. Они возникают как бы от экспрессий, охвативших рассказчика, и принимают произвольную форму, воплощая в себе богатство эмоционального мира художника. Эти произведения имеют особое содержание, описывают отдельное душевное состояние. В его основе лежат образ-чувство, образ-переживание, наброски, сделанные в определенный момент под воздействием той или иной картины; они передают сиюминутные настроения, моментально вспыхнувшие мысли, показывают миг жизни, концентрирующий жизненную субстанцию. В структуре стихотворений выявляются художественные приемы, создающие «лирическую атмосферу», характеризуются закономерности использования поэтических и стилистических средств художественного изображения в лирической прозе, способы раскрытия образа-переживания в поэтическом творчестве исследуемого автора. Основная совокупность художественного смысла достигается метафоризацией, выбором и удачным использованием эпитета, других средств эмоциональной окраски слов.

Ключевые слова: лирические произведения, лирический герой, Инна Кашежева, национальная культура, русскоязычная поэзия, медитативность

Для цитирования: Бетуганова Е.Н. Основные мотивы поэзии Инны Кашежевой // Вестник КБИГИ. 2024. № 2 (61). С. 63–71. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-63-71

Original article

THE LYRICAL BEGINNING IN THE WORK OF I. KASHEZHEVA

Elena N. Betuganova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, betuganovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7969-4564>

© E.N. Betuganova, 2024

Abstract. The article is devoted to the study of issues related to the manifestation of the lyrical principle in the works of Inna Kashezheva. The work defines the ideological and artistic specificity of lyrical works. The historically established cultures of national communities represented the main source from which the poetess drew life's meanings, which form the basis of her creative worldview, the spiritual content of her being. Events that cause a spectrum of experiences, worries, and feelings are longing for the Motherland, the image of a father, mother, and the troubles of the modern world. Of particular interest are lyrical works that sound like meditation. They arise as if from an influx of feelings that gripped the narrator, and take on an arbitrary form, embodying the richness of the artist's emotional world. These works have a special content and describe a separate state of mind. It is based on an image-feeling, an image-experience, sketches made at a certain moment under the influence of a particular thought; they convey momentary moods, instantly flared up thoughts, show a moment of life that concentrates the vital substance. In the structure of the poems, artistic techniques are identified that create a "lyrical atmosphere", the patterns of use of poetic and stylistic means of artistic depiction in lyrical prose, and ways of revealing the image-experience in the poetic work of the author under study are characterized. The main capacity of artistic meaning is achieved by the choice of epithet, the use of emotional coloring of words, and metaphORIZATION.

Keywords: lyrical works, lyrical hero, Inna Kashezheva, national culture, Russian-language poetry, meditateness

For citation: Betuganova E.N. The lyrical beginning in the work of I. Kashezheva. Vestnik KBIGI = KVIN Bulletin. 2024; 2 (61): 63–71. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-63-71

*Нет не по привычке, а по крови
Я люблю, хотя живу вдали.
И не по приказу, а по крови
Родине себя я отдаю.*

Инна Кашежева

Несмотря на широкую популярность и признание в столице и всей стране, Москва так и осталась для поэтической системы Инны Кашежевой чужим миром. В лирических произведениях мотив ухода из дома, большой город осмысливается как выход в сферу новых ценностей, при этом попадание в иную культурную среду сопровождается ощущением беспомощности и дезориентации, депрессией и многочисленными трудностями. С одной стороны, чуждость московского мира подчеркивается автором, нарочито противопоставляется как чужое своему. С другой, автор стремится подчеркнуть свою индивидуальность как отличную от большинства окружающих людей, выросших в громадном мегаполисе. Оппозиция «свой-чужой», преломляясь в плоскости сознания Я, раскрывается, как и в философии, «Я-Другой»:

*О родина отца, о родина моя!
О, вечная и сладкая та боль...
Меня ужалила дорога, как змея,
дорога, разлучившая с тобой. [Кашежева 2014: 34]*

Лирическая героиня Кашежевой предпочла бы маленький лес, тихую речку, величественные горы. Это не тяга к псевдоромантической экзотике, а ощущение своей причастности к Кавказу, мощная генетическая связь с которым питает поэзию. Автор подчеркивает ценность каждой детали, который недоступен взору обывателя, пребывающему на Родине, тоскующий человек смотрит на родные просторы совсем другими глазами, и ждет с нетерпением новой встречи с ней.

В произведении «Равнодушие» лирическая героиня ждет отзвука на свои стихи, но встречает холод и равнодушие. И здесь, скорее, автор говорит не о своей творческой не востребоваемости. В каждом произведении присутствует ее

ментальное мироощущение, недоступное читателю иной культуры. Наложить чуждое мировоззрение на уже сформированную первичную картину мира поэтесса так и не смогла. Она твердо была убеждена, что ее внутренняя природа, которая была «запрограммирована, раскрыта и развита родной культурой, национальными особенностями, была полностью уместна и востребована в первоначальных условиях жизни.

Яркие выразительные образы – ступени, которые бесконечно тянутся, черная лестница, неприкайнные стихи – не имеют символического смысла, но сохраняют статус лирического текста в силу того, что настраивают читателя на восприятие душевного состояния Инны Кашежевой:

*Своей недетскою тоскою
Я ваши лестницы стелю,
Войду я, а стихи останутся
На черной лестнице стоять.
Но дайте, дайте мне расплакаться
На равнодушие у вас. [Кашежева 2010: 103]*

В произведении нет указаний на эмоциональное состояние лирической героини, но за всем сказанным ощущается предельное умственное и духовное напряжение говорящего, передающего свое мироощущение путем описания явлений, что свидетельствует о присутствии лирического начала.

Инна Кашежева неустанно искала духовного возрождения в ценностях знакомой исторической почвы, она искала убежища в своем предсказуемом мире норм и моделей поведения. В этих условиях восстановить целостность и упорядоченность жизни, дать надежду на будущее могло только обращение к ценностям этнической культуры, проверенным веками, доказавшим свою жизнестойкость и способность противостоять различным разрушительным воздействиям. «*От злых напастей, от неожиданных бед, ношу я в сердце снежные вершины*» [Кашежева 2010: 116], – пишет И. Кашежева. Именно поэтому этнос стал той общностью, самоотожествление с которой давало И. Кашежевой необходимую опору и надежду. Национальная культура выступила неким защитным полем:

*Когда для счастья сердце мне мало,
Когда печалют мелкие раздоры,
я обращаю мысленные взоры
к тебе, Кавказ, – чистилище мое,
к вам, мои судьбы,
к вам, родные горы!
Закрыв глаза, я вижу наяву,
как вы в своем заснеженном обличье,
Неся тысячелетние обычаи,
Являетесь нежданно в Москву,
чтобы рассудить:
а так ли я живу? [Кашежева 2010: 116].*

Только настоящий поэт способен так органично сочетать строки великого поэта и свои собственные, подчеркивая и преемственность, и неизменную актуальность переживаний.

«*Так кличет мать дитя свое больное, и как земля, уставшая от зноя, всем жарким телом призывает дождь*» [Там же], – вот яркие образные сравнения, которые отражают невыносимую разлуку с родиной. «*Горы исцеляют, горы-чистилище*» [Там же], – пишет автор. Колоритный образ гор подчеркивает, что

гармонизировать духовный дисбаланс мечущейся души могла только Родина, маленькое селение Каменномоостское:

*Какие ни готовятся невзгоды,
Какие испытания ни ждут,
Я просто
Тихо позову вас:
«Горы!»,
Как истину во все века зовут. [Там же]*

В контексте сказанного «стихия, которая называется «моя национальность» – поток жизни, как как-то особенно ощущаемый, особенно окрашенный».

Русскоязычная поэтесса определенно понимает, кто она в своем уникальном положении наследницы и русской поэтической культуры, и вековых традиций своего народа. Осознание принадлежности к определенному этносу, было едва ли не наиболее константной характеристикой ее самосознания. Исторически сложившиеся культуры разных национальных общностей, в то же время объединяемых своей неподдельностью, представляли собой главный источник, из которого поэтесса черпала жизненные смыслы, образующие основу ее творческого мировосприятия, духовное содержание ее бытия. Так в стихотворении «Я болею оседлостью...» автор говорит о том, что же вдохновляет писателя на создание поэтического произведения, и здесь особый интерес представляет ментальность поэтессы:

*Я болею оседлостью...
Заболели оседлостью –
Садитесь в седло. [Кашежева 2010:106]*

Инна Кашежева в произведении ассоциирует себя с черкесским воином, про которого в адыгских историко-героических песнях говорят: «Губгъуэ зи унэ, зауэ зи хабзэ» – «Поле – чей дом, война – чей обычай». Черкесский рыцарь – наездник, как отмечал А.Г. Кешев, «постоянно жаждал приключений, опасностей. Он не любил засиживаться дома, в своем околотке ... Он осознавал себя больше человеком, когда изголовьем служило вместо мягкой подушки жесткое седло, постелью – бурка, когда вместо искорок, поднимающихся сквозь широкое отверстие трубы от костра на родном очаге, его взор следил за таинственным течением светил по необъятному своду неба» [Каламбий (Адыль-Гирей Кешев) 1987: 116]. Тем самым он оказывался в максимальной зоне риска, в зоне особого, мятущегося духа. В этой зоне он обретал мудрость, способность к безошибочной ориентации в сфере неопределенности. Автор говорит о том, что сфера определенности, а для творца-поэта – это спокойное течение жизни, серые будни – так же не способствовала творческому развитию. Чтобы творить, пишущему нужны были испытания, пусть порой и нелегкие, чувства, разные оттенки эмоций:

*Посильнее ударьте,
понесет конь вскачь...
На дорогу дайте
Мешок неудач
Ой, мне слепнуть и жариться,
Спотыкаться, тонуть...
Да некому жаловаться,
да некуда повернуть! [Кашежева 2010: 106]*

Те же интонации звучат в другом произведении «Седьмой материк». Седьмой материк в поэтической системе И. Кашежевой – это пространство вольных и

возвышенных духовных порывов, пространство, в котором нет места успокоенности, пространство непрерывного движения к идеалу.

В другом лирическом произведении автор говорит о нравственных принципах, которые подчеркивают менталитет дитя гор и равнин. Это альтруизм – пренебрежение собственными интересами во благо личных интересов. Высокий авторитет и социальный статус в черкесском обществе обуславливался набором важных для общества функций, которые черкесы добровольно на себя возлагали и которые были сопряжены для них с риском для жизни и пренебрежением удобствами. На них лежала обязанность защита общины от угрозы, они должны были оказывать покровительство и патронаж слабым и нуждающимся. Эгоизм – как противоположность альтруизма и установка на приоритет личных интересов над общественными не могла определить поведение черкеса. В стихотворении «Какая-то на сердце тяжесть» лирический герой чем-то обеспокоен, но не может понять, что его гложет. Его не покидает ощущение, что некто неизвестный нуждается в помощи, однако вдруг осенила мысль, что этот кто-то – он сам. В ту же минуту состояние отчаяния сменила тихая радость. Герой несказанно рад, что, несмотря на личные невзгоды, не потерял способности сопереживать чужой беде:

*Какая-то на сердце тяжесть,
а я не пойму отчего.
Как будто из пропасти тянешь...
да только совсем не того.
Какая-то на сердце смута,
А вот отчего не пойму.
Как будто ты нужен кому-то,
Да вот неизвестно – кому.
Но скоро наступит минута,
внезапной догадкой слепя:
ты нужен себе, не кому-то,
и вытациить хочешь себя.
И благодарение БОГУ,
что совесть покуда жива,
что бить начинаешь тревогу,
о ком-то подумав сперва.* [Кашежева 2010: 128]

Любовь на первый взгляд, нелогична, она состоит из противоречивых компонентов. Кажется, что любовь иррациональна и неразумна. В этом заключается причина ее несообразности, с точки зрения логики познания. Стихотворение «Отец мой – мой суровый горец...» звучит несколько необычно: Инна Кашежева задается вопросом, как отец – гордый черкес – мог полюбить мать, русскую по происхождению и воспитанию, то есть человека иной ментальности. Сакраментальный вопрос: «Кого ты больше любишь – маму или папу?» ставит в тупик всякого ребенка, потому что ангельски чистое юное существо не может делать выбора между родителями. А вот как эту проблему решает поэт, сохранивший во взрослой жизни ту же детскую непосредственность:

*Отец мой – суровый горец,
А мама из нежных горлиц,
Взраченных на Руси.
Как мог ее полюбить
И стали похожи горлицы
На гордых горных орлиц.
А то чего бы горцу
Любить голубую горлицу.* [Кашежева 1994: 15].

Поэтическая мысль автора ведет повествование, сдерживая и прерывая его экстенсивную устремленность, и как бы поджидая случая, чтобы «излиться, наконец, свободным проявлением». По мнению Инны Кашежевой, отец полюбил мать тогда, когда она из горлицы перевоплотилась в горную орлицу, то есть во всем стала соответствовать горским традициям, не утратив при этом своей природы. Как и в традиционной адыгской семье, авторитет отца был непререкаем. Его слово – закон для остальных членов семьи. Ему принадлежит все лучшее в семье, его место – у очага. Мать оберегает его, трепетно к нему относится.

Некоторые произведения звучат как раздумье. Они возникают как бы от наплыва чувств, охвативших рассказчика, и принимают произвольную форму, воплощая в себе богатство эмоционального мира художника. Эти произведения имеют особое содержание, описывают отдельное душевное состояние. В его основе лежат образ-чувство, образ-переживание, наброски, сделанные в определенный момент под воздействием той или иной мысли; они передают сиюминутные настроения, моментально вспыхнувшие мысли, показывают миг жизни, концентрирующий жизненную субстанцию. При этом воссоздаваемое в лирическом произведении духовно-мыслительное состояние чем-то спровоцировано. Оно указывается, подразумевается, сопровождаясь эмоциональными высказываниями. Толчком, побуждающим к поэтическому размышлению, стала нереализованная семейная жизнь. «Если встретишь меня, стань же пешим, помни – я ведь слабее тебя», – проникновенно просит лирическая героиня молодого человека. В давние времена, всадник, встретив в пути девушку, спешил и предлагал сесть на лошадь, если она отказывалась, он сопровождал ее пешком до тех пор, пока она не достигнет безопасного места. Обстоятельства не излагаются подробно, а называются, порождая мысли лирического героя. Становится понятно, что Инна Кашежева страдает от того, что не может встретить того, кто сможет понять, что у женщины чувствительный характер, что она беззащитнее любого слабого мужчины, кто сумеет сопроводить ее по всей ее жизни, чутко оберегая и составляя ей достойную партию. С оцепеняющей болью она понимает, что ожидает того, кто никогда к ней не придет: «всадника», который будет оберегать ее от жизненных невзгод, уберечь от всех бед. Грустные размышления предстают неким обобщением обреченной на одиночество женщины.

Примечательно, что уже в семидесятые годы Инна Кашежева, еще относительно молодая, уже чувствовала грядущее неблагополучие и ставила своим творчеством существенные вопросы, которые через личностное восприятие поднимали проблемы, ставшие актуальными для всего общества. Она предвосхитила постановку многих проблем, находящихся ныне в центре внимания, предлагая разобраться, как изменить к лучшему, рассуждала о морально-нравственных скрепах, позволявших наладить достойную жизнь. Ее твердое убеждение – без бога человек не воспрянет от духовного паралича.

Каждое слово несет повышенную идейно-художественную нагрузку. Особое значение она придает завершающей фразе стихотворения: «Бог ждет, что люди будут зорко глядеть в него». Инной Кашежевой осмысливается проблема истинной и мнимой веры. Она говорит о вере внутренней, сокровенной и от того священной. Живущий по законам Бога, предписанным ему Кораном, должен быть примером добродетели и терпимости, высоконравственной личностью:

*Мы жили праведно и строго
в тени отеческих могил.
И все же мы забыли Бога,
А он нас помнил и любил.
Он ждал: когда же мы не в небо
Вглядимся зорко, а в Него?*

*Но, как моря, мельчали цели
И стыло прошлое в золе.* [Кашежева 2014: 128]

В другом произведении автор говорит об исчезновении из жизни различных форм духовного совершенствования и в целом ценности духовного развития, поскольку успех личности в новом обществе определяется материальным статусом и внешними атрибутами его материального благополучия.

Иронизируя по поводу своей рассеянности, в стихотворении «Прозрение» И. Кашежева говорит о своих бесконечных потерях: то это, ключи, то перчатки, то зажигалка. Но вместо огорчения ее переполняет чувство радости. Она приходит к неожиданным умозаключениям: любая потеря может приобрести счастливый оборот: принести людям пользу.

Интересно, что в этом произведении Инна Кашежева пишет о том, что возникло и назревало, имело тенденцию закрепиться, победить, стать широко распространенным явлением, в частности – в постсоветскую эпоху. Произведение одушевлено живым интересом к современнику, его духовной жизни, к качеству и характеру его сознания. Пророческое чутье позволило зафиксировать мир, который стремительно изменился, отметить смещение качеств и приоритетов, что особенно ярко проявилось в 90-е годы. Неуправляемая коммерциализация ориентировалась на новоявленного «гиперэкономического сверхрыночника», подыгрывая его узкоутилитарным интересам:

*Вещи править нами рады:
Сосчитай, запри, проверь...
Соболя, авто, караты...* [Кашежева 1994: 5]

Кризис человека был связан с ослабеванием потребности в развитии духовных, сверхличностных начал. «Для великих духовных прорывов и достижения высших форм цивилизации надо было возвыситься над обыденностью, сугубо прагматичным отношением к жизни» [Кажаров: 62]. Об этом и говорит И. Кашежева в произведении:

*Человек! Руби канаты
Щедростью своих потерь.* [Кашежева 1994: 5]

Образ матери – яркий лирический образ в творчестве кабардино-черкесских авторов. В произведении «В свою беду другого не возьмешь» говорит о том, как нелегко терять самого близкого человека на земле – мать. Словно наяву он ощущает материнский запах, ее нежные руки, заботу и теплоту, раскаивается, что ранее не могла в полной мере уделять ей внимание. «Мои поводыри – вина и память», – пишет И. Кашежева. Самые горькие слезы, вызванные тоской по матери, не коснутся ее красивого лица:

*В свою беду другого не возьмешь:
Там все углы из боли для тебя лишь.
Под самый острый справедливый нож
Чужое сердце не подставишь.* [Кашежева 2010: 131]

События в сюжете даны как бы в произвольном, свободном, а не логическом сцеплении. Внешняя разрозненность, дискретность событий на деле оборачивается глубинным, скрытым, неочевидным единством, основанным на переживаемом чувстве. Она горько жалеет, что зачеркивала те дни, когда мать ожидание воплощала.

Среди литературных мотивов особое место занимают лирико-философские. Мысль о неизбежности ухода человека из жизни, о смене бытия небытием сопровождается размышлениями о том, как глубока связь между миром природы и человеческой жизнью. Лирическую окраску произведениям в большей степени придают пейзажные зарисовки. Когда природа пронизана иносказательностью и символикой, лирическое начало ощущается довольно четко. Главный герой наблюдает за речкой и размышляет о закономерностях бытия. Она соотносит устье с физическим концом на земле. Эмоциональные переживания вызваны скоротечностью жизни:

*На Белой речке в восемнадцать лет,
среди таких же, молодых и ловких,
пьянела от легкости побед...
И нам не скоро подводить итог
Той беспричинной радости и грусти,
понять не скоро, что любой исток,
уже с рождения имеет устье.
Что беспредельности на свете нет,
что есть конец у каждого начала...
На Белой речке в восемнадцать лет
Я этого еще не понимала. [Кашежева 2010: 126]*

В другом стихотворении «Видеть море в первый раз...» лирический герой размышляет о закономерностях бытия, наблюдая за морем:

*Нет у моря берегов,
Нет любви конца и края.
Ты плывешь, с волной играя,
ничего еще не зная
Про друзей и про врагов.
Безысходность похорон...
Предначертанность разлуки...
Ты плывешь... Тебе еще
Восемнадцати-то нету. [Кашежева 1994: 3]*

Автор творчески развивает принципы применения пейзажа в лирическом плане. Пейзаж коррелирует с переживаниями автора в стихотворении «Земными родились...». Он соотносит капли дождя со своей жизнью, физическим концом на земле. Природа несет в себе печать мгновенной, изменчивой, мимолетной жизни. Лирическое начало предельно обнажено:

*И как ни рассуди,
нам не уйти от темы:
«Жизнь – это впереди», –
всю жизнь твердим себе мы.
И, как из неба дождь,
Уходит жизнь по капле. [Кашежева 1994: 2]*

Смерть трактуется не только как поглощающая живое, но и как рождающая его, подобно тому, как это происходит в мифе: «<...> смерти как чего-то безвозвратного нет; все умирающее возрождается в новом побеге» [Фрейденберг 1997: 63]. В произведении прослеживается своеобразная концепция отношения к смерти. Со смертью жизнь не заканчивается, он неминуемо имеет свое продолжение. Продолжение талантливой поэтессы – произведения, не утратившие своей актуальности по сей день. В этом автор видит свое бессмертие.

Таким образом, творческие находки Инны Кашежевой оказали значительное влияние на развитие ее лирической поэзии. Конечно затрагиваемые ею темы не новы для мировой поэзии. Проблемы любви к родине и близким, преемственности и диффузии традиций, отношения к жизни и смерти, духовных исканий смысла нашего существования неисчерпаемы, они волновали многих предшествующих поэтов и, видимо, будут волновать еще многие поколения. Однако в произведениях И. Кашежевой понятие и сущность лирической поэзии приобрели новую форму и содержание, возникли новые пути ее проявления благодаря неисчерпаемому таланту автора.

Список источников

- Кажаров 2012 – *Кажаров В.Х.* Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. 83 с.
- Каламбий (Адиль-Гирей Кешев) 1987 – *Каламбий (Адиль-Гирей Кешев)*. Записки черкеса. Нальчик: Эльбрус, 1987. 272 с.
- Кашежева 1994 – *Кашежева И.И.* Выход на поклон. М.: РБП, 1994. 7. с.
- Кашежева 2010 – *Кашежева И.И.* Кавказ надо мною / сост. М.М. Хафицэ. Нальчик: Эльбрус, 2010. 176 с.
- Кашежева 2014 – *Кашежева И.И.* Избранное: Стихотворения / сост. Дж.П. Кошубаев. Нальчик: Эльбрус, 2014. 320 с.
- Мирзоев 2021 – *Мирзоев А.С.* Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов (Средневековье-Новое время). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2021. 432 с.
- Фрейденберг 1997 – *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Наука, 1997. 445 с.

References

- KAZHAROV V.H. *Istoriografiya i istoricheskoe soznanie kabardincev vo vtoroj polovine XX – nachale XIX v.* [Historiography and historical consciousness of Kabardians in the second half of the XX – early XXI century]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2012. 83 p. (In Russian)
- KALAMBII (ADYL'-GIREI KESHEV). *Zapiski cherkesa* [Notes of the Circassian]. Nal'chik: El'brus, 1987. 272 p. (In Russian)
- KASHEZHEVA I.I. *Vygod na poklon* [Going out to bow]. M.: RBP, 1994. 7 p. (In Russian)
- KASHEZHEVA I.I. *Izbrannoe: Stihotvoreniya* [Favorites: Poems]. Nal'chik: El'brus, 2014. 320 p. (In Russian)
- FREUDENBERG O.M. *Poetika syuzheta i zhanra* [The poetics of the plot and genre]. M.: Nauka, 1997. 445 p. (In Russian)
- MIRZOEV A.S. *Genezis i evolyuciya tradicionnoj voennoj kul'tury cherkesov (Srednevekov'e-Novoe vremya)* [The genesis and evolution of the traditional military culture of the Circassians (Middle Ages-Modern Times)]. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh, 2021. 432 p. (In Russian)

Информация об авторе

Е.Н. Бетуганова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

E.N. Betuganova – Candidate of Science (Philology), researcher of the Sector of Kabardino-Circassian Literature.

Статья поступила в редакцию 04.06.2024; одобрена после рецензирования 23.06.2024; принята к публикации 30.06.2024.

The article was submitted 04.06.2024; approved after reviewing 23.06.2024; accepted for publication 30.06.2024.

Научная статья

УДК 821.512

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-72-77

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ХАЖИМУСЫ КУЛИЕВА

Раузат Абдуллаховна Керимова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, k.roza07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1964-4511>

© Р.А. Керимова, 2024

Аннотация. В статье впервые исследуется наследие балкарского поэта и прозаика Кулиева Хажимусы Атабиевича, прослеживаются хронологически систематизированные события его жизни и творчества; произведения рассматриваются в тематическом и жанровом разнообразии.

Реализация поставленной цели вызвала необходимость постановки и решения следующих задач: опираясь на поэтические сборники «*Каштановый город*», «*Проходят годы*», «*Пусть цветет земля*», «*Время песни*», «*Белая осина*», рассмотреть идейно-эстетические особенности поэтического и прозаического творчества Х. Кулиева; осветить жизнь и литературную деятельность, установить индивидуальные особенности произведений, раскрыть основные мотивы, а также определить роль и место писателя в духовной жизни карачаево-балкарского народа.

В результате анализа выявлено, что творчество Х. Кулиева связано с развитием социальной, пейзажной, любовной лирики, темы труда, поэта и поэзии; особое место занимает литература для детей (стихи, сказки).

Большой корпус лирических произведений Х. Кулиева посвящен военной тематике. Поэзия характеризуется повествовательной организацией; им в большей степени присуща фактологичность, продиктованная общими тенденциями советского литературного процесса 30-40-х годов.

Ключевые слова: Кулиев Хажимуса, фронтовая поэзия, детская литература, карачаево-балкарская поэзия, творческая биография

Для цитирования: Керимова Р.А. Художественное наследие Хажимусы Кулиева // Вестник КБИГИ. 2024. № 2 (61). С. 72–77. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-72-77

Original article

ARTISTIC HERITAGE OF KHAZHIMUSA KULIEV

Rauzat A. Kerimova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, k.roza07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1964-4511>

© R.A. Kerimova, 2024

Abstract. The article is the first to examine the legacy of the Balkar poet and prose writer Khazhimusa Atabievich Kuliev, chronologically systematized events of his life and work are traced; the works are considered in thematic and genre diversity.

The implementation of the set goal necessitated the formulation and solution of the following tasks: relying on the poetry collections “Chestnut City”, “Years Pass”, “Let the

Earth Bloom”, “Time of Song”, “White Aspen”, to consider the ideological and aesthetic features of the poetic and prose work of H. Kuliev; to highlight the life and literary activity, to establish the individual characteristics of the works, to reveal the main motives, and also to determine the role and place of the writer in the spiritual life of the Karachay-Balkar people.

As a result of the analysis, it was revealed that the work of H. Kuliev is associated with the development of social, landscape, love lyrics, the theme of labor, the poet and poetry; a special place is occupied by literature for children (poems, fairy tales). A large body of lyrical works by H. Kuliev is devoted to military themes. The poetry is characterized by a narrative organization; they are largely characterized by factuality, dictated by the general tendencies of the Soviet literary process of the 1930 s and 1940 s.

Keywords: Kuliev Khazhimusa, front-line poetry, children’s literature, Karachay-Balkar poetry, creative biography

For citation: Kerimova R.A. Artistic heritage of Khazhimusa Kuliev. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 2 (61): 72–77. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-72-77

Кулиев Хажимуса Атабиевич (1910–1971) – балкарский поэт, прозаик, член Союза писателей и Союза журналистов СССР. Родился в селении Верхний Чегем Чегемского р-на КБР. В 1931 году закончил семилетнюю школу в Крыму, в Бахчисарае. Писать стихи начал с середины 30-х годов. В возрасте 19 лет Х. Кулиев участвовал в Советско-финляндской войне. С началом Великой Отечественной войны в 1941 году пошел на фронт добровольцем. Во время службы был дважды ранен. За проявленное мужество был удостоен ордена Красной Звезды, медалей «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией» и другими наградами. После окончания войны в 1944 году был депортирован в Среднюю Азию по национальному признаку. После реабилитации балкарского народа, в 1957 году вернулся в родные края.

Годы после возвращения были плодотворными в плане творческой деятельности. В 1965 году Х. Кулиев был принят в члены союза писателей СССР.

Наследие Х. Кулиева ранее не подвергалось научному осмыслению, но освещалось в литературных изданиях и критических статьях в периодической печати (Кулиева Ж. Кулиев Хажимуса Атабиевич // Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в.), 2003. С. 250–251.; Токумаев Ж. Каштанлы шахар (Каштановый город) // КЖ. 1959. 26 июня; Аликаев В. Назмула жолгъа чыгъадыла (Стихи выходят на простор) // КЖ. 1964. 15 янв.; Тохчуев С. Назмула жашаргъа болушадыла (Стихи помогают жить) // КЖ. 1964. 23 февр.; Тепшеев А. Тизгинледе кюнню джылыуу (Дарящие тепло) // КЖ. 1967. 4 мая; Тепшеев А. Поэтни жангы жыйымдыгъы (Новое произведение поэта) // КЖ. 1970. 28 апр.).

Творчество Хажимусы Кулиева характеризуется жанровым разнообразием (песни, пожелания/алгъыши, обращения, послания, поэма, проза), широтой тематического спектра. В пространстве художественного целого оно неотрывно связано с развитием в национальной литературе военной, пейзажной, любовной, гражданской лирики, детской литературы. Писатель не обходит стороной и мотив труда. Деревенская жизнь, проблемы коллективизации отразились в свойственной времени несколько декларативной «колхозной» проблематике. В стихотворениях «колхозно-производственной» тематики автор раскрывает различные стороны сельской жизни, освещает бытовые и нравственные вопросы деревни («Если станешь первым в колхозе...», «Мы счастливое поколение», «Комсомольская свадьба», «Приятный запах молока», «Два брата» и др.) [Кулиев 1967].

Автор не обходит стороной и любовную тематику. В художественном мире поэта данное чувство имеет широкую трактовку. Это не только любовь к женщине, но и трепетное отношение и глубокая привязанность к родной земле, товарищеская любовь/дружба. Особое место в лирике занимает образ матери («Мама», «Мама трет глаза», «Колыбельная песня мамы» и др.).

Для всего творчества Хажимусы Кулиева сквозной темой стала фронтовая лирика. В основу произведений вложены личные впечатления, базовые национальные и общечеловеческие ценности – патриотизм, гражданственность, героизм.

Первый сборник стихов Х. Кулиева «Каштанлы шахар» («Каштановый город») вышел в 1959 году. В книгу вошли стихи и песни патриотического содержания («Кишилик ёлмейди» («Мужество не умирает»), «Окопдан письмо» («Письмо из окопа»), «Жашыны анасына письмосу» («Письмо сына матери»), «Солдатны къабыры» («Могила солдата»), «Къарындаш къабырла» («Братские могилы»), «Юясын чачханбыз» («Разгромили гнездо»), «Къузгъун» («Ворон»). Идейная, тематическая, сюжетная, образная составляющая, система выразительных средств в текстах, были подчинены советским идеологическим исканиям периода 30–40 годов. Образ вождя Ленина создан по общему шаблону советской литературной традиции («Партия», «Комсомол», «Наша конституция», «Любимая страна»). Атеистическое мировоззрение в духе времени также нашло отражение в поэтической системе Х. Кулиева («Ни Шайтана, ни демона не существует...»).

В поэзии военных лет особое звучание приобрела тема солдатской дружбы, любви, товарищества. В тексте формируется обобщенное сознание, представленное формой лирического «мы»:

*Юй жашауну эртде унутхамбыз биз,
Солдат юйдегибиз, бирге жашайбыз,
Сени – мени деген бизде жюрюмейд,
Бир къазандан ашны бирге ашайбыз.*

Мы давно забыли про мирную жизнь в своих домах,
Солдаты стали одной семьей, вместе живем,
Не делим ничего – все общее,
Трапезничаем из одного казана [Кулиев 1959: 34].
(Подстрочные переводы – К.Р.А.)

Тема войны в художественном мире Х. Кулиева осмысливается посредством образа солдата, героически защищающего Родину. Лирический герой характеризуется рефлексией, глубоким эмоциональным психологизмом.

Данная особенность является характерной тенденцией советской поэзии 1940–1960-х гг. По сути, героика эпохи предполагала обращение не к индивидуальному, а к массовому сознанию. Как отмечают исследователи, «большинство образов военной литературы восходит к фольклорной традиции. Обусловлено это не только подъемом национального чувства, но и с образной спецификой народного творчества, которому свойственно изображение общезначимых явлений жизни, наиндивидуальных признаков человека» [Синявский 1961: 32]. Восприятие авторского «я» в качестве «мы» является проявлением наследия идейных постулатов пролеткультовской картины мира (и способов ее моделирования), что отчасти коррелирует с особенностями художественного мировоззрения Х. Кулиева, которое формировалось под их влиянием. Также наблюдаются некоторые изменения в развитии образа Родины, являющиеся смысловым и эмоциональным центром поэтического мира Х. Кулиева. Отчетливое звучание нот тоски, печали, дают глубокое понимание осознанности кровной связи с отечеством. Значимость образа Родины транслируется такими чувствами, как отсутствие страха смерти. Героическое начало в поэзии Х. Кулиева формируется вокруг идеи самопожертвования/жертвенности:

*Бизни туугъан журтубуз ючюн,
Бизни сюйген элибиз ючюн,*

*Керек болса, жокъду солдат
Артха бурлукъ къарыуун, кючюн.*

*За наш родимый край,
За наше любимое село,
Если понадобится ни один солдат
Не повернет (проявит трусость) назад
Не пожалеет себя. [Кулиев 1959: 45].*

В поэзии Х. Кулиева перенесения авторского «я» на «мы» ассоциируется с новым типом лирического сознания – коллективного героя. Характеризуя общие черты лирики поэтов военного поколения, исследователь Л. Трубина отмечает, «акцентировку проблем долга, служения, жертвенности, подчеркнутую контрастность конфликтов (мы – они, свои – чужие), отсутствие особой психологической глубины и многогранности в разработке характеров» [Трубина 2015: 204].

Творчество Х. Кулиева преисполнено чувством патриотизма, гражданственности. В них реализовываются авторские задачи общечеловеческого масштаба: защита народа, воспитание мужества, призыв к самопожертвованию. Одним из таких стихотворений является «Солдат», созданное в виде руководства-послания мужчине-горцу, некий свод правил поведения на службе отечеству, где особое внимание отведено психологическому аспекту. При этом долг и ответственность основные моральные ценности, на которые опирается писатель.

Несомненно, военная лирика занимает центральное место в творчестве Х. Кулиева, но как сказано выше, автор обращается также к иным проблемам – поэта и поэзии, любви и др.

В сборники «Жылла озалла» («Проходят годы», 1963), «Жашнасын эсер» («Пусть цветет земля», 1967), «Жырны замены» («Время песни», 1970), «Акъ къайынчыкъ» («Белая осина», 1990) [Кулиев 1963] включены стихи, сказки на разную тематику – о любви, о дружбе; также наблюдается развитие мотива труда, актуального в литературе послевоенного периода. Понятия – «отечество», «родина», «комсомол» глубоко осмыслены в его поэзии.

Особое место в творчестве Х. Кулиева отведено детской литературе. В сборники «Къарылгъач» («Ласточка», 1962), «Бизни тѣгерэгибизде» («Возле нас», 1966), «Жулдузчукъ» («Звездочка», 1972) вошли произведения, адресованные детям дошкольного и младшего школьного возраста [Кулиев 1962; Кулиев 1972].

Произведения отличает описательно-назидательный характер, но наставления не становятся навязчивыми, в них важен элемент игры, веселья. Поэзия для детей направлена не только для развития сознания маленького читателя, но и к его чувствам:

*Шок атылды,
Коян жыгылды,
Журекчиги уа
Орге тыгылды.
Ок тиймегенлей
Тенгерѣб калды,
Уучу кесерге
Бичагын алды.
Бу сермешуде
Уучу утулду,
Коянчык саулай
Качыб кутулду. [Кулиев 1962: 12].*

*Стрельнуло оружие,
Заяц упал,
Сердечко подступило наверх,
Пуля не задела
Но свалился,
Охотник взял нож.
Чтобы порезать.
В этом сражении
Охотник промахнулся,
Заяц живой
Бегом спасся.*

Х. Кулиеву удалось многопланово раскрыть различные темы, ориентированные на младшее поколение. Некоторые стихи для детей проникнуты идеями воспевания социализма («Москва», «Школчула» («Школьники»), «Колхозда жашуубуз» («Жизнь в колхозе»)) [Кулиев 1970]. Детская литература в развитии ребенка оказывает большое влияние на приобретение новых знаний и умений, развитие психических процессов, где особое место по мнению Х. Кулиева, занимает игра («Ойнайла, кол тутушуб» («Играют, борются на руках»), «Сабийле кышда» («Дети зимой»), «Гинжим» («Моя кукла»)) [Кулиев 1967]. Писатель использует возможности детского фольклора, благодаря этому произведения содержательны и интересны для юных читателей.

Творчество Хажимусы Кулиева занимает определенную нишу в карачаево-балкарской литературе. Его наследие характеризуется жанровым разнообразием, важное место в творчестве писателя занимают произведения на историческую тематику. Они посвящены народному героизму, патриотизму, верности воинскому долгу. Детские стихи Х. Кулиева несут в себе познавательный, эстетический и нравственный заряд и могут применяться не только в качестве развлечения, но и также для формирования устойчивой нравственной традиционной народной картины мира у подрастающего поколения.

Список источников

- Кулиева 2003 – *Кулиева Ж.* Кулиев Хажимуса Атабиевич // Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в.). Нальчик: Издательский центр «Эль-фа», 2003. С. 250–251.
- Кулиев 1959 – *Кулиев Х.* Каштанлы шахар (Каштановый город): Стихи и песни. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. 94 с.
- Кулиев 1962 – *Кулиев Х.* Къарылгъач (Ласточка). Стихи для детей. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. 23 с.
- Кулиев 1963 – *Кулиев Х.* Озалла жылла (Годы проходят): Стихи. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. 114 с.
- Кулиев 1967 – *Кулиев Х.* Жашнасын жер (Пусть цветет земля): Стихи и сказки. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1967. 96 с.
- Кулиев 1970 – *Кулиев Х.* Жырны заманы (Время песни): Стихи. Поэма. Нальчик: Эльбрус, 1970. 205 с.
- Кулиев 1972 – *Кулиев Х.* Жулдузчук (Звездочка): Стихи для детей младшего школьного возраста. Нальчик: Эльбрус, 1972. 76 с.
- Синяевский 1961 – *Д. Синяевский А. Д.* История русской советской литературы Т. III. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 57 с.
- Трубина 2015 – *Трубина Л.А.* Некоторые тенденции развития литературы о Великой Отечественной войне / Отечественная словесность о войне. Проблема национального сознания: К 70-летию Победы о Великой Отечественной войне: Материалы XX Шешуковских чтений / под ред. Л.А. Трубиной. М.: МПГУ, 2015. 408 с.

References

- KULIEVA Zh. *Kuliev Hazhimusa Atabievich // Pisateli Kabardino-Balkarii*. [Kuliev Khazhimusa Atabievich // Writers of Kabardino-Balkaria (XIX – late 80s of the XX century)]. Nalchik: Izdatel'skiy centr «El'-fa». 2003. P. 250–251 (In Russian).
- KULIEV Kh. *Kashtanovyy gorod: Stikhi i pesni*. [Chestnut city: Poems and songs]. Nalchik: Kabardino-Balkarskoye knizhnoye izdatel'stvo. 1959. 94 p. (In Balkar).
- KULIEV Kh. *Lastochka. Stikhi dlya detey* [Swallow. Poems for children]. Nalchik: Kabardino-Balkarskoye knizhnoye izdatel'stvo. 23 p. (In Balkar).
- KULIEV Kh. *Gody prokhodyat: Stikhi* [Years pass: Poems]. Nalchik: Kabardino-Balkarskoye knizhnoye izdatel'stvo. 114 p. (In Balkar).
- KULIEV Kh. *Pust' tsvetet zemlya: Stikhi i skazki* [Let the earth blossom: Poems and fairy tales]. Nalchik: Kabardino-Balkarskoye knizhnoye izdatel'stvo. 96 p. (In Balkar).
- KULIEV Kh. *Vremya pesni: Stikhi. Poema* [In the time of singing: Poems. Poem]. Nalchik: Elbrus. 205 p. (In Balkar).
- KULIEV Kh. *Zvezdochka: Stikhi dlya detey mladshego shkol'nogo vozrasta* [Poems for children of junior school age]. Nalchik: Elbrus. 76 p. (In Balkar).
- SINYAVSKY A.D. *Istoriya russkoy sovetskoy literatury Tom III* [History of Russian Soviet Literature Volume III]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 1961. 57 p. (In Russian).
- TRUBINA L.A. *Nekotoryye tendentsii razvitiya literatury o Velikoy Otechestvennoy voyne / Otechestvennaya slovesnost' o voyne*. [Some trends of development of literature about the Great Patriotic War / Patriotic literature about the war]. Problema natsional'nogo soznaniya: 70-letiyu Pobedy o Velikoy Otechestvennoy voyne: Materialy XX Sheshukovskikh chteniy / pod red. L.A. Trubinoy. Moscow: MPGU. 408 p. (In Russian).

Информация об авторе

Р.А. Керимова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы.

Information about the author

R.A. Kerimova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector Karachay-Balkar Literature.

Статья поступила в редакцию 14.06.2024; одобрена после рецензирования 28.06.2024; принята к публикации 30.06.2024.

The article was submitted 14.06.2024; approved after reviewing 28.06.2024; accepted for publication 30.06.2024.

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-78-85

МАТЕРИАЛЫ К ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ ПШЕМАХО КОЦЕВА

Дмитрий Николаевич Прасолов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dmprasolov@gmail.com <http://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

© Д.Н. Прасолов, 2024

Аннотация. Представлены две статьи П. Коцева, которые вышли под псевдонимом П. Кабардей в октябрьских номерах газеты «Терек» за 1909 г. и не были включены в опубликованные ранее сборники его публицистики. Важность этих источников определяется хронологией и содержанием материалов, дополняющих картину становления публицистического творчества автора. Первая статья выражает обобщенное и критическое высказывание П. Коцева о традиционализме кабардинского общества, препятствующем его развитию в меняющихся социокультурных условиях. Вторая статья выражает мнение автора о проблемах коневодства и пастбищного землепользования. Очевидно, обе статьи стали откликами на общественные дискуссии, которые разворачивались в конце 1900-х гг. на съездах доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ. Статьи, которые вводятся в научный оборот, представляют ценность не только как наиболее ранние образцы публицистики П. Коцева, но и как источник по истории развития интеллектуальной культуры кабардинцев, развивающейся в контексте формирующейся на Северном Кавказе публичной сферы как одной из современных социокультурных практик.

Ключевые слова: Пшемахо Коцев, кабардинцы, Нальчикский округ, местное самоуправление, Съезд доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ, публичная сфера, традиционализм, Зольские и Нагорные пастбища

Для цитирования: Прасолов Д.Н. Материалы к публицистическому наследию Пшемахо Коцева // Вестник КБИГИ. 2024. № 2 (61). С. 78–85. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-78-85

MATERIALS TO THE PUBLICISTIC HERITAGE OF PSHEMAKHO KOTSEV

Dmitry Nikolaevich Prasolov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dmprasolov@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-0026-1262>

© D.N. Prasolov, 2023

Annotation. The article presents two articles by P. Kotsev, which were published under the pseudonym of P. Kabardey in the October 1909 issues of the newspaper ‘Terek’ and were not included in the previously published collections of his publications. The

importance of these sources is determined by the chronology and the content of the materials that complete the picture of the formation of the author's journalistic work. The first article expresses P. Kotsev's generalised and critical statement about the traditionalism of Kabardian society, which hinders its development in the changing socio-cultural conditions. The second article expresses the author's opinion on the problems of horse breeding and pasture land use. Obviously, both articles were the author's responses to the public discussions that unfolded in the late 1900s at the congress of entrusted of Greater and Lesser Kabarda and the Five Mountain Societies. The articles that are being introduced into the scientific turnover are valuable not only as the earliest examples of P. Kotsev's publicism, but also as a source of information. Kotsev's articles are valuable not only as the earliest examples of P. Kotsev's publicism, but also as a source on the history of the development of Kabardin intellectual culture, which is developing in the context of the public sphere as one of the modern socio-cultural practices emerging in the North Caucasus.

Keywords: Pshemakho Kotsev, Kabardians, local self-government, Nalchik district, Congress of entrusted of Greater and Lesser Kabarda and Five Mountain Societies, public sphere, traditionalism, Zolsky and Nagorny pastures

For citation: Prasolov D.N. Materials to the publicistic heritage of Pshemakho Kotsev. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 2 (81): 78–85. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-78-85

В 1909 г. с разницей в одну неделю в октябрьских номерах владикавказской газеты «Терек» были опубликованы статьи за подписью П. Кабардей. В течение нескольких лет он останется авторским псевдонимом Пшемачо Коцева, 25-летнего студента выпускного курса юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Выходные данные публикуемых статей были включены Р.У. Тугановым в его выдающийся библиографический труд [Библиография 1998: 322]. Однако сами тексты не опубликованы в изданиях публицистики П. Коцева, подготовленных Р.Х. Хашхожевой [Адыгская публицистика... 2005: 159–188] и А.Х. Кармовым [Кармов 2018].

Эвристический потенциал публикуемых источников определяется не только возможностью более объективного понимания истоков и эволюции общественно-экономических взглядов П. Коцева. В публицистическом высказывании в не официальной региональной прессе по поводу деятельности местного самоуправления в Нальчикском округе автор выступает как сторона дискуссий, которые на момент публикации статей в газете «Терек» – до октября 1908 г., не привели к положительному разрешению противоречий различных групп интересов на Съездах доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ, а потому выносит их на иной уровень общественного обсуждения. Материалы представленных статей раскрывают больше возможностей для анализа распространения новых идей в экономической культуре, их динамики в современных формах публичной коммуникации и рационально-критической дискуссии, реализуемых на специфическом уровне общественных отношений, которую Ю. Хабермас назвал «публичной сферой». Ее бурное развитие и участие в реализации инициатив в общественно-государственной сфере Кавказского края стало возможным вследствие государственно-правовых изменений, порожденных российской революцией 1905 г. и восстановления Кавказского наместничества. [См. на примере земского движение на Северном Кавказе – Прасолов 2020: 77].

Основными акторами «публичной сферы» в Нальчикском округе стали представители формирующейся национальной интеллигенции кабардинцев и балкарцев. Статья «Мысли о Кабарде» [Терек. 1909. № 3555. С. 2–3] иллюстрирует личностную социокультурную самоидентификацию П. Коцева. Его обобщенное экзистенциальное размышление о судьбах традиционного кабардинского общества связано с контекстом дискуссий, происходивших на окружных съездах

доверенных. Примечательна эволюция, связанная с этим уровнем общественно-государственного взаимодействия, отразившаяся в своеобразной публицистической «переключке» и других уроженцев Нальчикского округа. В 1899 г. молодой юрист Б. Шаханов писал: «Аристократическая Кабарда, как руина прошлого, стоит на перепутье, сознавая, что то, что она выработала, надо оставить, что так жить, как жили раньше нельзя, а как жить иначе – указать ей некому. Пробуждение началось...» [Биттирова 2018: 129]. В 1908 г. П. Коцев «в борьбе культурными способами» видит приоритетные средства и направление в развитии своего народа, «отрешившись от всего отжившего, удержав и развивая лучшие черты национального свойства, впитывая в себя общественно-необходимые организации и учреждения, нужные плоды цивилизации» [Терек. 1909. № 3555. С. 3]. В начале 1911 г. в обзоре новейших достижений окружного самоуправления, опубликованном в заметке «Кабарда проснулась» для журнала «Мусульманин», М. Абаев с удовлетворением отмечал, что «Кабарда и сопредельные с ней горские общества Нальчикского округа, наконец, вступили на культурную дорогу... В последние 2–3 года картина изменилась. На съезде уполномоченных от населения начала появляться своя, хотя и немногочисленная, интеллигентная молодежь и стала помогать прогрессивному элементу в проведении культурных начал, а затем явились молодые юристы и врачи из своих и некоторые из них начали работать на родине» [Этюды... 2007: 136–137].

В «Мыслях о Кабарде» П. Коцев эмоционально критикует чрезмерный традиционализм доверенных от сельских обществ, препятствующий модернизации кабардинского общества, восприятию им новых перспективных начинаний, жалеет об утрате прежних лидерских позиций среди народов Северного Кавказа. Осуждение традиционализма было продолжено в статье «К пастбищному вопросу в Кабарде» [Терек. 1909. № 3561. С. 3], где автор конкретизирует критику, обращаясь к проблемам землепользования Зольскими и Нагорными пастбищами. Соглашаясь с недостатками в деятельности комиссии по распределению пастбищ, он отстаивает перспективность обновленных временных пастбищных правил, учитывающих масштабы хозяйственной деятельности коннозаводчиков. Надежды автора, что обновленные временные правила останутся в силе, оправдались лишь отчасти.

Публицистические дискуссии в региональной прессе вокруг пастбищного вопроса и деятельности Поземельной комиссии в Нальчикском округе продолжились и после октябрьского съезда доверенных 1909 г., в преддверие которого, очевидно, и были опубликованы рассматриваемые статьи П. Коцева [ТВ. 1908. № 255, 256, 276, 277, 278]. Негативные общественные оценки привели к тому, что действие депутатов по распределению пастбищ было прекращено в конце 1909 г. [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 767. Л. 49об.]. Нельзя исключать, что критика действий комиссии помешала отцу автора – крупному коннозаводчику Тамаша Коцеву весной 1910 г. приобрести в аренду с торгов достаточное количество необходимых угодий для пастбы лошадей [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 767. Л. 49об.]. На мартовском съезде доверенных 1910 г. под влиянием коннозаводческого лобби был выработан проект новых пастбищных правил, вносящий существенные изменения в порядок традиционного землепользования [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 767. Л. 49об.], который был созвучен предложениям, высказанным П. Коцевым в статье «К пастбищному вопросу в Кабарде».

В мае 1910 г. Пшемахо получил диплом юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Но прежде чем в ноябре 1910 г. он был зачислен в штат Екатеринодарского окружного суда [Кармов 2018: 6], в августе 1910 г. на первом всероссийском съезде коннозаводчиков им было сделано сообщение о состоянии кабардинского коневодства. Представляя здесь интересы крупных коннозаводчиков, он предложил проект приоритетного наделения их пастбищами с правом многолетней аренды Опубликованное под его настоящим именем в

материалах съезда выступление уже более обстоятельно и для профильной аудитории содержало авторское видение способов решения проблемы пастбищного землепользования в Нальчикском округе. [Кармов 2018: 22–30]. На мартовском съезде доверенных 1911 г. новые пастбищные правила были приняты в окончательной редакции [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 1032. Л. 25], а 22 февраля 1912 г. их утвердил Кавказский наместник И.И. Воронцов-Дашков [Законодательные акты... 1914: 5]. Однако юридическое оформление коннозаводческих интересов только усилило их неприятие другими группами пользователей пастбищными угодьями, прежде всего из числа крупных скотоводов. Их влияние на общественное мнение усилило раздражение ограничениями традиционной относительной общедоступности пастбищ. В конце мая – начале июня 1913 г. крайнее обострение противоречий между сторонниками прежнего и нового порядка пастбищного землепользования привело к массовым беспорядкам на Зольских пастбищах. В этой связи сведения из второй статьи П. Коцева представляют факты, объясняющие происхождение экономических противоречий, приведших к возникновению в кабардинском обществе крупнейшего проявления социального протеста начала XX в.

Таким образом, публикуемые ранние статьи П. Коцева являются важными источниками по истории совместного самоуправления кабардинцев и балкарцев в начале XX в. и становления «публичной сферы» на Северном Кавказе как составной части модернизационных практик в общественно-государственном взаимодействии.

Кабардей П. Мысли о Кабарде

Тяжело, жутко в наш век величайшего прогресса говорить о своей культурной бедности, но закрывать глаза не приходится.

Не в замалчивании темноты, невежества и отсталости, не в сокрытии дефектов общественной жизни Кабарды ее будущее. Необходима посильная борьба с темными силами, необходимо обличать тьму и суеверие, необходимо открыто порицать все порочное, отживающее.

Окружающая нас жизнь с головокружительной быстротой мчится вперед, накопляя культурные ценности, широко раздвигая рамы прогресса. Пока это жизнь мчится мимо нас, но она может пойти и через нас, и тогда несдобровать не подготовленной к культурной жизни Кабарде.

В жестокий век борьбы за существование только та народность может выдержать эту борьбу, у которой имеются элементы общечеловеческой культуры, которая, если и не создает ее (где уж там!), то может вбирать как губка в себя плоды цивилизации извне, перенимать, пересаживать их к себе.

Народность, не способная к этому, обречена на гибель.

Мы, кабардинцы, пребывающие в блаженном неведении того, что делается за пределами Кабарды, чуть ли не сознательно отрекшиеся от всяких культурных начинаний, как улитки, прячущиеся за отжившими адатами, – боюсь, если так будет продолжаться и дальше обречены на ничтожество, на рабство. Кабарда, которая в былые времена, при былых условиях жизни, давала тон почти всем племенам Сев[ерного] Кавказа, у которой перенимали обычаи, которая являлась примером благородства, теперь, когда «былые времена» отошли в области преданий, когда условия жизни и кавказских горцев коренным образом изменились. Кабарда сильно отстала, отстала не только от европейцев, но и от своих же соседей-горцев.

От старого дедовского наследия не осталось почти ничего, вместо былой солидарности и общности интересов, – мелкие интрижки и шкурный интерес, вместо былого благородства – угодничество перед сильными и мелочное себлюбие.

По пути к двадцатому веку, растеряв все ценное, что было в нас, мы приобрели кое-что новое, но только не ценное.

Бывает ли так всегда и со всеми отсталыми национальностями, когда они сталкиваются с цивилизацией, но нас она коснулась больше своими худшими сторонами. Мы до сих пор толком не поняли пользы просвещения, чуть ли не противимся ей, интеллигенции в истинном смысле слова не имеем, а прекрасно знакомы со всеми прелестями ресторанной жизни.

Не имея никакой медицинской помощи, на общественных сборах «с треском» проваливаем разумное предложение – создать участковые лечебницы, и очень даже знакомы с так называемыми «русскими» болезнями.

Мы не поддерживаем единственной просветительской организации, и она, благодаря индифферентизму нашему, принуждена прозябать.

Школы в аулах стоят заколоченными, а дешёвой внешней изысканности и напускного европеизма в нас хоть отбавляй!

Если бессознательно, чисто механически и приобретено что-либо ценное, то оно, растворенное в темноте, суеверии и косности, имеет очень мало значения. Не с богатым багажом Кабарда вступила в XX век, а век этот жесток и не терпит отсталости.

Кабарде, если она не желает доходить до рабского положения, надо начинать сизнова культурное строительство. Начинать пока не поздно.

Отрешившись от всего отжившего, удержав и развивая лучшие черты национального свойства, впитывая в себя общественно-необходимые организации и учреждения, нужные плоды цивилизации, мы будем в состоянии «приобщиться к культурной семье». Тогда борьба, ведущаяся культурными способами, для нас не будет опасной.

Пока же живем старым «жиром», а им долго не проживешь!

Кабардей П. К пастбищному вопросу в Кабарде

Коневодство и скотоводство, как известно, являются главной отраслью хозяйства, главным источником средств существования кабардинцев, а отсюда естественно, что пастбищный вопрос для Кабарды является вопросом первостепенной важности, что на всех общекабардинских съездах вопрос этот является самым острым.

Но, несмотря на всю остроту, несмотря на то, что от более или менее удовлетворительного разрешения его, от того или иного способа распределения земель зависит экономическое благосостояние громадного большинства кабардинского народа и пяти горских обществ, - и по настоящее время пастбищный вопрос удовлетворительным образом не разрешен.

Пастбищные земли наши не то, чтобы «велики и обильны», но их – достаточно, а вот «порядка» в их пользовании действительно нет.

От незапамятных времен Кабарда владеет Зольскими и Горными пастбищами; вот уже почти пол века как актом Высочайшего пожалования эти земли закреплены за Кабардой и пятью горскими обществами «в целях развития скотоводства вообще, коневодства в особенности», а между тем благодаря нерациональному способу распределения пастбищных мест скотоводство не развивалось, а коневодство в особенности за последнее время падает. Количественно табуны за последние 10 лет уменьшились почти наполовину, а качественно – когда-то прекрасные кони – «кабардинцы» воспетые боевые друзья – постепенно вырождаются в тощих жалких лошадемок.

Между тем, при умелом пользовании пастбищными местами, при умелом ведении хозяйства, скотоводство и коневодство должно было бы, если не процветать, то стоять на известной высоте.

А вот «порядка-то у нас нет».

Был момент, когда, казалось, настанет порядок в способе распределения пастбищ. До 1906 г. пастбищами пользовались на началах так называемого «подымного» способа распределения. За время в 20 с лишним лет этот способ был очень уж известен. Несмотря на кажущуюся равномерность распределения большинство аулов должно было покупать за громадные деньги пастбища у других селений, имевших излишки, причем и продающим почти ничего не перепало, ибо отдельный хозяин данного аула распоряжался по своему усмотрению излишком. Так как пастбища, по акту пожалования, предназначены исключительно для пастбы скота, то сельчане, не имеющие его в обилии, мало им интересовались, а продавший землю только вносил аулу десятикопеечный подесятинный сбор, всю же остальную сумму опускал в свой карман.

В декабре 1906 г. на общественном кабардинском сборе, после недельных жарких дебатов, после неудачной защиты «подымного» дележа, этот способ был общественным приговором отвергнут.

Тут же были выработаны временные правила пользования на 3 года, избрана комиссия из шести лиц, которая должна была распределять земли.

Согласно правилам, все земли распределяются комиссией. Последняя, по сопоставлении количества скота и пастбищ, удовлетворяет всех нуждающихся за 10-коп. подесятинную плату. Никто не может продавать, помимо комиссии, ни клочка пастбищного места.

Комиссия же, по удовлетворении всех скотовладельцев, остающиеся излишки сдает в аренду с публичных торгов, вырученные же земли поступают к общественному казначею и идут на текущие нужды кабардинского народа.

Не знаю – сколь строго комиссия придерживалась временных правил, не знаю – сколь основательны нападки на комиссию, но факт тот, что комиссия эта вызвала всеобщее неудовольствие еще до истечения трехлетия, в мае текущего года была избрана специальная комиссия для выработки нового проекта правил пользования пастбищными землями.

Этим избранием специальной комиссии уже предрешается судьба правил 1906 г.

Здесь кроется недоразумение мы видим как недовольство, вызванное депутатами комиссии, поглощает собой и те начала, которые они должны были проводить; мы видим, как девиз: «Долой депутатов комиссии», по недоразумению, предполагает и – «долой временные правила 1906 г.», тогда как правила сами по себе здесь не причем.

Если комиссия, которая должна была проводить в жизнь основные положения правил, не была на высоте своего призвания, не соответствовала своему назначению, то сюда вовсе не следует, что и правила никуда негодны.

Правила эти, пока нет лучших, должны быть подтверждены и остаться.

Возможно ли вернуться к «подымному» способу распределения?

Нам кажется, что нет.

Нам кажется, что раз так единодушно осужденный, почти разорительный способ пользования пастбищами, будет столь же единодушно осужден и во второй раз.

Нам кажется – останутся в силе временные правила 1906 г. При ином составе комиссии, при избрании которой не будут руководствоваться, как мерилем мудрости и опытности, количеством прожитых лет и степенью белизны волос, а отыщут более ценное мерило.

Список источников

Адыгская публицистика... 2005 – Адыгская публицистика конца XIX – начала XX века (Избранное) / Сост. Р.Х. Хашхожева. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 360 с.

Библиография... 1998 – Библиография Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи с древнейших времен по 1917 год / Составитель: Р.У. Туганов. [2-е изд., перераб. и доп.]. Нальчик: Эль-Фа, 1998. Т. 1: 1998. 380 с.

Биттирова 2018 – *Биттирова Т.Ш.* Басият Шаханов. Жизнь и творчество (Исследование, тексты). Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. 336 с.

Кармов 2018 – *Кармов А.Х.* Пшемахо Коцев – общественно-политический и государственный деятель Северного Кавказа. Нальчик, 2018. 168 с.

Законодательные акты... 1914 – Законодательные акты, касающиеся Северного Кавказа и, в частности, Терской области: Сб. законов, указов Правительствующему сенату, положений Ком. министров, правительственных распоряжений, разъяснений Гос. сов. и Правительствующего сената / Сост. А.А. Кануков. Владикавказ: типо-литография А.Г. Габисова, 1914. 72 с.

Прасолов 2020 – *Прасолов Д.Н.* Земский вопрос в общественно-государственном взаимодействии на Кавказе в конце XIX – начале XX в. // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 4. С. 69–94. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-69-94>

ТВ – «Терские ведомости». Газета, г. Владикавказ

Терек – газета, г. Владикавказ

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

Этюды... 2007 – Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басият Шаханов / Сост., прим. и коммент. Т.Ш. Биттировой. Нальчик: Эльбрус, 2007. 408 с.

References

Adygskaia publitsistika kontsa XIX – nachala KhKh veka (Izbrannoe) [Adyghe publicism of the end of XIX – beginning of XX century (Selected)] / Compiled by R.Kh. Khashkhozheva. Nal'chik: El'-Fa, 2005. 360 p. (In Russian)

Bibliografiya Kabardino-Balkarii, Karachaevo-Cherkesii i Adygei s drevneishikh vremen po 1917 god [Bibliography of Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia and Adyghea from ancient times to 1917] / Compiled by R.U. Tuganov. [2-е изд., перераб. и доп.]. Nal'chik: El'-Fa, 1998. V. 1: 1998. 380 p. (In Russian)

BITTIROVA T.Sh. *Basiyat Shakhanov. Zhizn' i tvorchestvo (Issledovanie, teksty)* [Basiyat Shakhanov. Life and creativity (Research, texts)]. Nal'chik: ООО «Pечатnyi dvor», 2018. 336 p. (In Russian)

Etyudy o Balkarii: Urusbievy, Misost Abaev, Basiyat Shakhanov [Etudes on Balkaria: Urusbievys, Misost Abaev, Basiyat Shakhanov] / Compiled by T.Sh. Bittirova. Nal'chik: El'brus, 2007. 408 p.

KARMOV A.Kh. *Pshemakho Kotsev – obshchestvenno-politicheskii i gosudarstvennyi deyatel' Severnogo Kavkaza* [Pshemakho Kotsev – social-political and state figure of the North Caucasus]. Nal'chik, 2018. 168 p. (In Russian)

Zakonodatel'nye akty, kasayushchiesya Severnogo Kavkaza i, v chastnosti, Terskoi oblasti: Sb. zakonov, ukazov Pravitel'stvyuyushchemu senatu, polozhenii Kom. ministrov, pravitel'stvennykh rasporyazhenii, raz'yasnenii Gos. sov. i Pravitel'stvyuyushchego senata [Legislative acts concerning the North Caucasus and, in particular, the Terek region: Collection of laws, decrees to the Government Senate, regulations of the Committee of Ministers, government orders, and clarifications of the State Council and the Government Senate] / Compiled by A.A. Kanukov. Vladikavkaz: tipo-litografiya A.G. Gabisova, 1914. 72 p. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *Zemskii vopros v obshchestvenno-gosudarstvennom vzaimodeistvii na Kavkaze v kontse XIX – nachale XX v.* [The Zemsky question in the social and state interaction in the Caucasus in the late XIX – early XX centuries]. IN: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». 2020. N 4. P. 69–94. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-69-94> (In Russian)

Terskie vedomosti – gazeta, Vladikavkaz (In Russian)

Terek – gazeta, Vladikavkaz (In Russian)

TsGA RSO-A – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)

UTsGA AS KBR – Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Administration of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

Информация об авторе

Д.Н. Прасолов – кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии и этнографии.

Information about the authors

D.N. Prasolov – Candidate of Science (History) , Head of the Department of Ethnology and Ethnography.

Статья поступила в редакцию 11.06.2024; одобрена после рецензирования 22.06.2024; принята к публикации 30.06.2024.

The article was submitted 11.06.2024; approved after reviewing 22.06.2024; accepted for publication 30.06.2024.

IN MEMORIAM

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-86-108

КАВКАЗОВЕД В.Х. КАЖАРОВ: ТРУДЫ ПО ЧЕРКЕССКОМУ ФЕОДАЛИЗМУ*

Фатима Анатольевна Озова

Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск, Россия, fo7799@gmail.com

© Ф.А. Озова, 2024

Аннотация. Статья посвящена одному из ведущих современных российских ученых, внесших значительный вклад в развитие исторического кавказоведения, доктору исторических наук В.Х. Кажарову. Историк разработал многие аспекты аграрной и этнополитической истории, в частности проблемы новаций и трансформаций традиционной политической культуры конца XVIII–XIX в., а также вопросы духовной и интеллектуальной истории.

Применив при анализе истории базовых институтов черкесского социума (вотчина-община / къуажэ, сословно-представительное собрание / хасэ, великий князь / пшышхуэ) структурный подход, ученый сформулировал концепцию кризиса феодалных отношений в Черкесии и решил проблему причин дивергенции путей общественного развития аристократических и демократических политий страны.

Без учета результатов исследований В.Х. Кажарова невозможно понимание социально-политической истории всего Северного Кавказа.

Ключевые слова: В.Х. Кажаров, истоки, философско-историческое мировоззрение, Хасэ, къуажэ, дивергенция, аристократический восток, демократический запад

Для цитирования: Озова Ф.А. Кавказовед В.Х. Кажаров: труды по черкесскому феодализму // Вестник КБИГИ. 2024. № 2 (61). С. 86–108. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-86-108

Original article

CAUCASIAN STUDY V. KH. KAZHAROV: WORKS ON CIRCASSIAN FEUDALISM

Fatima A. Ozova

Karachay-Cherkess Order “Badge of Honor” of the Institute of Humanitarian Research named after Kh. Kh. Khapsirokov, Cherkessk, Russia, fo7799@gmail.com

© F.A. Ozova, 2024

Abstract. The article is dedicated to one of the leading modern Russian scientists who made a significant contribution to the development of historical Caucasian studies, Doctor of Historical Sciences V.Kh. Kazharov. The historian developed many aspects of agrarian and ethno-political history, in particular the problems of innovations and transformations

* Перепечатывается с ранее опубликованной статьи: Озова Ф. А. Кавказовед В. Х. Кажаров: труды по черкесскому феодализму // История и историки. Историографический вестник / Институт Российской истории РАН. М.: Наука, 2015–2019 гг. / Отв. ред. чл.-кор. РАН А.Н. Сахаров. 2021. С. 304–328.

of traditional political culture of the late 18th – 19th centuries, as well as issues of spiritual and intellectual history.

Having applied a structural approach to the analysis of the history of the basic institutions of Circassian society (patrimony-community / kuazhe, estate-representative assembly / khase, grand duke / pshchyshkhue), the scientist formulated the concept of the crisis of feudal relations in Circassia and solved the problem of the causes of the divergence of the paths of social development of the aristocratic and democratic polities of the country.

Without taking into account the results of V. Kh. Kazharov's research, it is impossible to understand the socio-political history of the entire North Caucasus.

Keywords: V.H. Kazharov, origins, philosophical and historical worldview, Khase, kuazhe, divergence, aristocratic East, democratic West

For citation: Ozova F.A. Caucasian study V.Kh. Kazharov: works on circassian feudalism. Vestnik KBIGI = KBiHR Bulletin. 2024; 2 (61): 86–108. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-86-108

*Главные биографические факты – книги,
важнейшие события – мысли.*

В.О. Ключевский

Научное творчество доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Кабардино-Балкарской Республики, лауреата Государственной премии КБР (1997), заведующего отделом исторических наук Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН (далее – КБИ-ГИ) (1993–2013) Валерия Хашировича Кажарова пришлось на переломные десятилетия рубежа XX–XXI вв. Для В.Х. Кажарова, происходившего по российским меркам из такой глубокой провинции, как город Нальчик, никогда не был характерен, говоря словами А.Я. Гуревича, «культурный изоляционизм и интеллектуальный провинциализм [Гуревич 1991: 501]. Само провидение, казалось, подготовило его к историографической революции, разразившейся в отечественной гуманитарной науке в последнее десятилетие XX в. Его капитальные исследования по истории черкесского феодализма, осуществлявшиеся в 1980 гг. фактически в стол, оказались востребованы в начале 1990-х гг. и были опубликованы одно за другим [Кажаров 1992а, 1992б, 1994]. Круг научных интересов ученого также в полной мере соответствовал тенденциям развития мировой исторической мысли конца XX в. Историк разрабатывал множество аспектов аграрной и этнополитической истории, проблемы новаций и трансформаций традиционной политической культуры конца XVIII–XIX вв., важнейшие стороны духовной и интеллектуальной истории, ментальности и исторического сознания черкесов. Казалось бы, очень далекие друг от друга темы обретали в конечном итоге в трудах В.Х. Кажарова гармоничную целостность, актуализируя и выдвигая на первый план парадигму познания человека через его социальное и ментальное измерения.

Идеи и манера исследования, заложенные В.Х. Кажаровым, как и его личность, притягивавшая людей как магнит в силу своей внутренней свободы, духовного, нравственного и интеллектуального потенциала, оказывали огромное влияние на его коллег. В.Х. Кажаров еще при жизни был признан основателем собственной научной школы кавказоведения [Бгажноков 2009: 6], [Абазов, Губжоков и др. 2009: 19]. Однако заданная историком планка оказалась так высока, что по прошествии трех десятилетий, мы не можем назвать ни одной работы, сопоставимой по глубине анализа и масштабности поднимаемых проблем с исследованиями ученого. Его концепция развития черкесского феодализма не была существенно дополнена, намеченная им линия системного анализа не получила дальнейшего развития [Кажаров 2012а: 34]. В данной связи представляется актуальным выявление в трудах историка узловых проблем черкесского феодализма и путей их дальнейшего комплексного изучения.

Труды В.Х. Кажарова

Научное наследие Кажарова, несмотря на многочисленное обращение к нему историков (к примеру: [Семенов 1998: 16], [Боров, Азикова 2008: 6–12], [Губжоков 2014: 236–238], [Кажаров 2012а: 34–36], [Бгажноков 2009: 3–6], [Абазов, Губжоков и др. 2009: 7–44]), только ждет своего должного осмысления, но уже очевидно, что оно составляет веху не только в кавказоведении, но и в российской историографии в целом. Нет сомнения в том, что исследования В.Х. Кажарова могут быть причислены к числу трудов такой плеяды ученых-кавказоведов, как К.Ф. де Сталь, Н.И. Карлгоф, Ш.Б. Ногмов, С. Хан-Гирей, Е.Д. Фелицын, М.О. Косвен, Г.А. Кокиев, В.К. Гарданов, Е.Н. Кушева, Р.У. Туганов, Т.Х. Кумыков, С.А. Арутюнов. Монография В.Х. Кажарова «Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века» сразу же после выхода в свет была особо отмечена в контексте анализа истории развития мировой и отечественной этнологии [Семенов 1998: 16].

Значительное место в научном наследии ученого занимают проблемы изучения черкесского феодализма. Им были посвящены его кандидатская и докторская диссертации и изданные на их основе фундаментальные монографии [Кажаров 1981: 65–80], [Кажаров 1982], [Кажаров 1992], [Кажаров 1993], [Кажаров 1994], [Боров, Думанов, Кажаров 1999]. Определенный итог исследованиям по этой проблематике был подведен В. Х. Кажаровым в «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (М., 2006). Основополагающие труды В.Х. Кажарова в этой области можно назвать методическими ключами к макро- и микро-исследованиям социально-политической и социально-экономической истории Кавказа, в силу чего ни одна работа по истории длительной феодальной эпохи на Кавказе не может обойтись без учета их результатов.

Коллеги отмечают, что «участие В.Х. Кажарова в том или ином научном проекте было гарантией его успеха» [Губжоков 2014: 237]. В связи с актуализацией конфессионального дискурса в Российской Федерации вопрос о роли религиозных институтов в жизни общества, как в ретроспективе, так и в перспективе, приобрел на рубеже 1990–2000 гг. новое звучание. В 2002 г. под руководством В.Х. Кажарова в Кабардино-Балкарской Республике была осуществлена совместная комплексная этнографическая экспедиция сотрудников Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая и КБИГИ. По ее итогам в РГНФ была представлена рукопись обширной монографии «Ислам в КБР».

В 2005 г. под руководством В.Х. Кажарова издано уникальное по своей источниковой ценности собрание черкесских песен времен Кавказской войны. Предисловие В.Х. Кажарова «Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны» [Адыгские песни ... 2005] имеет важное методологическое значение для разработки проблем исторической памяти, традиционализма и новаторства в политической культуре черкесов.

Выход в свет «Адыгской (черкесской) энциклопедии» остается беспрецедентным событием не только для черкесов, но и для всех народов Кавказа. Очевидна выдающаяся роль В.Х. Кажарова в реализации этого проекта. Здесь проявились и талант ученого, и его значительные научно-организаторские способности. В энциклопедии впервые в отечественной историографии была наиболее полно воссоздана целостная картина тысячелетнего исторического пути черкесского этноса.

В 2007 г. вышла в свет коллективная монография «Северный Кавказ в составе Российской империи», в которой В.Х. Кажаров выступил автором и соавтором многих глав. Она получила высокую оценку профессионального сообщества, как в России, так и за рубежом [Губжоков 2014: 237].

В последние годы В.Х. Кажаров уделял особо пристальное внимание разработке проблем интеллектуальной истории, исторической ментальности и в этом

контексте – исторической памяти и историческому сознанию своих соотечественников. Осмысление данных тем базировалось на анализе интеллектуального наследия знаковых личностей, не только представлявших социальную и политическую элиту, но и оставивших глубокий след в истории Черкесии и в историческом сознании народа. Среди них были Жабаги Казаноко [Кажаров 2005а: 301–328], Шора Ногмов [Кажаров 2005б: 326–344] Измаил-бей и Адиль-Гирей Атажукины, Исхак Абуков [Кажаров 2006: 500–511]. В 2012 г. вышла первая из планировавшихся им работ по анализу исторического сознания черкесов (кабардинцев). Однако исследованию «Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в.» суждено было, к сожалению, стать не первым, а последним трудом из запланированного им интереснейшего и большого научного проекта [Кажаров 2012а: 5].

Размышления ученого в контексте изучения различных видов исторической памяти, о социальной ответственности историка, являющегося профессиональным хранителем этой памяти, остались напутствием его ученикам и последователям. Сам В.Х. Кажаров, державший высокую нравственную планку не только в своем научном творчестве, но и в жизни, доказал, что историк должен быть достоин этого высокого звания.

Истоки

Поиски истоков интеллектуального прорыва, совершённого В.Х. Кажаровым в кавказоведении, ведут в его послевоенное детство и пришедшуюся на «хрущевскую оттепель» юность.

Валерий Хаширович Кажаров родился в 1949 г. в селении Сармаково Нагорного района Кабардинской АССР в семье ветерана Великой Отечественной войны. Вскоре его родители врачи-стоматологи обосновались в г. Баксане. В школе он учился блестяще, успевая при этом отдавать достаточно много времени любимому футболу, общению с друзьями, связь с которыми сохранил на всю жизнь.

Увлечение историей у В.Х. Кажарова шло из детства. Как это бывает часто, оно углубилось под влиянием школьного учителя истории Л.С. Шогенова. Вместе с ним ученики, в числе которых был и В.Х. Кажаров, участвовали в археологических раскопках под руководством известного археолога Н.А. Шафиева. В 1966 г. Кажаров, закончив с золотой медалью среднюю школу, поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета (далее – КБГУ).

Университет в г. Нальчике представлял во второй половине 1960-х гг. подлинный оазис просвещения, где сосредотачивалась по-настоящему талантливая и пытливая молодежь. Достаточно сказать, что Кажарову при поступлении на историческое отделение историко-филологического факультета пришлось выдержать конкурс в 12 человек на место. Среди тех, кто учился с ним одновременно, были впоследствии видные историки Н.Ф. Бугай, Б.Х. Бгажноков, лингвист и писатель Б.К. Утижев. На факультете преподавали такие крупные кавказоведы, как Т.Х. Кумыков, Е.Дж. Налоева.

Уже в студенческие годы за В.Х. Кажаровым закрепилось реноме блестящего интеллектуала и очень светлого человека, он был удостоен уважения не только сверстников, но и многих авторитетных и любимых студентами преподавателей. Творческая атмосфера в университете проявлялась и тем, что студенты много читали, дискутировали по различным научным и философским проблемам. В.Х. Кажаров особенно охотно посещал богатую научной литературой районную библиотеку в родном Баксане. Он проявлял живой интерес к философским трудам, любовь к которым была привита ему его старшим братом, физиком по специальности, Борисом. Будущий историк особенно почитал пронизанное насквозь

постулатами об этических императивах учение основателя немецкой классической философии Иммануила Канта. Это юношеское увлечение имело значительное влияние на научную судьбу ученого (впрочем, как и на научную судьбу разделявшего его интерес к философии, Б.Х. Бгажнокова, ставшего известным благодаря своей «Адыгской этике» (Нальчик, 1999)). Основные принципы кантианства в значительной мере определили пристрастие В.Х. Кажарова к вопросам исторической гносеологии. Юношеский выбор не был случайным, если взглянуть на учение И. Канта с точки зрения ценностей черкесской ментальности, ярким носителем лучших черт которой — честности, человечности, благородства, чувства долга — был сам В.Х. Кажаров. Таким образом, очевидно, что система черкесского миропонимания, никогда не выходящая из поля научного интереса историка, была важнейшим фактором его развития как ученого. В этом отношении показательный случай, оставшийся в памяти друзей семьи Кажаровых. Когда мама-врач указала своему сильно увлекавшемуся чтением сыну-четверокласснику на необходимость побережь здоровье и не проводить так много времени за книгами, он ответил: «Как же ты не понимаешь, мама, ведь я читаю не для себя, а для народа».

Важную роль в формировании мировоззрения ученого сыграло знакомство с трудами Г.В.Ф. Гегеля. Молодой человек был впечатлен не только его историко-философской доктриной, но и трактовкой места черкесов в историческом процессе [Гегель 1977: 61, 63]. Научное творчество В.Х. Кажарова с очевидностью говорит о том, что историк навсегда усвоил уроки гегельянства о том, что движущей силой истории является сознание людей.

В.Х. Кажаров пронес любовь к философии через всю жизнь, собрав значительную личную библиотеку из произведений любимых мыслителей. Этот опыт, несомненно, способствовал чуткости историка к теоретическо-методологической проблематике и к историографическим инновациям. Все его предпочтения в области методологии, как оказалось впоследствии, были так или иначе связаны с авторами, являвшимися в свою очередь почитателями классической немецкой философии. Среди них — патриарх голландской медиевистики Йохан Хейзинга (1872–1945), представители всех трех периодов французской школы «Анналов», Клод Леви-Строс (1908–2009), Мишель Фуко (1926–1984). В последние годы жизни В.Х. Кажаров уделял больше внимания антропологическим проблемам черкесского общества, стремясь осмыслить бытие его представителей сквозь призму исторически менявшихся в нем ценностных идеалов, моральных принципов и норм. В связи с такой постановкой проблемы особую актуальность для него стал представлять экзистенциально-антропологический подход. Одним из последних авторов, к которым обращался историк, был Ж.-П. Сартр (1905–1980).

Формирование философско-исторического мировоззрения

После окончания КБГУ В.Х. Кажаров отправился в Москву для поступления в аспирантуру Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая (ныне — Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук им. Н.Н. Миклухо-Маклая). В 1971–1975 гг. он прошел курс аспирантуры под руководством выдающегося ученого заведующего сектором Кавказа Института этнографии АН СССР В. К. Гарданова (1961–1985). По воспоминаниям сотрудников Отдела Кавказа он отличался от всех других аспирантов «своими глубокими познаниями, нестандартностью мышления, глобальностью задумок» [Губжоков 2014: 236].

В.Х. Кажаров с головой окунулся в работу в крупнейших архивах и ведущих библиотеках столицы. Очевидно, что уже в ходе работы над кандидатской диссертацией стали складываться теоретико-исторические взгляды В.Х. Кажарова. Тема исследования «Сельская община у адыгов в первой половине XIX в. (Поземельные отношения)» была, с одной стороны, в значительной мере связана с русской

историографической традицией, а с другой — с марксистско-ленинским учением об общественных формациях. В ходе работы над источниками и историографией Кажаров выявил, что данная проблематика в дореволюционной историографии не была разработана в достаточной мере, а в советской — идеологизирована и окутана устаревшими, примитивизированными представлениями. Позднее В.Х. Кажаров отмечал: «Сложилась ситуация, когда существование у них (черкесов. — О.Ф.) сельской общины воспринималось как нечто самоочевидное при полном отсутствии сколько-нибудь серьезных попыток конкретного описания ее элементов и функций, не говоря уже об отсутствии комплексного, системного ее исследования» [Кажаров 1993: 13].

В.Х. Кажаров предпринял изучение аграрного строя черкесского феодального общества через призму марксистской теории и методологии [Кажаров 1982: 9], рассматривавшей под общественными формациями и, в частности под феодализмом, целостный социальный организм. Солидное философское самообразование способствовало достаточно последовательному и творческому использованию им марксистской методологии. Многим тонкостям изучения аграрного строя он научился, осваивая труды российских классиков аграрной истории и медиевистики. Это были, прежде всего, сочинения А.И. Неусыхина, А.А. Кауфмана, М.А. Дьяконова, К.Р. Качаровского, Е.А. Косминского, М.А. Барга, С.Д. Сказкина, А.Р. Корсунского, А.Я. Гуревича, Л.В. Черепнина, А.П. Новосельцева. Позднее В.Х. Кажаров отмечал, что для анализа поземельных отношений черкесов в своей квалификационной кандидатской работе он использовал структурно-функциональный и историко-генетический методы, строго разграничив и скоординировав их в рамках системного подхода [Кажаров 1992: 13].

По окончании аспирантуры В.Х. Кажаров вернулся в Нальчик. Здесь ряд лет он не мог трудоустроиться по специальности, был вынужден по протекции отца, известного в республике врача, занять должность заведующего Общекурортным музеем г. Нальчика (октябрь 1975 – ноябрь 1979). Все попытки его друзей, хорошо знавших и понимавших абсолютное несоответствие психотипа личности Кажарова и характера занятой им должности, получить для него работу в небогатом научными учреждениями Нальчике заканчивались неизменным отказом. Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, историк не прекращал научных изысканий. Наконец, в 1980 г. он был принят в КБНИИ (так назывался КБИГИ до 1997 г.) на должность старшего лаборанта сектора этнографии.

В 1982 г. в Институте этнографии АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации В. Х. Кажарова «Сельская община у адыгов в первой половине XIX в. (Поземельные отношения)». Им был сделан вывод о бытовании в первой половине XIX в. у черкесов не архаической, а феодальной сельской общины. «Но дальнейшая реализация системного подхода выявила несостоятельность и этого определения», — писал он сам позднее [Кажаров 1993: 13].

Существенное влияние на формирование философско-исторических взглядов ученого оказали общественно-политические процессы в обществе 1980–1990-х гг., связанные со сменой социально-экономической парадигмы развития страны. В эти десятилетия произошло критическое переосмысление советского историографического проекта, приведшее к снижению «эвристической значимости марксистского мировоззрения» [Иллерицкая 2009: 162, 163]. В контекст этого «интеллектуального плюрализма» [Иллерицкая 2009: 163] органично вписалось и научное мировоззрение Кажарова. Трудно переоценить влияние на развитие исторического мышления ученого (как, впрочем, и многих историков его поколения) публикаций на русском языке фундаментальных трудов европейских мыслителей, определявших развитие исторической науки в мире на протяжении всего XX столетия.

Особенно импонировало В.Х. Кажарову научное творчество Йохана Хейзинги (1872–1945). Из его трудов, ставших предтечей французской школы «Анналов»,

Валерий Хаширович выделял «Осень средневековья» (1919) (издана на русском языке в 1988 г.). Совершенно логично, что почитатель творчества Канта В.Х. Кажаров полюбил научное творчество Йохана Хёйзинги, насквозь пронизанное стремлением к нравственному императиву. Историк, разделяя взгляды Хёйзинги на сущность истории как духовной формы, в которой нация отдает себе отчет о своем прошлом, также разделял его научное кредо о возможности объективного исторического познания и веру в его нравственную миссию.

Идеи, заложенные в трудах всех поколений школы «Анналов», а особенно первого и второго, получили развитие в капитальных монографиях В.Х. Кажарова «Адыгская вотчина» и «Адыгская Хаса». Эти названия наглядно демонстрируют отход В.Х. Кажарова от распространенного в советской историографии метода «коллекционирования фактов» и его предпочтение подходу «история-проблема». Последний в числе прочих задач предполагал поиск «в прошлом ответов на актуальные проблемы современности» [Демьяненко, Дятлова, Украинский 2011: 56]. Влиянием школы «Анналов» можно объяснить также и постоянное стремление В.Х. Кажарова к междисциплинарному, прежде всего, историко-социологическому анализу социально-политических институтов в контексте особенностей черкесской ментальности.

В 1981 г. В.Х. Кажаров представил концепцию [Кажаров 1981: 66–69], развитую чуть позднее в исследовании «Кризис традиционного феодализма в Кабарде...» и составившую основу докторской диссертации. Этот труд, заверченный в основном еще в 1986 г., был опубликован только в постсоветский период [Бгажкоков 2009: 3], [Кажаров 2012: 34].

В 1988–1991 гг. В.Х. Кажаров являлся докторантом Института этнологии и антропологии РАН (далее – ИЭА РАН). В эти годы он продолжал трудиться над проблемами черкесского феодализма. Как уже отмечалось, в начале 1990-х гг. стало возможным издание его исследований. Они были опубликованы одно за другим в течение трех лет: «Адыгская хаса» (1992), «Адыгская вотчина», (1993), «Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX вв.» (1994).

Историк использовал в них наряду с марксистскими, методы школы «Анналов» и неопозитивизма, структурализма Клода Леви-Строса, и последние явно доминировали. В докторской диссертации ключевое место заняли понятия «структура» и «трансформация» [Энафф 2010: 29]. Надо отметить, что В.Х. Кажаров опроверг с помощью этих понятий представления их создателя Леви-Строса о принадлежности черкесского социума к «примитивному» типу обществ.

Научным консультантом историка был А.И. Першиц. Немногословный и скупой на похвалу Абрам Исаакович «называл Валерия Хашировича талантливейшим человеком и высоко ценил его теоретические построения» [Губжоков 2014: 236]. В 1994 г. В.Х. Кажаров защитил в Институте этнологии и антропологии РАН докторскую диссертацию. Защита прошла блестяще, диссертация имела большой резонанс в научном сообществе. Присутствовавший на ней З.А. Кожев (в то время – аспирант ИЭА РАН) вспоминает, что этнолог Я.В. Чеснов отмечал: «В области исследования общественных институтов, работу Кажарова на сегодняшний день попросту не с чем сравнить».

В эти годы пошла вверх и научная карьера В.Х. Кажарова. В июле 1993 г. он стал заведующим отделом истории КБНИИ. Деидеологизация научной деятельности, имевшая место в 1990-е гг., в результате которой российское историографическое пространство стало развиваться «как полифоническая система, в рамках которой сосуществуют различные направления, исследовательские проекты, идеи и тенденции» [Иллерицкая 2009: 163] способствовала появлению адекватной оценки трудов В.Х. Кажарова не только на научном, но и на общественном уровне. В 1997 г. монография «Традиционные общественные институты кабардинцев

и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX вв.» была удостоена Государственной премии КБР в области науки. В 1999 г. за большой вклад в развитие исторической науки в КБР В.Х. Кажарову присвоили звание «Заслуженный деятель науки КБР».

В.Х. Кажаров был блистательным организатором науки. Его руководство отделом истории в КБИГИ было отмечено значительным институциональным развитием. Благодаря Кажарову отдел истории вырос в мощное научное подразделение – отдел исторических наук КБИГИ, состоявший из четырех секторов – истории, этнологии, источниковедения, археологии и групп по изучению генеалогии и проблем современного развития общества [Бгажноков 2009: 5–6]. В 1996 г. в КБИГИ были открыты аспирантура и докторантура по историческим дисциплинам. В 2005 г. при активном участии историка стал издаваться приобретший сразу же успех не только в среде профессионального сообщества, но и у широкой читательской аудитории любителей истории «Исторический вестник», главным редактором которого он неизменно оставался до конца жизни. Создание журнала дало мощный импульс кавказоведческим исследованиям в регионе. Здесь публиковались статьи многих именитых авторов не только РФ, но и всего постсоветского пространства. В их числе имелось множество работ и самого историка. Их отличало, как и все его изыскания, интересное и важное для развития кавказоведения методологическое и концептуальное наполнение [Кажаров 2005а], [Кажаров 2005б], [Кажаров 2006а], [Кажаров 2006б], [Кажаров 2006в], [Кажаров 2008а], [Кажаров 2008б], [Кажаров 2008в], [Кажаров 2012б], [Кажаров 2012в].

Таким образом, живой интерес к философским проблемам, накопленный В.Х. Кажаровым с юности солидный багаж знаний в самых различных областях социологии, европейской, русской и кавказской истории способствовали формированию у него так ярко проявившихся во всех его трудах многомерного научного мировоззрения и развитого исторического мышления. Тонкую научную интуицию и проницательность историка можно объяснить также его глубокой связью со своим народом, в гуще которого он прожил всю свою жизнь.

Социальная единица черкесского общества

В.Х. Кажаров внес важный вклад в системное изучение институциональной истории феодальной Черкесии и, прежде всего, структурообразующей единицы черкесского феодального социума вотчины-общины (къяужэ). В капитальной монографии «Адыгская вотчина» В.Х. Кажаров показал, что структурообразующей единицей черкесского феодального общества являлась не сельская община, как это считалось ранее [Кажаров 1993: 6–15], а вотчина-община (къяужэ), где лексема *вотчина* отражала сущность этого социального института, а лексема – *община* – его форму. Именно в силу этой особенности социально-политического развития черкесов имело место противоречие между различными сведениями источников: одна часть показывала высокий уровень феодальных отношений, а другая отмечала бытование в Черкесии черт архаической общины [Кажаров 1993: 6–15]. Благодаря фундаментальным философским познаниям В.Х. Кажарову удалось раскрыть существование феодальной вотчины в *форме* архаической общины, что позволило снять имевшийся гносеологический конфликт. Таким образом, заслуга В.Х. Кажарова состояла в том, что он извлек из архаической «оболочки» ее содержание – феодальную вотчину.

Историк показал, что вотчина «была тесно взаимосвязана со своим антиподом – сельской общиной» [Кажаров 1993: 3]. Он выявил, что аграрная структура феодального общества Черкесии состояла из наложенных друг на друга двух систем (1) феодальное землевладение и 2) общинное землепользование) [Кажаров 1981: 72] и трех подсистем (1) вотчина (структурообразующий элемент), 2) многосословность,

3) элементы общины [Кажаров 1992: 32]. В результате трансформации сельская община «перестала существовать как социальная организация, будучи полностью поглощенной вотчиной» [Кажаров 1994: 132]. Однако ее внутренняя структура, будучи исторически наиболее стабильной формой общественной жизни, стала одним из главных факторов, поддерживавших сохранение многих традиционных черт черкесского феодального общества [Кажаров 1981: 69]. Так, на протяжении всего периода существования феодальных отношений в черкесском социуме устойчиво сохранялась большая семья, «состоящая из нескольких поколений родственников по прямой линии» [История КБАССР 1967: 149]. Во многих обществах это было характерно для патриархально-общинных и раннефеодальных отношений. Вследствие такой особенности важнейшей чертой такого порядка стало то, что хозяйство феодала не было значительно крупнее хозяйства крестьянина. При этом феодал входил в общину наряду с другими членами на правах ее привилегированного члена [История КБАССР 1967: 71] – главы общины [История КБАССР 1967: 73]. Так проявлялось привилегированное положение сеньора, чьи права на землю были закреплены не юридически, а фактически. И именно в силу этого феодал обладал правовыми, экономическими и политическими привилегиями. Эксплуатация крестьян, представлявшая собой различные виды феодальной земельной ренты, прикрывалась «оболочками», представлявшими собой традиционные для архаической общины институты взаимопомощи [История КБАССР 1967: 71].

Вслед за Е.Дж. Налоевой, исследовавшей феодальную вотчину в сравнительно-историческом и юридическом аспектах [Налоева 1980: 20–21], Кажаров осуществил анализ вотчины как социальной единицы черкесского феодального общества. Он отмечал, что вотчинный принцип пронизывал всю институциональную инфраструктуру черкесского феодального общества. Ученый выявил, что понятие *вотчина* в черкесском языке является «крайне полисемантическим» [Кажаров 1993: 16], это родовое понятие разделялось на несколько видов. Вотчина-деревня или вотчина-община – *кьуажэ*, где черкесское село представляло собой пространственную проекцию особой социальной единицы, являлась основной, но не единственной, единицей феодального владения. Помимо нее существовали «фамильные княжеские вотчины-уделы, частные княжеские вотчины-уделы, фамильные и частные вотчины знатных дворян (тлелотлешей и дигенуго), включавшие несколько деревень, вотчины поместья внутри села» [Кажаров 1993: 16, 17]. Таким образом, вся феодальная Черкесия была «разбита на десятки тысяч таких мельчайших вотчин, человек любого социального ранга свою свободу и неприкосновенность (при всей относительности в условиях феодализма) прежде всего, связывал с положением вотчинника» [Кажаров 1994: 126, 127].

В.Х. Кажаров отмечал, что утверждение Н.И. Карлгофа о том, что «первый элемент общества составляет свободное семейство с его подвластными» [Кажаров 1994: 126, 127], приблизило его к пониманию микроструктуры черкесского феодального общества. «Свободное семейство» Карлгофа, сохранив «оболочку» или внешние признаки родовой организации, представляло собой на самом деле социально-экономическую и социально-политическую единицу черкесского феодального социума – вотчину [Кажаров 1993: 83]. В.Х. Кажаров отмечал, что мелкие вотчины были «микроструктурой, микроэлементом, первичным элементом феодально-вотчинной системы, пределом ее делимости, за которым теряется ее основное качество. <...> Выражаясь образно, мелкие вотчины являлись социальными «атомами» этого общества, а вотчина-община была «молекулой», или основной системообразующей клеткой, связывающей ее в одно целое» [Кажаров 1994: 121, 122].

Выводы В.Х. Кажарова подтверждаются исследованиями других авторитетных историков. В.А. Дмитриев, к примеру, на основе анализа сведений С. Хан-Гирея замечает, что описанные им адыгские роды или «семейства» (соответствовали

латинской *familia* в значении родового названия) не сохранили «своей роли организатора пространства расселения его членов» и представляли собой «ментальные конструкции» [Дмитриев 2004: 118–119]. А.И. Робакидзе, при ошибочности ряда положений его концепции «горского феодализма», точно подмечал, что сохранение формы «патронимической семьи» нового типа было обусловлено заинтересованностью самой феодальной системы «в наличии платежеспособных и трудоспособных семей, на которых держалось феодальное хозяйство» [Робакидзе 1978: 18].

Из десятков вотчин-общин (кьуажэ), являвшихся основными административно-хозяйственными, территориальными, социальными и административно-политическими единицами [Кажаров 1993: 15–17], состояли удельные вотчины, принадлежавшие фамилиям сеньоров, а они, в свою очередь, составляли княжества. Названия всех видов феодалов-вотчин происходили от патронимов [Русские авторы XIX века... 2001: 191].

Проблема типологии черкесского феодализма

Очевидно, что В.Х. Кажаров изначально не ставил перед собой честолюбивой задачи «перевернуть» все представления о социально-политической системе Черкесии, однако, получилось именно так. Общеизвестно, что «выявление вотчины как структурообразующего элемента адыгского феодализма, исследование глубинных основ вотчинной организации, ее взаимосвязи с особенностями менталитета адыгов» [Бгажноков 2009: 4], стало большой научной заслугой В.Х. Кажарова, поставившей окончательную точку в вопросе об уровне и характере общественного развития черкесов в XVI–XVIII вв. и в спорах об «особом» историческом пути некогда самого многочисленного народа Кавказа – черкесов.

Проблема уровня социально-политического и социально-экономического развития Черкесии являлась одной из сложных в кавказоведении. В.Х. Кажаров отмечал, что в отечественной историографии доминировали взгляды, содержащие в себе по существу «две антитезы в понимании их общественного строя: как общинно-родового и как феодального» [Кажаров 1994: 50]. Через изучение аграрного строя, процессов генезиса, развития и кризиса черкесской вотчины-общины с помощью метода компаративистики историк доказал, что сходство западноевропейской и черкесской моделей развитой системы вассалитета, на которое обращали внимание многие авторы XV–XIX вв., а также российские государственные деятели, не являлось случайным совпадением внешних признаков. Эта близость была порождена органическим сходством аграрной эволюции. В качестве особенностей черкесского феодализма назывались, прежде всего, следующие черты:

1. Князя (пшы), обладая феодальной собственностью на землю, будучи верховным распорядителем всей земли княжеств, как и другие сеньоры (уэркъ), не имели своей запашки: они участвовали наряду с крестьянами в регулярном переделе пашенных наделов, им принадлежала запашка, которая зачастую не превышала размера крестьянского надела, а если и превышала, то незначительно. В отличие от крестьян у них была привилегия на «полный плуг», на который полагалось 8 быков, в то время как максимальный надел крестьян составлял участок земли, вспаханный 3 парами быков [Кажаров 1994: 87–89].

2. Доходы пши / пшы и уорков / уэркъ складывались, прежде всего, из ренты, получаемой с различных категорий крепостных крестьян [Кажаров 1994: 179].

3. Вслед за Н.И. Карлгофом [Карлгоф 1860: 517] и В.К. Гардановым [Гарданов 1967: 328] В.Х. Кажаров еще более убедительно показал, что полнокровные феодальные, а затем и демократические процессы развивались в Черкесии (XIX в.) исключительно внутри патриархальных и раннефеодальных форм – «оболочек» или «юридических фикций» [Кажаров 1994: 87].

Исследования В.Х. Кажарова позволяют сделать следующий шаг в сравнительном анализе черкесской и европейских феодальных систем, а также сопоставить так называемые специфические черты черкесского феодализма с типологическими чертами западноевропейского феодализма. Так, С.Д. Сказкин выделял такие характерные черты французского феодализма, как:

1. Сеньор, являвшийся феодальным собственником крестьянской земли, не имел «собственной запашки, или эта запашка близка по своим размерам к обычному крестьянскому держанию».

2. «Основной доход сеньора составляли денежные и натуральные платежи земледельцев, живущих на территории его сеньории, а не доход от собственного хозяйства, от его собственной запашки».

3. «Вплоть до XIX в. сеньориальный строй несет на себе следы своего раннефеодального происхождения» [Сказкин 1973: 199–200].

Наглядно, что идентифицированные как **специфические** для черкесского феодализма черты представляют собой не что иное, как **характерные** признаки феодального строя Западной Европы. Таким образом, несмотря на географическую отдаленность Черкесии от этой части света, можно утверждать, что структурно-институциональные исследования В.Х. Кажарова подтвердили: черкесский феодализм не только был близок «к европейскому типу феодализма» [Ковалевский 2006: 229], но и представлял собой один из его вариантов. Наряду с французским, итальянским и юго-западногерманским вариантами можно говорить и о черкесском варианте западноевропейского типа феодализма. Одно из объяснений такого совпадения состоит в общности древних архетипических начал общественного устройства в странах Европы и Черкесии, на что еще в 1848 г. обращал особое внимание Н.И. Карлгоф [Карлгоф 1860: 517].

Периодизация истории феодализма в Черкесии

В контексте изучения типологии черкесского феодализма не было удивительным стремление В.Х. Кажарова к выработке периодизации истории Средневековья, которая обнаружила бы маркеры, наиболее характерные черты того или иного периода и позволила бы выделить магистральную линию развития этноса.

В решении этой задачи важную роль сыграл структурный подход историка, выявление и разграничение им предметов исследования и дифференциации понятий [Кажаров 1981: 72–73]. Обращают на себя внимание особые усилия ученого в разделении черкесской социально-политической лексики как источниковых терминов, с одной стороны, и научных понятий – с другой. Такой подход способствовал значительному углублению многоаспектного анализа фундаментальных институтов черкесского социума. Это касалось, прежде всего, его социальной основы – вотчины-общины кьуажэ и важнейших элементов политической системы – законодательных сословно-представительных собраний Хасэ, пшышхуэ (великий князь), Главного или княжеского суда (Хей) и традиционного третейского суда Тхьэрыуэ Хасэ (букв. «Божий суд», суд присяжных) на протяжении XVIII–XIX вв.

На основе изучения вотчины-общины во временной динамике В.Х. Кажаров обосновал правомерность разделения истории феодализма в Черкесии на три стадии: генезис, зрелость, кризис. Процесс генезиса феодальных отношений датировался им V–XIII вв. [Кажаров 1994: 115], когда формировалась вотчина-община (кьуажэ) как социальная единица черкесского феодального общества. В XIV–XVII вв. феодализм достиг зрелости, доказательством чему является установление в черкесском обществе: 1) безраздельного господства феодальной земельной собственности; 2) безусловного торжества ее организационного воплощения – вотчины; 3) раскол общества на два резко поляризованных класса, исчезновение архаического слоя свободных общинников [Кажаров 1994: 135]. В XVI–XVII вв.

феодализм в Черкесии «обнаружил пределы своего роста» [Кажаров 1994: 135]. Таким образом, на основе трудов историка можно выделить следующие этапы развития феодализма в Черкесии [Кажаров 1994: 112–115, 135]:

1. Генезис. V–XIII вв.
2. Зрелость. XIV–XVII вв.
3. Кризис. XVIII–XIX вв.

Традиции государственно-политического устройства Черкесии

В государственно-политической истории черкесов выделяется два уровня: 1) архаический – с III тыс. до н.э. до XV в. и 2) исторический – с XV в. до XIX в. [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 5]. Эта периодизация достаточно условна и требует уточнений. Сегодня можно указать на необходимость большей степени ее корреляции с большими европейскими эпохами – Античностью, Средневековьем и Новым временем. С другой стороны, нужна коррекция через призму вышеприведенной периодизации В.Х. Кажарова эпохи феодализма в Черкесии. В этом ракурсе развитие подхода В.Х. Кажарова к анализу системы политической культуры Черкесии путем дифференциации различных пластов государственно-политической традиции с точки зрения их места в политической культуре народа имеет серьезные исследовательские перспективы. Первый уровень институтов составлял фундамент «функционирования и последующих модификаций» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 7] политической системы. Он объединял политические институты, которые, несмотря на определенную дискретность существования во времени, бытовали на протяжении всей истории политического существования народа. Второй – трансформации этих институтов, сохранившие «генетическую связь с прежней государственностью». В-третьих – имплицитные явления, скрытые в глубинных пластах этнической культуры и обладающие «определенным потенциалом ревитализации» [Боров, Думанов, Кажаров 1999]. В.Х. Кажаров считал первоочередной задачей изучения явлений первого порядка, связанных с глубокими государственно-политическими традициями черкесов. К ним можно отнести, прежде всего: 1) тип государственности (маленькие политии и их союзы (благъагъэ)); 2) систему государственного управления (институты Хасэ и Тхъэмадэ); 3) институты социально-политического саморегулирования (гостеприимство, аталычество, искусственное родство и др.), строившиеся на принципах союзничества (благъагъэ).

Проблема типологии феодальной государственности Черкесии

В современном историческом обыденном сознании черкесов и в черкесской историографии «начало процессов формирования ранней государственности у предков адыгов принято относить к III тыс. до н.э.» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 7]. Это была эпоха формирования на северо-востоке Малой Азии городов-государств, на основе которых произошло становление во II тыс. до н.э. могущественной Хеттской империи. Генетически с государствами хаттов и касков Малой Азии была связана бытовавшая в традиционном ареале проживания адыгов и абхазов на Кавказе (IV–III тыс. до н.э.) самобытная майкопская культура. Эта древняя эпоха в истории черкесов идентифицируется историками как северная периферия древневосточной цивилизации. Доказана генетическая преемственность с майкопской культурой сменивших ее археологических культур [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 8].

Система государственного существования в форме малых политий и городов-государств, объединенных между собой политическими союзами (благъагъэ), совершенно определенно доминировала в политогенезе адыгов во все исторические

эпохи. В эпоху Античности этот тип черкесской государственности сохранялся в виде «маленьких независимых царств» [Русские авторы XIX века... 2001: 2205] (Синдского, Фатейского и др. (VI–IV вв. до н.э.)) и их союзов. Примером такого типа союзничества можно расценивать вхождение Синдского царства в начале IV в. до н.э. в Боспорское царство [История КБАССР 1967: 54]. В период Средневековья эта традиционная модель политогенеза проявилась через расцвет удельных феодальных княжеств и их союзов. Известность получили союзы раннефеодальных адыгских политий – Зихский (V–VIII вв.) (зихи – древнегреческая транслитерация древнего автоэтнонима черкесов *адыги*) [Лопатинский 1891: 1], [Этимология 1965: 336] и Касожский (VIII–X вв.) политические союзы [История КБАССР 1967: 66–69]. В историографии с их существованием связывается становление «единого древнеадыгского народа, отличавшегося общностью территории, языка, культуры, этнического самосознания, феодальным типом социальных отношений и государственного устройства» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 9]. Зихский и Касожский союзы сохранили исконную черту черкесского политогенеза – полицентрическое, децентрализованное политическое устройство. В.Х. Кажаров отмечал, что недостаточная централизация в масштабах Касожского союза «частично компенсировалась усилением государственного начала в отдельных его частях» [Боров, Думанов, Кажаров 1999]. При этом есть сведения о наличии в Касожском союзе мощных центробежных процессов. В начале XI в., к примеру, князь Касожский Ридадэ (Редедя) предстает в Лаврентьевской летописи как суверен единого политического организма [ПСРЛ], [Гадло 2006: 440–441, 447], [Шеуджен 2010: 60]. Попытки централизации Черкесии в пору зрелости феодальных отношений в XIII–XVII вв. и их кризиса в XVIII в. были дискретны. Они осложнялись постоянными экспансионистскими вызовами стране на протяжении столетий (татаро-монгольское нашествие XIII–XV вв., османская экспансия последней четверти XV в. – 1829 г., российская экспансия 1763–1864 гг.). После наиболее мощного центростремительного импульса, имевшего место в эпоху пщышхуэ Черкесии Инала (1427–1456), страна распалась сначала на два, а позднее на три княжества с политическими центрами на западе страны – в Причерноморье, в срединной части – на Кубани в урочище Майкоп и на востоке – в Пятигорье.

В период зрелого феодализма удельные князья «превратились в типичных феодальных государей с определенной территорией, подвластным населением, судом, войском и управленческим аппаратом» [Налоева 2015: 73]. Все уделы страны консолидировались в начале XVIII в. вокруг трех политических центров [Северный Кавказ в европейской литературе ... 2006: 100]. Во главе этих княжеств стояли избиравшиеся в Хасэ великие князья – пщышхуэ и сословно-представительные собрания. Политический строй феодальных княжеств Черкесии (на примере Кабарды) был идентифицирован Г.-Ю. Клапротом (1807, 1808), как республиканско-аристократический [АБКИЕА: 260]. В.Х. Кажаров, развив его идеи через исследование аграрного строя и государственно-политических институтов, пришел к заключению о том, что с XVI в. черкесские княжества стали управляться «сословно-представительными монархиями в форме федеративных княжеских республик» [Кажаров 1994: 267]. Он называл политическую систему Черкесии также полицентрической [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 14] или «децентрализованной сословно-представительной монархией в форме федеративной княжеской республики» [Кажаров 2012: 36]. Безусловно, в данном определении ключевое место принадлежит лексемам *полицентрическая* и *децентрализованная*, отражающим характерную черту черкесского политогенеза, начиная с древности. Особенность управляться на протяжении веков в виде «маленьких независимых царств» [Русские авторы XIX века... 2001: 220] способствовала среди прочих факторов формированию внутри черкесского народа черкесских субэтносов, которые фигурируют в источниках XIX в. как черкесские «народы» или «племена».

Несмотря на то, что использование В.Х. Кажаровым понятия «федеративный» предназначалось, прежде всего, для отличавшейся от других черкесских княжеств многонациональностью Кабарды, которую он именовал также «малой феодальной империей» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 19], надо признать его достаточно условным. Необходимо подчеркнуть, что в Кабарде федеративное политическое объединение, как и во всех регионах Черкесии, было основано на древней традиции децентрализованного государственного устройства. Именно в соответствии с этой политической матрицей были объединены в «федерации» политические субъекты. Если в Кабарде имели место определенные культурно-языковые отличия нескольких субъектов (ингуши, назраны, карабулаки, тагаурские осетины, урусбиевские осетины, хуламцы, безенги-осетины, шестиродные абазины, карачавцы) [Кажаров 1994: 179–180], то в подавляющей части страны принцип децентрализации существовал не по причине значительных языковых, правовых, политических, социально-экономических и культурных различий. Более того, источники подчеркивают полную идентичность в названных аспектах всех черкесских политий. К. Главани в начале XVIII в. их просто называл отдельными провинциями единой страны [Северный Кавказ в европейской литературе... 2006: 142]. Во всех частях Черкесии действовала неписаная Конституция Черкесии или Адыгэ Хабзэ, определявшая «порядок сношений, разрешений споров» внутри княжеств, «формы их объединений и руководства ими» [Катанчиев 2003: 33]. Сан великого князя (пщышхуэ) продолжал играть роль института и символа политической интеграции. Несмотря на политическую децентрализацию, потомки Кеса-Инала Иналиды [Леонтович 2002: 165], правившие в Черкесии в XIII–XIX вв., являлись единственными государями Черкесии и составляли единый и четко очерченный класс князей-пщы. С.М. Броневский очень тонко подметил этот важный нюанс политической системы Черкесии, подчеркивая, что княжеские роды управляются каждый в своем уделе как «властные владельцы, а в народных собраниях, как члены федеративного общества» [Броневский 1999: 175].

Чрезвычайно важен для изучения государственно-политического устройства Черкесии вывод В.Х. Кажарова о том, что Кабарда (а, соответственно, и другие черкесские княжества) не пошла в своем развитии дальше сословно-представительной монархии, как это было в типологически близких черкесам по социально-политическому устройству и менталитету обществах Западной Европы. К примеру, во Франции этот переход к абсолютной монархии состоялся в 1661–1715 гг. [Метивье 2005: 124]. Он показал, что даже в наиболее сильной своим аристократическим классом Кабарде «в господствующих структурах власти и собственности не выработались альтернативные им элементы (даже в самой зачаточной форме), которые впоследствии, в другом историческом контексте, стали бы переходным этапом к образованию абсолютной монархии» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 14]. Таким образом, традиция государственного управления через мелкие политии и их союзы стала фактором, который наряду с внешними экспансионистскими вызовами воспрепятствовала формированию не только на территории всей Черкесии, но и в отдельных княжествах, как, например, Кабарда, абсолютистской системы власти.

Проблема типологии черкесского парламентаризма

В свое время большой заслугой советских этнологов стало выявление такой важнейшей специфики черкесской социально-политической системы, как развитие феодальных отношений «под оболочкой различного рода патриархальных институтов и обычаев» [Гарданов 2004: 347]. Заслуга В.Х. Кажарова состояла в том, что он продолжил эти исследования на структурно-институциональном уровне. Всестороннее осмысление одного из главных элементов системы государственного

управления Черкесии – Хасэ, привело историка к выводу, что под этой лексемой в различные периоды истории черкесов скрывались разнообразные по своей сущности и характеру институты. Эта лексема обозначала как 1) архаичные народные собрания, так и 2) феодальные законодательные сословно-представительные собрания. В.Х. Кажаров отмечал, что такое словоупотребление не может быть случайностью. Он выявил пять общих параметров в функционировании архаичного народного (Нартхасэ, Хасэ нартов) и сословно-представительного собраний (Хасэ уделов и княжеств). «**Первая** и наиболее очевидная сходная черта заключалась в том, – писал историк, – что та и другая представляли собой политический институт, являвшийся высшим органом власти в рамках того общества, где он функционировал. **Во-вторых**, вся общественная жизнь, как нартов, так и адыгов в период феодализма вращалась вокруг хасы. **В-третьих**, эти советы были отделены от основной массы народа. **В-четвертых**, их состав не избирался. В нартскую хасу могли приглашать особо прославленных героев, но сам народ не избирал их. Внешне примерно так же (во всяком случае, до 60-х годов XVIII в.) обстояло дело и на феодальных советах, в которых князья и знатные дворяне участвовали в силу своего наследственного статуса и положения вотчинников. **В-пятых**, деятельностью этих советов руководил пожизненно избираемый председатель...» [Кажаров 1994: 209–210]. Однако, как отмечал Кажаров, несмотря на ряд общих характеристик, Хасэ в феодальную эпоху не была генетически связана с Хасэ архаической эпохи. Феодальная Хасэ возникла на основе княжеского совета и представляла собой новообразование [Кажаров 1994: 210]. Кажаров показал, что феодальная Хасэ не была застывшим институтом, что она эволюционировала в процессе развития феодальных отношений «от неструктурированных, аморфных совещаний к системно организованному (упорядоченному) сословно-представительному собранию» [Кажаров 1992: 14]. В Кабарде эта трансформация была связана с именем великого князя (пщышхуэ) Кабарды Беслана II (1498–1525) [Кажаров 1994: 84].

Произведенный В.Х. Кажаровым сопоставительный анализ черкесского феодального парламента Хасэ с парламентом Англии, Генеральными штатами Франции, сеймом Польши выявил их типологическую близость [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 17–18]. Она подтвердилась и ходом дальнейшей эволюции Хасэ в последней трети XVIII – первой половине XIX в. в трехпалатные, а в ряде провинций Западной Черкесии – во всесословные Законодательные Собрания. Время существования двухпалатного сословно-представительного собрания в Кабарде было им датировано XVI–XVIII в. (1767 г.) [Кажаров 1992: 15]. Тогда в результате крупнейшего антифеодального восстания, по решению Хасэ Кабарды она была преобразована в трехпалатную. В Западной Черкесии процесс демократизации зашел еще дальше: на месте двухпалатной Хасэ возникла в течение XVIII в. сначала трехпалатная Хасэ, а с 1803 г. по решению Печетникского съезда в Шапсугии в малых демократиях (Абадзехия, Шапсугия, Натухай, Убыхия) [АКАК: 890] трехпалатные феодальные парламенты трансформировались в демократические всесословные законодательные Народные Собрания. Анализ этих трансформаций делает очевидным, что многие из обычаев, регулировавшие деятельность архаических народных собраний, превратились в феодальный и демократический периоды, соответственно, в феодальные и демократические адаты. Общие черты представительных учреждений Черкесии на протяжении тысячелетий можно объяснить их тесной связью с ментальностью черкесского этноса.

Проблема дивергенции путей социального развития Востока и Запада Черкесии

Значительным научным достижением следует признать концепцию В.Х. Кажарова, выявившую причины дивергенции путей общественного развития Востока

и Запада Черкесии с конца XVIII в. Этот процесс был связан с тем, что кризис феодальных отношений в Черкесии протекал двумя разными путями. В соответствии с этим территория страны разделилась на демократически устроенный «запад» и оставшийся аристократическим «восток». В основе этой дифференциации лежали возникшие в период кризиса феодального строя территориальные различия в аграрном строе и появившиеся на этой основе отличия в социальном устройстве и политическом управлении на западе и востоке страны.

Такая дивергенция путей социального развития внутри одной этнической общности или страны для той эпохи была, скорее, типичной, чем уникальной [Сказкин 1973: 199]. Заслуга В.Х. Кажарова состоит в том, что он выявил основу дивергенции путей общественного развития Запада и Востока Черкесии – изменение аграрного строя на Западе страны. Он показал, что до демократических преобразований на территории всей Черкесии имела место полная идентичность (даже в деталях) аграрного строя: в формах землепользования, характере земледелия, особенностях землевладения, формах феодальной ренты и, соответственно, в социально-политической системе. Очевидно, что подобное тождество могло возникнуть «только в рамках одного этносоциального организма, приобретя в нем устойчивую структуру. <...> Неизменное функционирование этой системы на западе и востоке <...> доказывает долгую предысторию ее формирования в рамках одной древнеадыгской народности» [Кажаров 1994: 112–113]. В процессе эволюции общества и классовой борьбы в западной части страны возник отличный от востока страны тип земельного «утеснения». Последствием этого стала замена возникшей в процессе становления феодальной вотчины древней черкесской системы общинно-передельного землепользования системой частного подворного землевладения [Кажаров 1994: 106].

В.Х. Кажаров видел причины такой трансформации, во-первых, в горном ландшафте и малоземелье, а, во-вторых, – в особенностях экономики на западе и востоке страны. В горных областях страны из-за сложившегося типа земельного «утеснения» со временем стала доминировать система интенсивного полеводческого хозяйства. Здесь къяужэ состояли из 5–10 дворов и располагались «сплошной цепью по ущельям и речным долинам», границы между ними были нечетки и размыты [Кажаров 1994: 127]. Со стороны это смотрелось так, будто они располагались сплошной полосой. Обрабатываемые участки примыкали к усадьбам мелких вотчинников и передавались по наследству. Таким образом, в Западной Черкесии, как это было и в Западной Европе, земледельцы, вопреки субъективным устремлениям своих господ, добились превращения своего прикрепления к земле в его противоположность. Земля была превращена в наследственное достояние непосредственного производителя, который «стал считать себя собственником земли не в меньшей мере, чем его господин» [Сказкин 1973: 203]. Трансформация феодальной системы сопровождалась в Западной Черкесии упадком традиционной вотчинной организации, в том числе и вотчины-общины (къяужэ) и «широким распространением мелких тфокотльских вотчин нового типа» [Кажаров 1994: 127].

Важнейшим аспектом проблемы демократизации в Черкесии и дивергенции путей общественного развития является впервые поднятый историком вопрос о демократических реформах в Кабарде. Институциональные исследования позволили В.Х. Кажарову «изнутри» увидеть процессы демократизации в Кабарде. Однако эти преобразования были проведены не «снизу», как в Западной Черкесии, а «сверху» и во главе их стояли не представители среднего сословия, а правящий класс в лице князей (пщы) и дворян (уэркъ). В их основе лежал процесс трансформации фамильной феодальной земельной собственности в Кабарде в первой половине XVIII в. в «малосеймейную или личную собственность феодалов на землю» [История КБАССР 1967: 149]. Кризис феодальных отношений здесь, как

и Западной Черкесии, проявлялся народными восстаниями. Наиболее крупные из них в Кабарде – это восстания под руководством Машуко (начало XVIII в.) и Дамалея (середина XVIII в.).

В.Х. Кажаров показал, что кризис феодальных отношений привел к тому, что Кабарда также как и Западная Черкесия, была охвачена демократическими идеями. Более того, именно Кабарда стала первым черкесским княжеством, где состоялись демократические реформы. Одним из ярких подтверждений процессов демократизации кабардинского общества служит деятельность известного черкесского философа и общественного деятеля, советника пщышхуэ Кабарды Асланбека Кайтукина (1732, 1736–1739) Жабаги Казаноко (1686–1750). Он вошел в историю философии как защитник крестьянства [История философии... 1968: 486–487], [БСЭ 1973], [Сказания о Жабаги Казаноко... 2001: 9], что, очевидно, было связано с усилиями по предупреждению социально-политических преобразований в том радикальном виде, как они имели место несколькими десятилетиями позднее на западе Черкесии. В 1767 г. под давлением самого крупного в истории Кабарды народного восстания, по инициативе правящих кругов двухпалатное сословно-представительное собрание было преобразовано в трехпалатное [Кажаров 1994: 280–281] и внесены определенные изменения относительно правового положения податного сословия.

В Кабарде народное представительство в Хасэ было сформировано не на основе соседской общины нового типа, как на западе Черкесии, а на основе феодальной вотчины-общины (къуажэ). «Логично предположить, что многие из «старшин» попросту назначались их владельцами» [Кажаров 1994: 280], – отмечал Кажаров. В силу отсутствия у вотчины-общины в Черкесии большого потенциала для развития институтов самоуправления, социально-политические реформы в Кабарде не обладали той широкой социальной базой, какую они имели в западно-черкесских землях [Кажаров 1992: 85] и политический фасад феодальной системы здесь не претерпел существенных изменений. В результате этих процессов демократизация в Черкесии пошла на западе «снизу», а на востоке – «сверху» [Кажаров 1994: 281]. Демократические преобразования «снизу» привели к социо- и политико-генетическим процессам, в результате которых на месте княжеств Хегайкия, Жане и части территорий Бжедугии и Кемиргоя появились, говоря словами Г.В. Новицкого, «малые демократии» [АКАК: 890]: Абадзехия, Шапсугия, Натухай и Убыхия.

Историк выявил, что в основе «консерватизма» Кабарды лежал сложившийся на равнинах Черкесии тип земельного «утеснения», способствовавший сохранению традиционной для феодальной Черкесии системы переложно-залежного земледелия [Кажаров 1994: 109, 127]. «Сила» правящего класса Кабарды позволила ему монополизировать земельную собственность в своих руках, став ее «единственным субъектом» [Кажаров 1994: 35], а также произвести демократические реформы «сверху», предотвратив западно-черкесский вариант демократизации общества. Здесь вотчина-община не только не была разрушена, но даже получила дальнейшее укрепление [Кажаров 1994: 105–106]. Таким образом, несмотря на значительное сходство институциональных преобразований в Западной и Восточной Черкесии (создание трехпалатного сословно-представительного собрания Хасэ, изменение ряда норм неписаной черкесской Конституции Адыгэ Хабзэ, регулировавших межсословные отношения, изменение системы композиций), установившаяся разница в аграрном строе двух частей страны, привела к дивергенции социально-политического развития Запада и Востока Черкесии.

Взгляды В.Х. Кажарова на историческое значение демократических процессов в Черкесии отличались некоторой противоречивостью. Его оценка сущности демократических преобразований совпадала с оценкой В.К. Гарданова [Гаданов

1967: 250–251, 328], считавшего демократические преобразования в Черкесии проявлением внутрiformационного кризиса. Валерий Хаширович писал: «Как бы не оценивались предпосылки и результаты общественно-политического переворота у шапсугов, натухайцев и абадзехов, он означал не межформационный, а внутрiformационный кризис феодализма, т.е. он не был буржуазной революцией. Тем не менее, социальные изменения у них были настолько велики, что термин “революция”, употребляемый авторами первой половины XIX века не кажется гиперболой» [Кажаров 1992: 121–123]. В то же время историк отмечал, что если предположить, что развитие индивидуальной частной собственности в Черкесии было вызвано внутренними причинами, то надо согласиться и с тем, что феодализм «разлагался в силу наличия капиталистического уклада» [Кажаров 1994: 6].

Концепция В.Х. Кажарова о дивергенции путей общественного развития Востока и Запада Черкесии открывает совершенно новый взгляд как на социальную структуру черкесского общества, так и на ее отдельные элементы. Особенно актуален анализ стратификации среднего сословия, которое, с точки зрения В.Х. Кажарова, возникнув в Черкесии в XVI в., так до конца и не сформировалось. Однако ученый также отмечал, что те или иные слои внутри этого сословия получили различный социальный и политический престиж в результате разного характера демократических трансформаций в западной и восточной частях страны. Показательно, что термин *лхукъуэл*, которым раньше во всей Черкесии обозначалось все свободное трудовое население, на рубеже XVIII–XIX вв. в условиях Кабарды и Западной Черкесии стал иметь различный смысл. В Кабарде *лхукъуэл* были опутаны сложной системой поземельной зависимости от князей и дворян настолько, что это слово стало ассоциироваться с крепостной зависимостью. При этом они были юридически свободны и, принадлежа к «простому народу» [КРО: 360], составляли его самый низший слой. В Западной Черкесии этот термин обозначал все «среднее сословие свободных людей» [Карлгоф 1860: 523], расслоившееся на несколько уровней. Таким образом, даже это небольшое сопоставление убеждает, что концепция В.Х. Кажарова о характере кризиса феодального строя в Черкесии, а также использованный им структурно-институциональный подход к анализу социальной жизни черкесов, имеет еще очень большой потенциал для плодотворного постижения не только различных аспектов средневековой истории Кавказа, но и для изучения демократических преобразований здесь в XIV–XIX вв.

Список источников

АБКИЕА – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

АКАК – Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. VII. Тифлис, 1878.

БСЭ – Большая советская энциклопедия. 3-е издание. Т. XI. М., 1973.

КРО – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в двух томах. Т. II. XVIII в. / Сост.: В.М. Букалова. Ред.: Н.А. Смирнов, У.А. Улигов. М., 1957.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. I: Повесть временных лет. Изд. 2-е. Л., 1926. Стб. 146, 147. [Электронный документ]. Проверено 20.06.2011. Получено с www.lrc-lib.ru/rus_letopis/Laurence/gif_mm.ptp.

Абазов, Губжоков и др. 2009 – Абазов А.Х., Губжоков М.Н., Прасолов Д.Н. Рахавев Дж.Я., Унарокова М.Ю. Проблемы истории и этнографии адыгов работах В.Х. Кажарова // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа. Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик, 2009.

Адыгские песни... 2005 – Адыгские песни времен Кавказской войны / Отв. ред. В.Х. Кажаров. Нальчик, 2005.

Бгажноков 2009 – *Бгажноков Б.Х.* Отыскать беспристрастную точку зрения // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик, 2009.

Боров, Азикова 2008 – *Боров А.Х. Азикова Ю.М.* Концепция раннего государства в современной политической антропологии // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. VII.

Боров, Думанов, Кажаров 1999 – *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы / Под ред. А.И. Першица. Нальчик, 1999.

Броневский 199 – *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Извлечение по центральному и Северо-Западному Кавказу. Нальчик, 1999.

Гадло 2006 – *Гадло А.В.* Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. III. С. 440–441, 447.

Гарданов 1967 – *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Издательство «Наука», 1967. 331 с.

Гарданов 2004 – В.К. Гарданов – историк и этнограф. Нальчик, 2004.

Гегель 1977 – *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Философия духа. М., 1977. Т. III.

Губжоков 2014 – *Губжоков М.Н.* Валерий Хаширович Кажаров // Вестник науки / Адыгейский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. 2014. № 3 (27).

Гуревич 1991 – *Гуревич А.Я.* Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

Демьяненко, Дятлова, Украинский 2011 – *Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А., Украинский В.Н.* Школа «Анналов» и ее вклад в исследование экономического пространства // Ойкумена. 2011. № 3.

Дмитриев 2004 – *Дмитриев В.А.* Концептуальное пространство традиционной культуры и пространственное поведение народов Северного Кавказа // Северный Кавказ: человек в системе социокультурных связей. СПб., 2004.

Иллерицкая 2009 – *Иллерицкая Н.В.* Историки России XIX–XX вв. о содержании и эволюции предмета историографии // История и историки: историографический вестник / Ин-т рос. истории РАН. М., 2009.

История КБАССР 1967 – История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967.

История философии 1968 – История философии в СССР: В 5-ти томах / АН СССР, Ин-т философии МГУ им М.В. Ломоносова, Филос. фак; ред. кол. В.Е. Евграфов и др. Т. I. М., 1968.

Кажаров 1981 – *Кажаров В.Х.* К вопросу о феодальных привилегиях в общинном землепользовании адыгов в первой половине XIX века // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981. С. 65–80.

Кажаров 1982 – *Кажаров В.Х.* Сельская община у адыгов: (Поземельные отношения): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1982.

Кажаров 1992 – *Кажаров В.Х.* Адыгская Хаса: Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик, 1992.

Кажаров 1993 – *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. К проблеме основной социальной единицы адыгского феодального общества. Нальчик, 1993.

Кажаров 1994 – *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994.

Кажаров 2005а – *Кажаров В.Х.* У истоков общественной мысли кабардинцев // Исторический вестник / Гл. ред. В.Х. Кажаров. Нальчик, 2005. Вып. I. С. 301–328.

Кажаров 2005б – *Кажаров В.Х.* «История адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова и катастрофы его времени // Исторический вестник / Гл. ред. В.Х. Кажаров. Нальчик, 2005. Вып. II. С. 326–344.

Кажаров 2006а – *Кажаров В.Х.* Альтернативы общественной мысли кабардинцев в первой половине XIX в. // Исторический вестник / Гл. ред. В.Х. Кажаров. Нальчик, 2006. Вып. IV. С. 500–511.

Кажаров 2006б – *Кажаров В.Х.* О времени и обстоятельствах учреждения «духовных судов» в Кабарде // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. III. С. 398–436.

Кажаров 2006в – *Кажаров В.Х.* Кабарда в период «духовного правления» // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. IV. С. 255–271.

- Кажаров 2008а – Кажаров В.Х. Проблемы экономического и социокультурного развития кабардинцев в 1822–1917 гг. // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. VI. С. 43–158.
- Кажаров 2008б – Кажаров В.Х. Предпосылки возникновения религиозного фундаментализма в Кабарде в последней трети XVIII в. // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. VII. С. 181–207.
- Кажаров 2008в – Кажаров В.Х. Историческое кабардиноведение в 1945–1957 гг. // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. IX. С. 159–190.
- Кажаров 2012а – Кажаров В.Х. Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик, 2012.
- Кажаров 2012б – Кажаров В.Х. Историческое сознание, фольклор и национальная письменность кабардинцев в 30–50-е гг. XX в. // Исторический вестник. Нальчик, 2012. Вып. X. С. 190–197.
- Кажаров 2012в – Кажаров В.Х. А.П. Ермолов в кабардинской историографии 90-х гг. XX в. // Исторический вестник. Нальчик, 2012. Вып. XI.
- Карлгоф 1860 – Карлгоф Н.И. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. 1860. Т. XXVIII. Кн. II.
- Катанчиев 2003 – Катанчиев Т.М. Кабардинское обычное право. Его особенности. Изд. 2-е. Нальчик, 2003.
- Ковалевский 2006 – Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. В 2 т. Т. I. Майкоп, 2006.
- Леонтович 2002 – Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I, II. Нальчик, 2002. Вып. I.
- Лопатинский 1891 – Лопатинский Л.Г. О народе адыге вообще и о кабардинцах в частности // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891.
- Метивье 2005 – Метивье Ю. Франция в XVI–XVIII вв. от Франциска I до Людовика XV. М., 2005.
- Налоева 1980 – Налоева Е.Дж. Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды. Сборник статей. Нальчик, 1980.
- Налоева 2015 – Налоева Е.Дж. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / Сост. к.и.н. А.С. Мирзоев. Нальчик, 2015.
- Робакидзе 1978 – Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. 1978. № 2.
- Русские авторы XIX века ... 2001 – Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. В 2 т. Т. I. Нальчик, 2001.
- Северный Кавказ в европейской литературе ... 2006 – Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков. Сборник материалов. Нальчик: «Эль-Фа», 2006.
- Семенов 1998 – Семенов Ю.И. Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющие ее научные дисциплины // Этнографическое обозрение. 1998. № 2.
- Сказания о Жабаги Казаноко 2001 – Сказания о Жабаги Казаноко / Сост., подготовка текстов к печати, комментарии и приложения З.М. Налоева, А.М. Гутова. Вступительная статья З.М. Налоева. Нальчик, 2001.
- Сказкин 1973 – Сказкин С.Д. Избранные труды по истории. М., 1973.
- Шеуджен 2010 – Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. Москва–Майкоп, 2010.
- Энафф 2010 – Энафф М. Клод Леви-Строс и структурная антропология / Пер. с фр. О.В. Кустовой; под науч. ред. А.М. Положенцева. СПб., 2010.
- Этимология 1965 – Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. Под ред. Л.А. Гиндина, Г.А. Климова, В.А. Меркуловой, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева. М.: Издательство «Наука» СССР, 1965.

References

- Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyah evropejskih avtorov XIII–XIX vv.* [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the XIII–XX th centuries]. Nal'chik, 1974. (In Russian)
- Akty, sobrannye Kavkazskoyu arheograficheskoyu komissieyu* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. T. VII. Tiflis, 1878. (In Russian)
- Bol'shaya sovetskaya enciklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. 3-e izdanie. T. XI. M., 1973. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v dvuh tomah [Kabardino-Russian relations in the 16th–18th centuries. Documents and materials in two volumes]. T. II. XVIII v. / Sost.: V.M. Bukalova. Red.: N.A. Smirnov, U.A. Uligov. M., 1957. (In Russian)

Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. I. Lavrent'evskaya letopis'. Vyp. I: Povest' vremennyh let. Izd. 2-e. L., 1926. Stb. 146, 147. [Elektronnyj dokument]. Provereno 20.06.2011. Polucheno s www.irc-lib.ru[rus_letopis|Laurence|gif_mm.ptp. (In Russian)

ABAZOV A.H., GUBZHOKOV M.N., PRASOLOV D.N. RAHAEV DZH.YA., UNAROKOVA M.YU. *Problemy istorii i etnografii adygov rabotah V.H. Kazharova* [Problems of history and ethnography of the Circassians in the works of V.Kh. Kazharov]. IN: Aktual'nye problemy istorii i etnografii narodov Kavkaza: Sbornik statej k 60-letiyu V.H. Kazharova. Nal'chik, 2009. (In Russian)

Adygskie pesni vremen Kavkazskoj vojny [Adyghe songs from the times of the Caucasian War]. Otv. red. V.H. Kazharov. Nal'chik, 2005. (In Russian)

BGAZHONOKOV B.H. *Otyskat' bespristrastnyu tochku zreniya* [Find an impartial point of view]. IN: Aktual'nye problemy istorii i etnografii narodov Kavkaza: Sbornik statej k 60-letiyu V.H. Kazharova. Nal'chik, 2009. (In Russian)

BOROV A.H. AZIKOVA YU.M. *Koncepciya rannego gosudarstva v sovremennoj politicheskoy antropologii* [The concept of the early state in modern political anthropology]. IN: Istoricheskij vestnik. Nal'chik, 2008. Vyp. VII. (In Russian)

BOROV A.H., DUMANOV H.M., KAZHAROV V.H. *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problemy* [Modern statehood of Kabardino-Balkaria: origins, paths of formation, problems]. Pod red. A.I. Pershica. Nal'chik, 1999. (In Russian)

BRONEVSKIJ S.M. *Novejshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze. Izvlechenie po central'nomu i Severo-Zapadnomu Kavkazu* [The latest geographical and historical news about the Caucasus. Extract for the Central and North-West Caucasus]. Nal'chik, 1999. (In Russian)

GADLO A.V. *Poedinok Mstislava s Rededej, ego politicheskij fon i istoricheskie posledstviya* [The duel between Mstislav and Rededej, its political background and historical consequences]. IN: Istoricheskij vestnik. Nal'chik, 2006. Vyp. III. (In Russian)

GARDANOV V.K. *Obshchestvennyj stroj adygskih narodov (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Social system of the Adyghe peoples (XVIII – first half of the XX century)]. IN: M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1967. 331 p. (In Russian)

V. K. Gardanov – istorik i etnograf [V.K. Gardanov – historian and ethnographer]. Nal'chik, 2004. (In Russian)

GEGEL' G.V.F. *Enciklopediya filosofskih nauk. Filosofiya duha* [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Philosophy of spirit]. M., 1977. T. III. (In Russian)

GUBZHOKOV M.N. *Valerij Hashirovich Kazharov* [Valery Khashirovich Kazharov]. IN: Vestnik nauki. Adygejskij institut gumanitarnyh issledovanij im. T.M. Kerasheva. 2014. № 3 (27). (In Russian)

GUREVICH A.YA. *Uroki Lyus'ena Fevra* [Lessons from Lucien Febvre]. IN: Fevr L. Boi za istoriyu. M., 1991. (In Russian)

DEM'YANENKO A.N., DYATLOVA L.A., UKRAINSKIJ V.N. *Shkola «Annalov» i ee vklad v issledovanie ekonomicheskogo prostranstva* [The Annales School and its contribution to the study of economic space]. Ojkumena. 2011. № 3. (In Russian)

DMITRIEV V.A. *Konceptual'noe prostranstvo tradicionnoj kul'tury i prostranstvennoe povedenie narodov Severnogo Kavkaza* [Conceptual space of traditional culture and spatial behavior of the peoples of the North Caucasus]. IN: Severnyj Kavkaz: chelovek v sisteme sociokul'turnyh svyazej. SPb., 2004. (In Russian)

ILLERICKAYA N.V. *Istoriki Rossii XIX–XX vv. o sodержanii i evolyucii predmeta istoriografii // Istoriya i istoriki: istoriograficheskij vestnik / In-t ros. istorii RAN. M., 2009. (in Russian)*

Istoriya Kabardino-Balkarskoj ASSR [History of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic]. M., 1967. S. 149. (In Russian)

Istoriya filosofii v SSSR: V 5-ti tomah [History of philosophy in the USSR: In 5 volumes]. AN SSSR, In-t filosofii MGU im M.V. Lomonosova, Filos. fak; red. kol. V.E. Evgrafov i dr. T. I. M., 1968. (In Russian)

KAZHAROV V.H. *K voprosu o feodal'nyh privilegijah v obshchinnom zemlepol'zovanii adygov v pervoj polovine XIX veka* [On the issue of feudal privileges in the communal land use

- of the Circassians in the first half of the twentieth century]. IN: Voprosy etnografii i etnosociologii Kabardino-Balkarii. Nal'chik, 1981. S. 65–80. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Sel'skaya obshchina u adygov: (Pozemel'nye otnosheniya)* [Rural community among the Circassians: (Land relations)]: Avtoref. dis. kand. ist. nauk. M., 1982. (in Russian)
- KAZHAROV V.H. *Adygskaya Hasa: Iz istorii soslovno-predstavitel'nyh uchrezhdenij feodal'noj Cherkessii* [Adyghe Nasa: From the history of class-representative institutions of feudal Circassia]. Nal'chik, 1992. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Adygskaya votchina. K probleme osnovnoj social'noj edinicy adygskogo feodal'nogo obshchestva*. [Adyghe patrimony. On the problem of the basic social unit of Adyghe feudal societies]. Nal'chik, 1993. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Tradicionnyye obshchestvennyye instituty kabardincev i ih krizis v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka* [Traditional social institutions of Kabardians and their crisis at the end of the 18th century – the first half of the 20th century]. Nal'chik, 1994. (In Russian)
- KAZHAROV V. H. *U istokov obshchestvennoj mysli kabardincev* [At the origins of Kabardian social thought]. IN: Istoricheskij vestnik / Gl. red. V.H. Kazharov. Nal'chik, 2005. Vyp. I. P. 301–328. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *«Istoriya adyhejskogo naroda» SH.B. Nogmova i katastrofy ego vremeni* [“The History of the Adykhay People” by Sh.V. Nogmov and the disasters of his time]. IN: Istoricheskij vestnik / Gl. red. V.H. Kazharov. Nal'chik, 2005. Vyp. II. P. 326–344. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Al'ternativy obshchestvennoj mysli kabardincev v pervoj polovine XIX v.* [Alternatives to the social thought of Kabardians in the first half of the twentieth century]. IN: Istoricheskij vestnik / Gl. red. V.H. Kazharov. Nal'chik, 2006. Vyp. IV. P. 500–511. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *O vremeni i obstoyatel'stvah uchrezhdeniya «duhovnyh sudov» v Kabarde* [About the time and circumstances of the establishment of “spiritual courts” in Kabarda]. IN: Istoricheskij vestnik. Nal'chik, 2006. Vyp. III. P. 398–436. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Kabarda v period «duhovnogo pravleniya»* [Kabarda during the period of “spiritual rule”]. IN: Istoricheskij vestnik. Nal'chik, 2006. Vyp. IV. P. 255–271. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Problemy ekonomicheskogo i sociokul'turnogo razvitiya kabardincev v 1822–1917 gg.* [Problems of economic and sociocultural development of Kabardians in 1822–1917]. IN: Istoricheskij vestnik. Nal'chik, 2008. Vyp. VI. P. 143–158. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Predposylki vozniknoveniya religioznogo fundamentalizma v Kabarde v poslednej treti XVIII v.* [Prerequisites for the emergence of religious fundamentalism in Kabarda in the last third of the 18th century]. IN: Istoricheskij vestnik. Nal'chik, 2008. Vyp. VII. P. 181–207. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Istoricheskoe kabardinovedenie v 1945–1957 gg.* [Historical Kabardian studies in 1945–1957]. IN: Istoricheskij vestnik. Nal'chik, 2008. Vyp. IX. P. 159–190. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Istoriografiya i istoricheskoe soznanie kabardincev vo vtoroj polovine XX – nachale XXI v.* [Istoriography and historical consciousness of Kabardians in the second half of the 20th – beginning of the 19th century]. Nal'chik, 2012. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Istoricheskoe soznanie, fol'klor i nacional'naya pis'mennost' kabardincev v 30–50-e gg. XX v.* [Historical consciousness, folklore and national writing of the Kabardians in the 30–50s. XX century]. IN: Istoricheskij vestnik. Nal'chik, 2012. Vyp. X. P. 190–197. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *A.P. Ermolov v kabardinskoj istoriografii 90-h gg. XX v.* [Ermolov in Kabardian historiography of the 90s. XX century]. IN: Istoricheskij vestnik. Nal'chik, 2012. Vyp. XI. (In Russian)
- KARLGOF N.I. *O politicheskom ustrojstve cherkesskih plemen, naselyayushchih severovostochnyj bereg Chernogo morya* [On the political structure of the Circassian tribes inhabiting the northeastern coast of the Black Sea]. IN: Russkij vestnik. 1860. T. XXVIII. Kn. II. (In Russian)
- KATANCHIEV T.M. *Kabardinskoe obychnoe pravo. Ego osobennosti* [Kabardian customary law. Its features]. Izd. 2-e. Nal'chik, 2003. P. 33. (In Russian)
- KOVALEVSKIY M.M. *Zakon i obyčaj na Kavkaze* [Law and custom in the Caucasus]. V 2 t. T. I. Majkop, 2006. (In Russian)
- LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskih gorcev* [Adats of the Caucasian highlanders]. IN: Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. Vyp. I, II. Nal'chik, 2002. Vyp. I. (In Russian)
- LOPATINSKIY L.G. *O narode adyge voobshche i o kabardincach v chastnosti* [About the Adyghe people in general and about Kabardians in particular]. IN: Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza. Tiflis, 1891. (In Russian)

METIV'Е YU. *Franciya v XVI–XVIII vv. ot Franciska I do Lyudovika XV* [France in the 16th and 18th centuries. from Francis I to Louis XV]. M., 2005. (In Russian)

NALOEVA E.Dzh. *Ob osobennostyah kabardinskogo feodalizma* [On the features of Kabardian feudalism]. IN: *Iz istorii feodal'noj Kabardy. Sbornik statej*. Nal'chik, 1980. P. 20–21. (In Russian)

NALOEVA E.Dzh. *Kabarda v pervoj polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sociuma i problemy social'no-politicheskoy istorii* [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and problems of socio-political history] / Sost. k.i.n. A.S. Mirzoev. Nal'chik, 2015. (In Russian)

ROBAKIDZE A.I. *Nekotorye cherty gorskogo feodalizma na Kavkaze* [Some features of mountain feudalism in the Caucasus]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. 1978. № 2. (In Russian)

Russkie avtory XIX veka o narodah Central'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza [Russian authors of the twentieth century about the peoples of the Central and Northwestern Caucasus]. V 2 t. T. I. Nal'chik, 2001. (In Russian)

Severnyj Kavkaz v evropejskoj literature XIII–XVIII vekov [The North Caucasus in European literature of the 13th–18th centuries]. Sbornik materialov. Nal'chik, «El'-Fa», 2006. (In Russian)

SEMENOV YU.I. *Predmet etnografii (etnologii) i osnovnye sostavlyayushchie ee nauchnye discipliny* [The subject of ethnography (ethnology) and its main components of scientific disciplines]. IN: *Etnograficheskoe obozrenie*. 1998. № 2. (In Russian)

Skazaniya o Zhabagi Kazanoko [Tales of Zhabagi Kazanoko] / Sost., podgotovka tekstov k pečati, kommentarii i prilozheniya Z.M. Naloeva, A.M. Gutova. Vstupitel'naya stat'ya Z.M. Naloeva. Nal'chik, 2001. (In Russian)

SKAZKIN S.D. *Izbrannye trudy po istorii* [Selected works on history.]. M., 1973. (In Russian)

SHEUDZHEN E. A. *Adygi (cherkesy) v prostranstve istoricheskoy pamyati* [Adygs (Circasians) in the space of historical memory]. Moskva–Majkop, 2010. (In Russian)

ENAFF M. *Klod Levi-Stros i strukturnaya antropologiya* [Claude Lévi-Strauss and structural anthropology]. Per. s fr. O.V. Kustovoj; pod nauch. red. A.M. Polozhenceva. SPb., 2010. (In Russian)

Etimologiya. Principy rekonstrukcii i metodika issledovaniya [Etymology. Principles of reconstruction and research methodology]. Pod red. L.A. Gindina, G.A. Klimova, V.A. Merkulovoj, V.N. Toporova, O.N. Trubacheva. M.: Izdatel'stvo «Nauka» SSSR, 1965. (In Russian)

Информация об авторе

Ф.А. Озова – доктор исторических наук. зав. отделом истории народов Карачаево-Черкесской Республики.

Information about the author

F.A. Ozova – Doctor of Science (History), Head of the Department of History of the Peoples of the Karachay-Cherkess Republic.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи на русском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на ее размещение в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Затем статья направляется на рассмотрение одному-двум членам редакционной коллегии. При необходимости к рецензированию привлекаются приглашенные эксперты. Имена рецензентов не сообщаются авторам. Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации. При положительном заключении рецензентов о качестве статьи она формируется в очередной выпуск.

Статьи не публикуются в авторской редакции. В случае необходимости внесения правки, ответственный секретарь журнала оповещает автора статьи о необходимости ее доработки. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами (12–25 с.);
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- тип статьи (научная статья, обзорная статьи, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, рецензия на книгу, и т.п.) в верхнем левом углу;
- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- DOI статьи в верхнем левом углу;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя, отчество и фамилия автора(ов);
- контактная информация об авторе(ах): место работы, электронный адрес, ORCID каждого автора(ов);
- аннотация (резюме) статьи на русском языке (100–250 слов);
- ключевые слова (5–7 слов на русском языке);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя и фамилия автора(ов) (английская транскрипция);
- abstract (резюме) на английском языке (100–250 слов);
- keywords (5–7 слов на английском языке);
- контактная информация об авторе(ах) на английском языке: место работы, электронные адреса, ORCID каждого автора(ов);
- основной текст статьи;

- список источников;
- список источников на латинице (References);
- дополнительные сведения об авторе(ах) (ученая степень, ученое звание, должность);
- сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов

1.3. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

1.3.1. Заглавная часть

1.3.1.1. **ТИП СТАТЬИ** (научная статья, обзорная статьи, рецензия на книгу и т.п.) в верхнем левом углу, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.2. **ИНДЕКС УДК** (универсальная десятичная классификация) слева, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.3. **ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ** на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт., размещение по центру.

1.3.1.4. **ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(АХ)** располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине без абзацного отступа. Основные сведения об авторе содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (полностью);
- наименование организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.п.);
- адрес организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (e-mail) приводится без слова “e-mail”, после электронного адреса точка не ставится;
- открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID); ORCID указывается в форме электронного адреса в сети «Интернет», в конце ORCID точка не ставится.

Наименование организации, её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений:

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1,2}

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия**

Если статья написана в соавторстве, то имена авторов приводят в принятой ими последовательности; сведения о месте работы (учебы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имен авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений. При этом один из соавторов, ответственный за переписку, и его электронный адрес обозначаются условным изображением конверта .

ПРИМЕР:

Иванович Иванов¹, Петр Петрович Петров²

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>**

Если у авторов одно и то же место работы, учебы, то эти сведения приводят один раз:

Иван Иванович Иванов¹✉, Петр Петрович Петров²

^{1, 2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

¹ivanov@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

²petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если авторов более 4, допускается приводить имена, отчества в форме инициалов и фамилии авторов. В полной форме эти данные, а также электронные адреса, ORCID помещают в этом случае в конце статьи вместе с дополнительными сведениями об авторах.

В случае написания статьи в соавторстве одного из авторов обозначают ответственным за переписку:

И.И. Иванов¹, П.П. Петров², В.В. Васильева³, Ф.Ф. Федоров⁴

^{1, 2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

^{3, 4}Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Автор, ответственный за переписку: Иван Иванович Иванов, ivanov@mail.ru

1.3.1.5. *АННОТАЦИЯ* статьи на русском языке (не менее 150 слов, но не более 250 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, предваряется словом «Аннотация.» (Abstract.).

1.3.1.6. *КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА* (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) предваряются словами «Ключевые слова:» (“Keywords:”) и отделяются друг от друга запятыми; после ключевых слов точка не ставится – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см.

1.3.1.7. *ДАННЫЕ О СТАТЬЕ И ОБ АВТОРЕ(-АХ) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ* (оформление такое же, как и в русском варианте).

Если статья написана на одном из национальных языков, то вышперечисленные элементы издательского оформления сначала указываются на языке статьи, затем – на английском, потом – на русском языке.

1.3.2. Основной текст статьи.

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине.

1.3.3. Ссылки и список источников

В список источников включаются записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Ссылки на источники (литературу) в тексте статьи даются в квадратных скобках (указывается фамилия автора или начало заглавия работы, указывается год публикации работы, страницы приводятся через двоеточие): [Бархударов 1975: 31–33], [Актуальные вопросы... 2007: 140]; при ссылке на несколько источников позиции отделяются точкой с запятой [Бархударов 1975; Новиков 2012: 35]. Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБКНКА [АБКНКА 1974: 200]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Караулов, Чулкина, 2008: 141]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и

писать «и др.» [Караулов и др. 1999]. При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, c к году издания [Новиков 2012a], [Новиков 2012b]. Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15].

Список источников приводится в алфавитном порядке после основного текста с заголовком по центру; один источник может упоминаться только один раз, набирается с абзачным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы и интернет-источников) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка; ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи.

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: Тимижев Х.Т. О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

ПРИМЕР:

Список источников

Адыгэ псалъальэ 1990 – *Адыгэ псалъальэ* (Словарь кабардино-черкесского языка). Москва: Дигора, 1999. 860 с.

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 39–58.

Добричев 2013а – *Добричев С.А.* К вопросу о природе конверсных отношений в английском языке // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 19–22.

Добричев 2013б – *Добричев С.А.* О прагматических аспектах в семантико-синтаксической категории конверсности // Филология и человек. 2013. № 4. С. 156–165.

Кыщокъуэ 2005 – *Кыщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман. Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.).

Караулов, Чулкина 2008 – *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения: 25.08.2015).

Къарачай-малкъар фольклор... 1996 – *Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М.* Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

Конституция... 1918 – *Конституция* (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 18.08.2021).

Новиков 2012 – *Новиков В. И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения: 12.12.2015).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ТСРЯ 2007 – *Толковый словарь русского языка* с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Bassnett 2000 – *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.4. Список источников на латинице (References)

Набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине. Порядок должен сохраняться как в русском варианте.

В References вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации (**согласно стандарту BSI**). Транслитерацию можно осуществить на сайте <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке с вариантами выбираем **систему кодировки BSI**).

Фамилии авторов на русском языке (в том числе и для источников на национальных языках) печатаются прописными буквами. Транслитерированные названия работ выделяются курсивом (в случае, если источник на национальном языке, транслитерируется оригинальное название), далее в квадратных скобках следует их перевод (для источников на национальных языках переводу подлежит их русскоязычное название). Если работа снабжена также англоязычным названием, в данном случае следует использовать его.

Перед заглавием сборника, многотомного или продолжающегося издания, периодического издания, в состав которого входит описываемая работа, знак «//» следует заменить на «IN:». Все источники на русском или национальных языках приводятся с соответствующей пометкой (In Russian / In Kabardino-Circassian / In Karachay-Balkarian).

Названия журналов приводятся в транслитерации, если нет официального названия на английском языке.

Названия сборников, коллективных трудов и т.п., на статью из которых дается ссылка, приводятся сперва в транслитерации (курсив), затем в квадратных скобках следует перевод на английский язык. Все дополнительные сведения (составитель, ответственный редактор и т.п.) приводятся в переводе. Место издания должно быть указано полностью. Город, название издательства, указания на том, выпуск, коллекцию и страницы также указываются на английском языке. Источники на латинице транслитерации и переводу не подлежат.

ПРИМЕР:

References

Adyge psal'al'e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Archive of the Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center]. Folder 1. Passport 1. (In Russian)

BARHUDAROV L.S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and private theory of translation)]. Moscow: International relations, 1975. 240 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *KBIHR Bulletin*. 2019. No. 3(42). P. 39–58. (In Russian)

DOBRICHEV S. A. *K voprosu o prirode konversnykh otnoshenii v angliiskom yazyke* [On the question of the nature of conversion relations in English]. IN: *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*. 2013. № 1. P. 19–22. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *O pragmaticheskikh aspektakh v semantiko-sintaksicheskoi kategorii konversnosti* [On pragmatic aspects in the semantic-syntactic category of conversion]. IN: *Filologiya i chelovek*. 2013. № 4. P. 156–165. (In Russian)

KESHOKOV A. *H'uepseg'ue nur* [Wonderful moment]: novel. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 1. 600 p. (In Kabardino-Circassian)

KARAULOV YU.N., CHULKINA N.L. *Russkaya yazykovaya lichnost'. Integrativnyj aspekt v usloviyah mezkhkul'turnyh kommunikacij* [Russian language personality. An integrative aspect in the context of intercultural communication]: textbook. Moscow, 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (date of access: 25.08.2015). (In Russian)

K'arachaj-malk'ar fol'klor: hrestomatiya [Karachay-Balkarian folklore]: reader / compiled by T.M. Hadzhieva]. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p.). (In Karachay-Balkarian)

Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki (prinyata V Vserossiiskim S'ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.)

[Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918)]. IN: Electronic Museum of the Constitutional History of Russia: website. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (access data: 18.08.2021). (In Russian)

NOVIKOV V.I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoj literaturnoj zhurnalistiki* [Essays as a genre dominant of new literary journalism]. IN: *Mediascope*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (date of treatment: 12.12.2015). (In Russian)

Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives]. (In Russian)

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of Russian language with inclusion of information about origin of words] / edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Publishing center «Azbukovnik», 2007. 1175 p. (In Russian)

BASSNETT S. *Translation Studies*. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.5. Дополнительные сведения об авторе (авторах) указываются в конце статьи (после «Списка источников» и «References») под заголовком «Информация об авторе (авторах)», дублируются на английском языке («Information about the author (authors)») и могут содержать информацию об ученой степени, ученом звании, должности.

ПРИМЕР:

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор филологических наук, профессор;

В.И. Чупров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Science (Philology), Professor;

V.I. Chuprov – Candidate of Science (History), Professor.

1.3.6. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т.д.).

ПРИМЕР:

Вклад авторов:

И.И. Иванов – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

П.П. Петров – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.I. Ivanov – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

P.P. Petrov – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Или:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Усл. печ. л.
10

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 298

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*